В. З. ДРОБИЖЕВ, А. К. СОКОЛОВ, В. А. УСТИНОВ

РАБОЧИЙ КЛАСС СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРВЫЙ ГОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

(Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1975

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

кандидаты исторических наук
Э. В. Клопов, Ю. А. Мошков

Владимир Зиновьевич Дробижев,
Андрей Константинович Соколов,
Валентин Алексеевич Устинов

РАБОЧИЙ КЛАСС СОВЕТСКОЙ РОССИИ
В ПЕРВЫЙ ГОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Тематический план 1974 г. № 74

Редактор Н. Г. Думова
Редактор издательства С. В. Новиков
Переплет художника В. С. Казакевича
Технический редактор З. С. Кондрашова
Корректоры М. И. Эльмус, И. А. Мушникова

Сдано в набор 28/VI 1974 г. Подписано к печати 19/III 1975 г. Л-21663
Формат 60×90 1/16 Бумага тип. № 1 Физ. печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 15,26
Изд. № 2259 Зак. 569 Тираж 1710 экз. Цена 1 р. 64 к.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

Д $\frac{10203-134}{077(02)-75}$ 74—74

Введение

На долю пролетариата России выпала великая миссия первым в мировой истории совершить социалистическую революцию. «Нигде в мире,— писал В. И. Ленин в 1917 г.,— не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России» [1]. Российский рабочий класс был и экономически, и политически, и идеологически подготовлен к роли гегемона в социалистической революции всей предшествующей историей.

Большевистская партия в своем руководстве процессами революционного обновления мира опиралась на строгий научный анализ социально-классовой структуры общества. «Социальная структура общества и власти, — писал об этом В. И. Ленин, — характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития,— те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля» [2].

Современная эпоха выдвигает перед марксистской социологией новые важные задачи, решение которых связано с осмыслением пройденного пути, анализом исторического опыта, накопленного народами СССР в их движении к бесклассовому обществу. Без этого нельзя выработать научных прогнозов дальнейшего развития социальной структуры советского общества и других социалистических стран, сделать опыт СССР достоянием тех народов, которые избрали некапиталистический путь развития.

Настоящая работа ставит своей задачей анализ социальной структуры рабочего класса в первый год пролетарской диктатуры. Этот этап характеризуется коренным изменением всей социальной структуры общества, превращением пролетариата из класса угнетенного, находящегося на нижней ступеньке социальной лестницы, в класс господствующий, осуществляющий диктатуру в стране победившей социалистической революции.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 177.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 186.

Второй аспект исследования — определение методики выборочной обработки одного из видов массового источника с помощью современной вычислительной техники. При этом мы учитывали, что без серьезного обоснования правомерности избранной методики могут быть поставлены под сомнение и выводы книги.

Методика обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. может быть применена и при анализе других массовых статистических источников. Речь идет о накоплении опыта в таких важнейших областях методики исторических исследований, как выборочный метод, подготовка массовых документов к обработке на электронно-вычислительных машинах, разработка программ, связанных с определением зависимости между факторами в историко-социальных исследованиях.

Работа велась в рамках ведущей научной проблемы кафедры Истории СССР советского периода исторического факультета МГУ «Изменение социальной структуры советского общества». Авторы на протяжении ряда лет руководили на историческом факультете специальными семинарами. Студенты В. А. Благова, А. Ю. Другов, В. А. Коршунов, А. Г. Лоскутова, И. Л. Леонов, Л. А. Неретина, О. Н. Сорокина, Ю. А. Шашков и другие приняли участие в первичной обработке материалов профессиональной переписи 1918 г. по отдельным губерниям страны. Кодировка переписных бланков была осуществлена работниками хозрасчетной группы Центрального государственного архива народного хозяйства Е. И. Соколовой, Г. И. Соловьевой, В. В. Тютиным. Выражаем им искреннюю благодарность.

●

Выдающийся вклад в разработку марксистской теории классов внес В. И. Ленин. Особое внимание он уделял изучению формирования и развития российского пролетариата. Ленинские указания о социальном облике и социальной структуре рабочего класса являются методологической основой исследования темы.

Уже в ранних своих работах и прежде всего в «Развитии капитализма в России» Ленин отметил характерные черты российского пролетариата, раскрыл закономерности его формирования. Он указывал на роль крупного производства в складывании промышленных кадров, на судьбы мелкотоварного хозяйства в условиях развития капиталистических отношений.

Важнейшим источником формирования пролетариата России являлось крестьянство. На первых порах многие рабочие еще не порывали окончательно свои связи с деревней. «В нашей пропаганде и агитации, — подчеркивал В. И. Ленин, — мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда»[3]. Это та часть рабочих, которая в отличие от кадрового пролетариата, живущего исключительно продажей рабочей силы, «еще не порвала с землей, покрывает отчасти свои расходы продуктами своего земледельческого хозяйства... и образует... тип наемных рабочих с наделом...»[4].

Но связь с землей нельзя рассматривать как признак отсутствия пролетариата в России. Наличие такой связи говорит лишь о своеобразии путей формирования российского пролетариата. Развитие крупного фабрично-заводского производства ведет к отлучению крестьян от земли, к созданию постоянных кадров рабочего класса. «Крупная машинная индустрия, — писал В. И. Ленин, — производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отделяя его окончательно от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни»[5].

В. И. Ленин подробно описывал процесс изменения психологии крестьянина в новой для него рабочей обстановке: «Темные, бессознательные крестьяне, попадая впервые на фабрику, хорошо оборудованную, снабженную чудесами новейшей техники, приходили в недоумение, чувствовали себя подавленными необычайной роскошью фабрики. Невежественная душа крестьянина усматривала в фабриканте своего благодетеля, кормильца, который дает работу, без которого не прожить рабочему. Беспомощный рабочий из заброшенной, захолустной деревенской жизни, попадая в бурлящий котел фабрики, где он получал более сносные условия существования и возможность кое-как прокормиться, подпадал под гнетущее ярмо капиталистической эксплуатации... Но... постепенно рабочий освобождается от своей крестьянской отсталости и забитости и начинает подниматься на более высокую ступень развития... появляются первые попытки борьбы с угнетателями...»[6].

В связи рабочих с сельским населением, с деревней В. И. Ленин усматривал не только отрицательные стороны. Он полагал, что приход фабрики в деревню, который сразу превращал захолустного мужика в рабочего[7], способствовал усилению социальной близости пролетарских и полупролетарских сельских слоев. В период империализма в России происходило ускорение темпов отделения рабочих от земли, чему способствовало усиление концентрации производства, рост капиталистической эксплуатации, которая постепенно создавала совершенно рвущий с деревней пролетариат[8].

Уже в ранних своих работах В. И. Ленин настойчиво проводил мысль о том, что социальная структура пролетариата — не абстрактная категория. Отдельные слои рабочего класса проявляют различную степень политической активности и сознательности.

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 238.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 583.
[5] Там же, стр. 541.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 317—318.
[7] См. В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 3, стр. 525.
[8] См. там же, стр. 498.

Как отмечал В. И. Ленин, империализм имеет тенденцию к выделению особого привилегированного слоя пролетариата за счет подкупа части рабочего класса. Рабочая аристократия объединяет меньшинство обученных, хорошо оплачиваемых рабочих [9]. Социальная психология этой группы во многом отличается от психологии всего рабочего класса. Рабочая аристократия, по одному из определений В. И. Ленина, — это обуржуазившиеся рабочие [10]. Слой рабочей аристократии «насквозь пропитан буржуазными предрассудками и ведет определенную буржуазную реформистскую политику» [11]. Этому слою присущи дух цеховой узкости, мещанские предрассудки. Представители рабочей аристократии порывают со своим классом и сплачиваются с буржуазией. Ленин характеризовал этот союз как «союз небольшого слоя привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией *против* масс рабочего класса, союз лакеев буржуазии с нею самой *против* эксплуатируемого ею класса» [12].

В России рабочая аристократия была крайне немногочисленной. Лишь отдельные категории высокооплачиваемых рабочих, прежде всего среди печатников, а также некоторых других профессий можно было отнести к этому слою пролетариата [13].

В. И. Ленин делил рабочий класс на три слоя. В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» он писал: «За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих... за средним слоем идет масса низших слоев пролетариата» [14]. В соответствии с этим определялась степень близости отдельных отрядов пролетариата к партии. «Именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности, — писал Ленин, — необходимо провести различие по степени близости к партии» [15]. Ленин решительно боролся с попытками смешивать эти слои в рабочем классе или не видеть подобного деления. «Было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда...» [16].

При анализе отдельных отрядов рабочего класса В. И. Ленин широко использовал данные земской и фабрично-заводской статистики. Он дал детальную оценку этих материалов, указал на их недостатки.

Основой выделения отдельных слоев внутри рабочего класса для В. И. Ленина является сумма социально-экономических, идеологических и социально-психологических признаков. При этом подчеркивалась тесная взаимосвязь этих факторов.

[9] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 122.
[10] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 322.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 265.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 119.
[13] См. там же, стр. 308; т. 38, стр. 10—11.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 269—270.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 245.
[16] Там же.

К наиболее передовым слоям рабочих В. И. Ленин относил металлистов. «Металлисты, — писал он, — являются наилучше оплачиваемыми, наиболее сознательными, наиболее культурными пролетариями» [17]. «Металлисты — самые развитые и передовые рабочие не только в Питере, но и во всей России, — не только в России, но и во всем мире» [18]. Наряду с авангардом В. И. Ленин выделял также «арьергард» класса. Обыкновенно это хуже всех оплачиваемая часть рабочих, к которой относятся очень широкие слои «необученных», «неквалифицированных рабочих» [19].

Существует тесная связь между степенью экономического и социального развития отдельных слоев рабочего класса. Но эта связь не действует автоматически. Причастность отдельного рабочего к разряду металлистов вовсе не означает, что он только в силу этого высоко сознателен и активен в борьбе за общее дело пролетариата. Точно так же нельзя отказать в сознательности и активности отдельным рабочим, по экономическим признакам относящимся к низшим слоям пролетариата. Речь идет об общей закономерности, когда экономически наиболее развитые слои рабочего класса являются и наиболее передовыми в плане классового сознания, социальной психологии и общественного поведения. Эти передовые слои отличаются наибольшей активностью, сплоченностью, способностью к организации, пониманием задач, стоящих перед классом, и готовностью бороться во имя общей цели — т. е. обладают теми чертами, которые больше всего выражают облик всего класса. Поэтому В. И. Ленин считал, что передовые слои рабочих выражают интересы всего класса. Обращаясь к опыту революционного движения французского пролетариата, он писал: «Когда в Париже в 1871 году было восстание парижских рабочих, немалое число рабочих других городов боролось против них в войсках белогвардейцев и подавляло парижских рабочих. Это не мешало сознательным социалистам утверждать, что парижские коммунары представляют собой весь пролетариат, т. е. все, что есть лучшего, честного, в войсках же белогвардейцев были отсталые слои рабочих» [20].

Уже после победы Октябрьской революции В. И. Ленин вновь возвращается к исследованию структуры рабочего класса эпохи империализма. Необходимо было определить исходные рубежи, с которых начинался процесс превращения пролетариата в класс социалистического общества. Кроме того, глубокий научный анализ структуры пролетариата капиталистического общества вооружал молодые коммунистические партии Запада правильной тактикой борьбы за сплочение масс на пути социального обновления мира.

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 100.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 246.
[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 10.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», говоря о социальной неоднородности пролетариата в условиях капитализма, В. И. Ленин писал: «Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость — и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью» [21].

В. И. Ленин прямо указывал на существование внутри пролетариата «более и менее развитых слоев». Важно иметь в виду, что понимал Владимир Ильич под степенью развития того или иного слоя. Вся логика ленинского анализа показывает, что речь идет прежде всего о чистоте пролетарского типа, о степени участия рабочих в общественном производстве через продажу рабочей силы, о доле непролетарских источников дохода, о степени осознания пролетариями своих истинных классовых интересов.

Характеризуя передовых рабочих, В. И. Ленин отмечал относительную малочисленность этого слоя. «Действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих» [22]. Передовые рабочие составляют основную часть партии. Не случайно партия и авангард рабочего класса часто упоминаются В. И. Лениным как синонимы. «Партия, — писал Ленин, — сознательный, передовой слой класса, его авангард» [23]. Слой передовых рабочих играет такую же роль в составе рабочего класса, как и сам рабочий класс во всем населении страны. «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения». Это происходит потому, что «пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме» [24].

В трудах В. И. Ленина подробно анализируется процесс превращения рабочего класса из угнетенного, эксплуатируемого в ведущий, руководящий класс социалистического общества. Новый

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 58—59.
[22] Там же, стр. 236.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34.
[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

социальный облик пролетариата Ленин связывает с утратой ряда специфических черт, которые были следствием угнетенного положения, и с приобретением новых качеств, вытекающих из изменения его политического, правового и экономического положения. По мере успехов социалистического строительства происходит консолидация различных слоев рабочего класса, ликвидируется слой рабочей аристократии, постоянно падает удельный вес рабочих, имеющих свое хозяйство в деревне.

К проблеме внутриклассовой структуры пролетариата в первые годы Советской власти В. И. Ленин обращался многократно. Это было связано прежде всего с необходимостью организации пролетарской диктатуры в стране, где пролетариат составлял меньшинство населения, где большинство принадлежало к полупролетарским слоям.

Одной из важнейших задач Советской власти В. И. Ленин считал задачу консолидации рабочего класса и призывал держать равнение на авангард пролетариата. Он постоянно обращал внимание на необходимость решительной борьбы с мелкобуржуазными предрассудками среди рабочих, на необходимость воспитания пролетариата таким образом, чтобы новые слои рабочих смогли заместить тех, кто был выдвинут революцией в государственный аппарат.

Тяжелые условия гражданской войны, голод и разруха вызвали деклассирование пролетариата. Только после окончания войны оказалось возможным осмыслить значение и размеры этого явления. Ленин видел главную причину деклассирования в сокращении крупной промышленности. В связи с распылением сил пролетариата остро встала угроза мелкобуржуазной стихии. Ленин в это время особое внимание уделял вопросу о чистоте пролетарского типа. Он сформулировал те принципы, по которым можно выделить истинно пролетарское ядро класса. В работе «Об условиях приема новых членов в партию» Владимир Ильич писал: «У нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих» [25].

Главным признаком принадлежности к кадровым рабочим Ленин считал достаточно длительный стаж работы в промышленности и прежде всего на крупных предприятиях. Когда в партии обсуждался вопрос о длительности кандидатского стажа для рабочих, Ленин заметил, что минимальный срок для «вываривания» в фабричном котле должен быть 10 лет. Он писал тогда: «У Зиновьева стаж определен в $^1/_2$ года для рабочих и год для остальных. Предлагаю оставить полгода только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышлен-

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 18.

ных предприятиях. Для остальных рабочих назначить $1^1/_2$; 2 года назначить для крестьян и красноармейцев и 3 года для всех остальных»[26]. При этом В. И. Ленин призывал обращать внимание на степень усвоения пролетарской психологии. Под понятие «рабочий», по его мнению, подходят только те, «кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта»[27].

Большое значение для понимания взглядов В. И. Ленина на социальную структуру рабочего класса имеют его замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Они относятся как раз к тому этапу переходного периода, который рассматривается в нашей работе.

Ленин подчеркнул, что в условиях переходного периода пролетариат сплачивается и организуется. Он оказывается неистощимым источником организационной энергии. Наряду с самодеятельностью и самодисциплиной в момент гигантских социальных преобразований пролетариат распространяет принуждение как метод организации производства на все социальные группы, противостоящие ему. Принуждение распространяется также на всех трудящихся, в том числе и на отдельные группы и слои пролетариата. Это связано с тем, что новое общество вырабатывается из «человеческого материала капиталистической эпохи». «Родимые пятна капитализма» несет на себе и сам пролетариат. В противовес Бухарину, который считал, что сила класса, совершившего социальный переворот, зависит только от степени его организованности[28], Ленин указал, что сила класса в этот момент зависит: «1) от его численности; 2) от роли в экономике страны; 3) от связи с массой трудящихся; 4) от его организованности»[29]. Мы видим, насколько шире и глубже взгляды Ленина на потенциальные возможности пролетариата в отличие от узкого и одностороннего определения Бухарина.

Социальная неоднородность класса мыслилась Бухариным как довольно пестрая картина «бытия различных категорий рабочего класса, а, следовательно, и их общественного сознания». Ленин особенно подчеркнул роль материальных предпосылок в оценке социальной неоднородности пролетариата[30]. Он указывал также, что содержанием процесса революционного воспитания различных слоев внутри рабочего класса в условиях переходного периода является постоянное приближение к авангарду рабочего класса его средних и низших слоев. В этом заключается процесс превращения «класса в себе» в «класс для себя»[31].

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 17—18.
[27] Там же, стр. 20.
[28] «Ленинский сборник XI», стр. 392.
[29] Там же.
[30] Там же, стр. 393.
[31] Там же.

Отсюда следует оценка слоев внутри пролетариата по степени осознания ими интересов своего класса. Пролетарский авангард выступает как сознательная, продуманно действующая организующая величина. Авангард увлекает за собой сочувствующую середину, которая инстинктивно сочувствует перевороту, но не может еще ясно формулировать цели и точно наметить пути. Как наименее развитая часть рассматривается группа рабочих, совершенно развращенных капитализмом, с массой узких, эгоистических, шкурнических побуждений.

Анализ ленинских трудов позволяет сделать вывод о том, что в основе динамики социальной структуры рабочего класса после победы Великого Октября лежит его экономическая и политическая консолидация, преодоление социальной неоднородности, унаследованной им от старого мира.

В работах Ленина можно проследить критерии, по которым различаются отдельные слои рабочих. Это прежде всего среда, в которой происходит формирование промышленных кадров, характер производства, длительность принадлежности к рабочей среде и вообще длительность труда по найму, обученность (квалификация) рабочих, оплата их труда, уровень политического и классового сознания, уровень образования и культуры и т. д. При оценке степени близости к пролетариату других социальных групп Ленин выделял критерии постепенно возрастающих чисто пролетарских источников дохода.

●

Развитие советской историографии социальной структуры рабочего класса основывалось на творческом усвоении важнейших ленинских методологических положений. Решение этой задачи осложнялось необходимостью преодоления буржуазных и мелкобуржуазных взглядов на социальную природу российского пролетариата.

Одной из главных черт буржуазной и мелкобуржуазной историографии является непонимание особенностей развития российского капитализма, абсолютизирование лишь одной стороны специфики формирования пролетариата в России — его связи с деревней. Истоки такого подхода обнаруживаются в народнических и буржуазно-либеральных воззрениях 90-х годов XIX в.

С попыткой выделить социальные типы внутри российского пролетариата была связана работа немецкого катедер-социалиста Г. Шульце-Геверница «Очерки общественного хозяйства и экономической политики России». Используя данные Ф. Ф. Эрисмана, В. В. Святловского, И. И. Янжула и других статистиков, главным образом по промышленности Центрального района, Г. Шульце-Геверниц пришел к выводу, что для России характерны наиболее примитивные формы капиталистического развития, имеющие аналогию

лишь в самых глухих уголках Европы[32]. Он выделяет четыре стадии пролетаризации или «европеизации» фабрично-заводского труда в России, для которых характерны определенные социальные типы. Рабочий, находящийся на первой стадии, — это, по Шульце-Геверницу, даже не рабочий, а в сущности крестьянин, дополняющий свой доход побочным заработком в промышленности. Этого «фабричного номада», рассматривающего работу на фабрике как случайный заработок, автор считает характерным для восточных губерний Центрального промышленного района. На второй стадии возникают более устойчивые связи с фабрично-заводским производством, появляются рабочие артели, артельное харчевание, харчевые лавки. Но семьи таких рабочих еще находятся в деревне, и сами рабочие большую часть времени заняты в деревенском хозяйстве. «Пролетаризированное крестьянство», — так определяет автор рабочих, находящихся на данной стадии развития. Этот тип Шульце-Геверниц считает преобладающим среди рабочего класса России[33].

Образование собственно пролетариата происходит по Шульце-Геверницу на третьей стадии его развития. В это время возникают рабочие семьи, правда, все еще живущие в казармах, возрастает доля женщин и малолетних рабочих; на месте «фабричного номада» появляется связанный с производством рабочий. Однако связь с землей, с деревенским крестьянским хозяйством еще очень устойчива и характерна для основной массы рабочих, принадлежащих к данному типу. «Этого уровня развития к концу XIX века, — писал автор, — достигли только хлопчатобумажники, точнее прядильщики и ткачи Московской губернии»[34].

Четвертая стадия, по Шульце-Геверницу, характерна разрывом с казармами, артельным харчеванием, лавками, натуральной оплатой и другими примитивными формами быта. Происходит разрыв с земледелием и образование кадровых промышленных рабочих. Эту стадию Шульце-Геверниц считает для России не характерной: по его мнению, ее достигли к концу XIX в. только отдельные группы рабочих среди машиностроителей Москвы и Петербурга, а также рабочие Польши[35].

Таким образом, весь пафос труда Г. Шульце-Геверница сводится к стремлению доказать отсутствие в России собственно пролетариата, а следовательно, и основы для рабочего движения.

Взгляды Шульце-Геверница оказали несомненное воздействие на кадетские и меньшевистские воззрения о социальном облике российского рабочего класса.

В период империализма появился ряд работ, посвященных конкретному анализу социальной дифференциации пролетариата.

---

[32] Г. Шульце-Геверниц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1900, стр. 116.
[33] Там же, стр. 128.
[34] Там же, стр. 132.
[35] Там же, стр. 133.

Одна из них — это исследование служащих XII отдела императорского русско-технического общества (Содействия труду) А. Свавицкого и В. Шера «Очерк положения рабочих печатного дела в Москве». В книге обобщены данные анкетного обследования, произведенного профсоюзом печатников («Обществом рабочих графических искусств») в 1907 г. Анкета этого профсоюза содержала очень интересные сведения о профессии рабочих, возрасте, семейном положении, происхождении, связи с землей, возрасте поступления на производство, о перемене предприятий в процессе прохождения рабочего стажа, общем рабочем стаже и стаже на данном предприятии, о заработной плате, формах оплаты труда, о перерывах в рабочем стаже и их продолжительности, о жилищных условиях. Данные анкеты должны были дополняться картами на предприятия, содержащими сведения о самом предприятии, о числе рабочих, их профессионально-технической подготовке, энерговооруженности, общих условиях труда и забастовках[36]. Анкеты рассылались всем рабочим-печатникам Москвы, но в обработку были включены только возвращенные и полноценные анкеты.

Процедурная часть исследования была выполнена А. Свавицким и В. Шером на высоком уровне. При обработке были получены аналитические таблицы, дающие достаточно ясное представление о социальной принадлежности рабочих-печатников. Однако интерпретация количественного материала была подчинена задаче обоснования заведомо ошибочной концепции. В работе сказывается стремление доказать неразвитость и отсталость рабочего класса России в целом[37].

Давая характеристику печатников как авангарда пролетариата, авторы недвусмысленно делают намек на социальный облик остальной рабочей массы. Если около половины типографских рабочих ведут земледельческое хозяйство, то что же говорить об остальных! Если типографские рабочие постоянно блуждают по России в поисках большого заработка, то что же говорить об остальных! и т. д.

В книге совершенно обойден вопрос о роли крупного производства в формировании рабочих кадров. Тот факт, что большинство типографских рабочих сосредоточивалось на мелких частнокапиталистических предприятиях, вообще не получил отражения в книге.

На основании изучения типографских рабочих авторы выделили три социальных типа в составе пролетариата: 1) «городских» рабочих, т. е. не имеющих связи с деревней; 2) «деревенских», т. е. ведущих в деревне хозяйство и 3) «переходных», имеющих в деревне хозяйство или дом[38]. Удельный вес рабочих первого типа ока-

---

[36] Карты на предприятия после их получения попали в охранное отделение и затем исчезли вообще. Поэтому они не были обработаны. Анкету и карту см.: А. Свавицкий и В. Шер. Очерк положения рабочих печатного дела в Москве. СПб., 1909, приложения.
[37] Там же, стр. 20.
[38] Там же, стр. 8.

зался значительно заниженным. Стремясь к доказательству своей исходной посылки, А. Свавицкий и В. Шер в показатели связи с деревней включили и такие, которые в действительности не дают основания фиксировать наличие таких связей. В книге не конкретизировано и понятие «ведет хозяйство не лично»[39]. Неправомерно также зачисление в число рабочих «деревенского» типа только на основании данных о месте рождения без учета возраста, стажа и времени поступления на предприятие. Вызывает возражение и использование в качестве показателей хозяйственных связей с сельским хозяйством наличие в деревне родственников, посылка денег и т. п.

С. Н. Прокопович, исследовавший бюджеты петербургских рабочих по анкете XII отдела императорского русско-технического общества, выделял 4 типа в составе рабочего класса: 1) рабочих, не имеющих никакой связи с деревней, чистых горожан; 2) рабочих, имеющих в деревне родственников; 3) рабочих, имеющих в деревне землю или право на землю; 4) рабочих, имеющих в деревне хозяйство[40]. Таким образом, Прокопович подчеркнул многообразие связей с деревней, которые не всегда служат доказательством непринадлежности к пролетарскому типу. Однако, продолжая традиции буржуазной историографии, С. Н. Прокопович слишком преувеличил роль деревни в формировании рабочего класса, связь русских рабочих с землей. Он утверждал, что из-за низкого уровня материальной обеспеченности в России было якобы невозможным формирование рабочего класса за счет собственно рабочей среды[41].

Один из меньшевистских авторов В. В. Леонтьев сделал попытку сформулировать некоторые методические приемы анализа социального положения рабочего класса. Автор попытался очертить круг статистических и других источников, которые, по его мнению, могли лечь в основу изучения этой проблемы. Леонтьев одним из первых предложил использовать первичные материалы статистических обследований, справедливо отметив неполноту опубликованных данных. Он указал на возможность использования выборочного метода и других методов статистики и теории вероятности[42].

Однако при анализе фактического материала Леонтьев не вышел из рамок меньшевистских воззрений на природу и характер российского пролетариата. Его взгляды мало отличаются от сухановской схемы социальной дифференциации рабочего класса, которая, пожалуй, в наиболее завершенном виде выражает сущность меньшевистской концепции.

---

[39] А. Свавицкий и В. Шер. Ук. соч., стр. 9.

[40] См. С. Н. Прокопович. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909, стр. 37.

[41] Там же, стр. 43.

[42] См. В. В. Леонтьев. Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы. СПб., 1912, стр. 26.

Ряд своих работ Н. Суханов посвятил социологическому анализу российского пролетариата. Критика его взглядов содержится в работах А. М. Панкратовой[43], Б. Л. Маркуса[44], Л. М. Иванова[45].

Суханов использовал разновременные противоречивые и отрывочные данные, игнорируя тот факт, что многие из них уже не представительны для эпохи империализма.

Работа Суханова вообще лишена динамики: рабочий класс рассматривается им как некая постоянная общность. Не принимается во внимание процесс быстрого формирования рабочих кадров в ходе развития капиталистических отношений.

Основываясь на данных Свавицкого и Шера, Суханов так же, как они, считал наиболее законченным типом пролетария в России типографских рабочих. Неудивительно, что Н. Суханов пришел к выводу о том, что основную массу российской промышленной армии составляет «переходный класс». Автор зачисляет в показатели несовершенства пролетарского типа и происхождение (место рождения), и наличие в деревне родственников, дома, а также отправление туда писем, посылок и денег. Н. Суханов считал, что деревня «держит рабочего в состоянии потенциального земледельца». «Ушедшие в город элементы и составляющие основные массы современного пролетариата не имеют возможности порвать с деревней и хранят связь с ней как необходимое условие настоящей своей жизни и будущей». Игнорируя роль промышленного развития в формировании кадров пролетариата, автор зачастую делает выводы, прямо противоположные тем, которые следуют из анализируемого им материала. Например, факт преобладания среди рабочих лиц с небольшим стажем использовался для доказательства неверного тезиса об уходе рабочих в деревню. На самом же деле это свидетельствовало о притоке новых рабочих на предприятия. Достаточно проследить динамику роста рабочего класса России в годы империализма, чтобы убедиться в несостоятельности точки зрения Суханова.

С помощью таких приемов автор извратил социальный облик российского пролетария, рассматривая его фактически в качестве крестьянина, дополняющего свой земледельческий доход подсобным заработком в промышленности. Подобные взгляды развивались и в некоторых других работах, связанных с конкретным анализом российского пролетариата в период империализма[46].

---

[43] См. А. М. Панкратова. Проблемы изучения истории пролетариата. «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1.

[44] См. Б. Л. Маркус. К вопросам о методах изучения социального состава пролетариата СССР. «История пролетариата СССР», 1930, сб. 20.

[45] См. Л. М. Иванов. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. В кн. «Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917». М., 1966, стр. 63—64.

[46] См. П. М. Шестаков. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900; П. Петрович. Рабочие бакинского нефтепромыш-

Меньшевистская характеристика российского пролетариата, представление о его «двуликом характере» является составной частью самой доктрины меньшевизма с ее отрицанием объективных предпосылок социалистической революции в России.

Буржуазные и мелкобуржуазные воззрения на социальный облик российского пролетариата без каких-либо существенных изменений перекочевали на страницы послереволюционной, главным образом эмигрантской, литературы, а через нее были восприняты современной буржуазной историографией, развивающей концепцию слабости российского пролетариата, неподготовленности его к социалистической революции, к строительству социализма в СССР.

Так, Н. Суханов перенес свои дореволюционные воззрения на социальную структуру рабочего класса в книгу «Записки о революции», которая была подвергнута В. И. Лениным беспощадной критике[47]. В той или иной мере эти взгляды развивались в работах П. Н. Милюкова, С. Н. Прокоповича, П. Б. Струве и др[48]. Лишь марксистская историография показала полную несостоятельность представлений о слабости и неразвитости рабочего класса России.

Яркую характеристику меньшевистских работ по истории рабочего класса в целом и изучения в них социального облика пролетариата дал М. Н. Покровский: «...почти у всех у них наш рабочий имеет вид захудалого кузена английского тред-юниониста и германского социал-демократа, тогда как вся суть в том, что английского и немецкого рабочего история на долгие годы отогнала в сторону от революционной дороги, в то время как наш пролетариат становился тем революционнее, чем был сознательнее, так что термины «сознательный пролетарий» и «революционер» у нас наконец слились.

Благодаря этому и меньшевистская история нашего пролетариата настоящим образом не собрала даже материалов. В серенькой и пресной фигуре, которая глядит на нас со страниц меньшевистских писаний, никак нельзя угадать будущего свершителя первой в мире удачной социалистической революции и строителя первого в мире социалистического хозяйства»[49].

Первые же работы советских исследователей показали несостоятельность антимарксистских представлений о рабочем классе России. Советская историография накопила ценный опыт анализа социального облика и социальной структуры рабочего класса на переломном этапе мировой истории.

ленного района. Тифлис, 1911; Ю. Ларин. Рабочие нефтяного дела. М., 1909; С. В. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910, и др.

[47] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 378—382.

[48] См. П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1—3. София, 1921; П. Б. Струве. Размышления о русской революции. София, 1921; его же. Итоги и осуществление коммунистического хозяйства. Париж, 1921; С. Н. Прокопович. Очерки хозяйства советской России. Берлин, 1923, и др.

[49] «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, стр. V—VI.

В исследовании социальной структуры советского рабочего класса первых послеоктябрьских лет выделяется несколько этапов. Первый из них приходится на период с 1917 до конца 20-х гг.

Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции в центре внимания немногочисленных тогда специалистов — историков и экономистов встали проблемы количественных и качественных изменений в советском рабочем классе.

В сборнике «Два года диктатуры пролетариата в 1917—1919 гг.» (М., 1919) была опубликована статья С. Г. Струмилина «Состав пролетариата Советской России в 1917—1919 гг.». Автор широко использовал здесь материалы промышленной и профессиональной переписи 1918 г., анкеты обследований рабочих, проводившихся Народным комиссариатом труда, данные единовременного учета рабочих на начало 1919 г. В статье были приведены интересные цифры о профессиональной структуре рабочего класса с разбивкой по губерниям, об изменениях в половом и возрастном составе рабочих.

В 1920 г. была опубликована брошюра руководителя Отдела рынка труда Народного комиссариата труда А. Аникста[50]. Автор этой работы одним из первых в нашей литературе подверг детальному анализу новые пополнения рабочих, пришедшие в промышленность в годы первой мировой войны. Он отмечал появление целых слоев «полурабочих», указывал, из каких элементов они складываются. «Рабочая масса, — писал А. Аникст, — увеличивалась женщинами и подростками, вынужденными идти на фабрику ввиду мобилизации кормильца семьи. Все эти элементы образовывали кадры т. н. «военных» рабочих, получернорабочих, наполовину обученных»[51].

В 1920 г. в журнале «Вестник труда» была опубликована еще одна работа А. Аникста «Вопрос о рабочей силе в 1920 г.» Эта работа привлекает внимание прежде всего постановкой вопроса о состоянии рабочего класса к концу гражданской войны, об источниках пополнения рядов рабочего класса, о перераспределении рабочих по различным профессиональным группам.

В начале 20-х гг. была сделана попытка дать обобщенное представление об изменениях в численности рабочего класса Советской России за годы гражданской войны. Мы имеем в виду в первую очередь работу А. Г. Рашина «Динамика рабочего класса в промышленности за 1913—1922 гг.»[52]. В этой статье на основе данных заводской статистики, общих демографических и профессиональных переписей сделана попытка рассмотреть количественные

[50] См. А. Аникст. Организация распеределения рабочей силы. М., 1920.

[51] Там же, стр. 51.

[52] «Динамика рабочего класса в промышленности за 1913—1922 гг. и вопросы заработной платы». М., 1923.

и качественные изменения в составе рабочего класса за годы первой мировой и гражданской войн.

Критике немарксистских взглядов на социальную природу классов и разбору различных теорий была посвящена работа С. И. Солнцева[53]. Представив систему общественных связей в виде противоположности отношений между трудом и капиталом, автор попытался выделить внутри рабочего класса несколько слоев.

На первом этапе исследования количественных и качественных изменений состава рабочего класса был мобилизован большой фактический материал, характеризующий численность пролетариата, его состав по полу, возрасту, профессии. Появились первые теоретические работы по вопросам социальной структуры. Это позволило в дальнейшем перейти к конкретно-историческому анализу структуры рабочего класса. Выдвижение новых исследовательских задач определялось также изменившимися условиями развития рабочего класса.

Социалистическая индустриализация привела к резкому возрастанию численности фабрично-заводского рабочего класса, к изменению источников его комплектования. В города пришли миллионы недавних крестьян. С конца 20-х гг. начинается новый этап в исследовании структуры рабочего класса переходного периода.

В 1930 г. журнал «История пролетариата СССР» опубликовал статью А. М. Панкратовой «Проблемы изучения истории пролетариата». В этой статье подчеркивалась мысль о том, что состав рабочего класса — один из важнейших факторов социалистического строительства. «В условиях диктатуры пролетариата, — писала А. М. Панкратова, — от социального состава зависит успешный и быстрый темп осуществления задач пролетарской диктатуры, наличие в рабочей среде условий для проникновения в нее чуждых и враждебных идеологий, составом определяется социальная база партии и уклонов в ней, качество кадров, необходимых для массового выдвижения, и т. п.»[54].

А. М. Панкратова, определяя задачи создания подлинно марксистской истории рабочего класса, обратила внимание на малую разработанность проблемы изучения «социологического типа русского рабочего класса и его отдельных отрядов»[55]. Она указала также на неудовлетворительное состояние источников, которое, по ее мнению, не давало возможности скоро и успешно разработать динамику социального состава рабочего класса на разных этапах его развития[56]. Сделав обзор статистических материалов, которые в какой-то мере могли бы послужить источниками для изучения

---

[53] См. С. И. Солнцев. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Пг., 1923.

[54] А. М. Панкратова. Проблемы изучения истории пролетариата. «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, стр. 23.

[55] Там же, стр. 5.

[56] Там же, стр. 17.

социального состава пролетариата, А. М. Панкратова особую роль отводит первоисточникам и первичным записям. По первичным материалам, переписям, архивам фабрик и заводов, документам фабрично-заводских комитетов возможен был бы, по ее мнению, анализ социального состава рабочего класса. Автор одной из первых обратила внимание на необходимость комплексного подхода к данной проблеме, совместного труда в этой области историков, экономистов и статистиков[57].

А. М. Панкратова выделила систему показателей, характеризующих социальный облик рабочего класса. Это прежде всего квалификация (обученность) рабочего, длительность пребывания в рабочей среде (происхождение и стаж), особенно на крупных предприятиях, наличие собственности на средства производства (земли и собственного хозяйства в деревне) и их экономической мощи. Однако конкретную роль каждого из вышеуказанных факторов на базе фактического материала А. М. Панкратовой проследить не удалось. Отчасти виной тому было неудовлетворительное состояние источниковедческой базы.

Вскоре после публикации статьи А. М. Панкратовой вышла работа Б. Л. Маркуса «К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата СССР»[58]. Это одно из немногих исследований, посвященных методологическим проблемам анализа социальной структуры рабочего класса переходного периода. Автор этой статьи выделял в рабочем классе следующие социальные слои: основная масса класса; те слои, которые проникают в среду рабочего класса из других классов; те слои, которые выделяются из его среды. Б. Л. Маркус называет конкретные признаки, обусловливающие такое деление: преемственность труда в промышленности, т. е. пролетарское социальное происхождение; длительность принадлежности к рабочей среде, т. е. стаж работы по найму; отсутствие или наличие в личном владении собственных средств производства; производственная и общественная активность[59].

Выдвижение на первый план потомственности, а не отношения к средствам производства вряд ли правильно. Б. Л. Маркус ввел термин — чистокровный пролетарий. Но понятие «чистокровный пролетарий» чуждо ленинской постановке вопроса о чистом пролетарии, т. е. свободном от пут мелкой собственности. Б. Л. Маркус не поставил также вопроса о темпах переваривания новых пополнений рабочего класса.

Оценивая состояние источников по теме, Б. Л. Маркус подчеркивал значение профессиональной переписи 1918 г. и выразил надежду, что когда-нибудь первичные материалы этой переписи

---

[57] А. М. Панкратова. Ук. соч., стр. 21.

[58] «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2.

[59] Там же, стр. 32.

будут обработаны в плане анализа социального состава пролетариата [60].

Наряду с первыми теоретическими статьями, посвященными проблеме структуры рабочего класса, в конце 20-х — начале 30-х гг. были опубликованы и некоторые конкретные исследования по данной теме. Особый интерес представляла статья М. Гильберта «К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны» [61]. В этой статье прослежена динамика численности рабочего класса, дан анализ состава рабочих, покидавших промышленные предприятия. Автор указывает на то, что значительное число рабочих пришло на работу в государственный аппарат и в органы управления промышленностью. Многие пролетарии сражались в рядах Красной Армии, ушли в продовольственные отряды.

В статье М. Гильберта рассматриваются изменения, которые произошли в годы гражданской войны в распределении рабочих по производству, районам, профессиям.

М. Гильберт попытался систематизировать разрозненные статистические сведения о рабочем классе в первые годы Советской власти. Использовал он в своей работе и опубликованные данные профессиональной переписи 1918 г. М. Гильберт постоянно ощущал недостаток в статистических данных при характеристике качественного состава рабочего класса. Он предпринял даже попытку обработки первоисточников, в частности, личных карточек рабочих Московского металлического завода по возрасту и первичных материалов профессиональной переписи 1918 г.

В целом в литературе, связанной с изучением социальной структуры рабочего класса, в 20-х — 30-х гг. был выдвинут ряд существенных методологических проблем. Именно тогда были сформулированы положения о ведущих признаках, характеризующих социальный облик рабочего класса, рассмотрено изменение роли отдельных признаков по сравнению с дореволюционным временем (социальное происхождение, отношение к собственности и др.). Однако многие положения, выдвинутые в 20-х — 30-х гг., не были подтверждены фактическим материалом в связи с узостью источниковой базы исследования.

Во второй половине 30-х гг. интерес к проблеме состава и социальной структуры рабочего класса в переходной период снизился. Это было связано в первую очередь с тем, что данная проблема потеряла свою практическую актуальность. Рабочий класс экономически и социально консолидировался, а среди источников его пополнения большую роль стал играть город. Правда, и в это время выходит несколько работ, представляющих определенный интерес.

Во второй половине 30-х гг. и вплоть до середины 50-х гг. активно разрабатывается история отдельных отрядов рабочего класса. К числу этих трудов нужно отнести прежде всего книгу Ф. Романова «Текстильщики Московской области в годы гражданской войны» (М., 1939). Автор ставит в этой книге вопрос об изменениях в составе рабочих за годы гражданской войны и делает важный вывод: сокращение числа текстильщиков шло не такими быстрыми темпами, как сокращение производства. Значительное внимание в книге уделено и деятельности рабочих-текстильщиков в организации управления промышленностью, в борьбе за хлеб, в формировании отрядов Красной Армии.

Уже в послевоенный период было опубликовано несколько теоретических работ, в которых анализируются взаимоотношения классов при социализме в плане социально-политическом, социально-культурном, социально-экономическом и социально-психологическом [62].

В конце 50-х гг. СССР вступил в стадию развитого социализма, и разработка перспектив коммунистического строительства потребовала глубокого научного анализа накопленного исторического опыта. С этого времени начинается новый этап в исследовании истории советского рабочего класса.

В докладе на всесоюзной сессии по истории советского рабочего класса в декабре 1959 г. в Ленинграде были проанализированы многие важные стороны динамики социальной структуры рабочего класса. На этой сессии был заслушан доклад О. И. Шкаратана, который сделал попытку исправить явные ошибки и неточности Б. Л. Маркуса, выявить основные тенденции в стирании внутриклассовых различий, наметить главные критерии дифференциации рабочего класса при социализме. Этот доклад был опубликован позже [63].

Ряд интересных статей был включен в сборник «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)» (М., 1964). В статье А. А. Матюгина «Основные направления развития рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму» была сделана попытка определить критерии внутриклассовой дифференциации рабочего класса. Автор этой статьи на первый план выдвинул такие критерии, как потомственность и стаж работы по найму. Реальные экономические отношения не получили в этой схеме достаточного отражения [64].

Наряду с разработкой общих методологических проблем стали более активно исследоваться и конкретные вопросы количественных и качественных изменений в рабочем классе. Здесь нужно

[60] «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2, стр. 65.
[61] «История пролетариата СССР», 1934, сб. 3; 1935, № 1.

[62] См., например, Г. Е. Глезерман. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949.
[63] См. О. И. Шкаратан. Проблемы и методы изучения социального состава советского рабочего класса. В сб.: «Из истории рабочего класса СССР». Л., 1962.
[64] «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)», стр. 45.

отметить заслуги одного из крупнейших советских статистиков А. Г. Рашина. В его статье «Статистика промышленных кадров СССР за 1917—1958 гг.» на основе использования громадного фактического материала дана статистическая картина изменений в численности и составе рабочего класса на длительном хронологическом отрезке времени, в том числе и в годы гражданской войны [65].

В книге О. И. Шкаратана «Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР» (М., 1970) предпринята попытка сформулировать основные понятия структурного метода в историческом исследовании, выяснить место социальной структуры в системе общественных отношений, охарактеризовать основные элементы классовой и внутриклассовой структуры общества.

Для нас преимущественный интерес представляет та часть исследования О. И. Шкаратана, в которой рассматриваются принципы изучения социальной структуры рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму.

Подвергнув справедливой критике схему, предложенную Б. Л. Маркусом, О. И. Шкаратан несколько иначе ставит вопрос о критериях внутриклассовых различий в переходный период. Он отмечает, что внутриклассовая структура на всех этапах исторического развития является производной от типа социальной структуры общества. Так, по мнению автора, в переходный период определяющими были внутриклассовые различия, связанные с взаимоотношениями классов, а значит, различия по отношению к собственности [66]. Наличие или отсутствие собственных средств производства отражает, как указывает О. И. Шкаратан, социально-экономическое неравенство в условиях переходного периода.

О. И. Шкаратан выделил два основных слоя в составе пролетариата, которые, по его мнению, характерны для переходного периода в нашей стране: слой кадровых рабочих, не имеющих никаких источников дохода, кроме заработной платы и поступлений из общественных фондов потребления, и слой формирующихся рабочих, имеющих доходы от частного, мелкотоварного, как правило, крестьянского хозяйства. Кадровые рабочие сосредоточиваются главным образом в крупной промышленности, но роль концентрации производства О. И. Шкаратан определяет не однозначно, а связывает ее со степенью зрелости производственных отношений. В отношении фактора связи с собственным хозяйством автор, следуя за Б. Л. Маркусом, подчеркивает, что именно наличие прочных хозяйственных связей, а не вообще связь с деревней имеет значение для определения социального типа рабочих [67].

---

[65] «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М., 1961.

[66] См. О. И. Шкаратан. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР, стр. 148.

[67] Там же, стр. 150—151.

Автор подчеркивает, что одних экономических критериев для характеристики социальных слоев рабочего класса недостаточно. Он обращает внимание на то, что отдельные слои различаются по своей психологии, по уровню производственной и общественной активности [68].

Таким образом, О. И. Шкаратан намечает следующие признаки социальной дифференциации рабочего класса в условиях переходного периода: наличие и характер связи с мелкособственническим (а иногда и с буржуазным) хозяйством; наличие и доля непролетарских источников дохода; закрепленность в положении наемного работника (стаж труда по найму); потомственность труда по найму. Как атрибутивные характеристики выступают данные об общественно-политическом облике индивидов. Остальные различия, связанные с типом поселения, с отраслью, со средой общения, квалификацией, по мнению автора, подчинены главным различиям, связанным с отношением к собственности [69].

Выдвинутые автором критерии внутриклассовой дифференциации имеют большое значение для изучения социальной структуры рабочего класса в переходный период.

Следует особенно отметить, однако, сложное взаимодействие и переплетение всех факторов внутриклассовых различий. Само собой разумеется, например, что действие любого фактора нельзя определить однозначно. Та же самая связь с мелкособственническим хозяйством неодинаково определяет социальный статус рабочего в условиях Петрограда и Москвы, города и деревни, крупного и среднего предприятия, среди машиностроителей и в текстильной промышленности, среди семейных и одиноких рабочих и т. п. Сформулировать сколько-нибудь определенный вывод возможно только при учете многообразия связей всех факторов, которые образуют социальные отношения внутри классов.

Учесть связи всех факторов, которые имеют значение для характеристики социального облика класса, возможно лишь при наличии большого числа фактических данных. К сожалению, источники, которыми пользовался О. И. Шкаратан применительно к переходному периоду, не дают основания для определенных выводов. Поэтому ряд выдвинутых им положений так и остается на уровне гипотезы.

Постоянно жалуясь на «недостаточность разрозненных сведений, имеющихся в существующих источниках, для системного анализа» [70], О. И. Шкаратан справедливо указывает на возможность переработки первичного статистического материала по специальным программам, предусматривающим системный анализ, подчеркивает необходимость применения новейших статистических прие-

---

[68] О. И. Шкаратан. Ук. соч., стр. 152.

[69] Там же, стр. 152—153.

[70] Там же, стр. 164.

мов, с помощью которых будет возможна такая переработка [71]. Однако исследование изменений в социальной структуре рабочего класса в переходный период автор ведет на базе опубликованных материалов, большей частью раскритикованных им самим. Так, говоря о профессиональной переписи 1918 г., он указывает на отсутствие таблиц, которые позволяют проследить взаимосвязь различных признаков [72]. Но в то же время соотношение двух социальных слоев внутри рабочего класса определяется им только по опубликованным данным о связи с землей. Тем самым как бы затушевывается роль других социальных признаков.

Л. С. Гапоненко в книге «Рабочий класс в 1917 г.» (М., 1970) обстоятельно проанализировал состав рабочего класса России накануне Октября.

Для разработки интересующей нас проблемы важное методологическое значение имеют статьи В. М. Селунской. В них наряду с другими вопросами затрагиваются и социальные изменения внутри рабочего класса.

В. М. Селунская справедливо считает, что в трудах В. И. Ленина содержатся важнейшие указания о социально-классовой структуре общества в переходный период, явившиеся результатом изучения истории отдельных классов и социальных групп, объективных тенденций в развитии внутриклассовой дифференциации и интеграции, обобщения исторического опыта [73]. Важным итогом анализа ленинских произведений в работе В. М. Селунской является периодизация на их основе изменений социальной структуры общества в переходный период.

Автор указывает, что В. И. Ленин особенное значение придавал вопросу о приобретении пролетариатом после свершения социалистической революции новых качеств, обусловленных изменением его положения в обществе, утратой тех специфических свойств, которые были следствием его угнетенного положения. В. М. Селунская также уделяет внимание ленинскому анализу некоторых особенностей в развитии рабочего класса в годы гражданской войны, в частности проблеме деклассирования. Она считает, что основные различия внутри рабочего класса в переходный период базировались на различиях в отношении к собственности и способах получения дополнительного дохода [74].

Вопросы изучения социальной структуры рабочего класса в переходный период оказались затронутыми и в другой статье В. М. Селунской, являющейся логическим развитием первой и посвященной новейшей историографии проблемы [75].

[71] См. О. И. Шкаратан. Ук. соч., стр. 165, 168.
[72] Там же, стр. 169.
[73] См. В. М. Селунская. Разработка В. И. Лениным вопросов классовой структуры советского общества переходного периода. «История СССР», 1970, № 2, стр. 22.
[74] Там же, стр. 26—27.
[75] См. В. М. Селунская. Разработка некоторых вопросов социальной структуры в новейшей историографии. «История СССР», 1971, № 6.

Здесь автор также подчеркивает необходимость использования более широкого круга источников для изучения социальной структуры. Она указывает на возможность привлечения массовых материалов на базе применения количественных приемов их обработки. Автор призывает историков обратиться к первичным материалам статистических обследований, содержащим иногда большую информацию, чем та, которая вошла в обработку и была опубликована. Задача состоит в том, чтобы ввести эту информацию в научный оборот для воссоздания социального портрета рабочего класса.

Наиболее сложными и наименее изученными, отмечает В. М. Селунская, остаются вопросы внутриклассовой структуры в их исторической ретроспективе. Задача здесь не только в обосновании критериев социальной дифференциации, но и в выявлении пределов их подвижности для различных этапов социально-экономического развития.

В арсенале историографии есть определенные достижения в изучении социальной структуры рабочего класса. Успешно осваивается ленинское теоретическое наследство, разрабатываются важнейшие методологические принципы исследования динамики внутриклассовой структуры. Вместе с тем анализ историографического наследства подводит к выводу о необходимости повторной обработки первичных материалов ряда массовых обследований, проведенных на различных этапах социалистического строительства. Обращение к этим материалам может восполнить недостатки публикаций прошлых лет, дать представление о взаимосвязи различных факторов, характеризующих отдельные социальные слои.

Изучение динамики социальной структуры рабочего класса требует органического сочетания структурного и исторического методов исследования. Структурный анализ — это анализ сложных объектов, где главной задачей является исследование функционально связанных, образующих данные объекты элементов, связей, зависимостей.

Понятия «структура» и «состав» классов органически связаны между собой. Некоторые исследователи видят различие в их применении в том, что понятие состав класса шире понятия его социальной структуры [76]. На наш взгляд, различия здесь носят более глубокий методологический характер, определяя специфику приемов и методов исследования [77].

Действительно научный марксистский подход исходит из единства структурного и исторического методов, так же как из един-

[76] См. С. Л. Сенявский. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М., 1973, стр. 220.
[77] Семантически «структура» означает способ организации системных объектов; «состав» такого значения не имеет, фиксируя лишь наличие или отсутствие какого-либо качества или многих качеств.

ства философских категорий логического и исторического. Марксизм обращает внимание прежде всего на историческую обусловленность существования каждой общественной структуры. При этом изучению подлежат как ряд последовательных исторических состояний социальной структуры, так и необратимость смены этих состояний, закономерности перехода от одного к другому. Марксистский подход к анализу общественных структур в корне отличается от концепции буржуазной структурно-функциональной школы, которая исходит из абсолютизации системно-структурного метода исследования. Анализируя общественные системы в статике, рассматривая любые изменения в рамках регулирования состояния этих систем, представители этой школы не способны дать их действительного научного объяснения.

Для марксиста анализ исторических состояний и выявление составляющих частей социальной структуры есть условие исследования процесса ее развития. Изучение процесса развития следует начинать с того, что представляет из себя данная социальная общность, из каких элементов и отношений она складывается. Этот этап является исходным.

Отправной точкой исследования является выделение такого исторического состояния (этапа, периода), в течение которого происходит функционирование данной общественной структуры.

Взятый в основу данного исследования источник — материалы профессиональной переписи 1918 г. — представляет собой комплекс информации статистического характера, характеризующей рабочий класс в условиях первого этапа переходного периода, когда происходила революционная ломка старых общественных отношений.

Новая система общественных отношений сразу ставит рабочий класс в положение господства. Это сопровождается развитием в нем тех качеств и социальных свойств, которые делают пролетариат руководителем всех трудящихся в борьбе за построение коммунизма. В то же время на первом этапе социальных преобразований пролетариат еще сохраняет ряд черт, обусловленных его прежним угнетенным положением.

Структурный анализ рабочего класса в 1918 г. предполагает прежде всего изучение системы отношений, существующих в сфере производства на данном исторически конкретном этапе развития советского общества. Обычно социальная структура в каждый исторический момент выражает собой качественную определенность, относительную устойчивость данного типа общественных связей, взаимодействия элементов социальной жизни. Рассматриваемый же период отличается революционными изменениями в обществе. Однако, как мы увидим в дальнейшем, и здесь возможно выявление основных факторов, характеризующих социальный облик рабочих на данный момент.

Социальная структура рабочего класса есть одновременно взаимодействие целого ряда более частных структур. Прежде всего социальная структура рабочего класса выступает как совокупность связей и взаимодействий между экономическими, демографическими, политическими, психологическими, семейно-бытовыми и другими отношениями. Субъектами-носителями общественных отношений оказываются как отдельные рабочие, так и их семейные, производственные и профессиональные коллективы, социальные группы и другие объединения. Они выступают как элементы внутренней структуры рабочего класса, а совокупность отношений между ними во всем ее многообразии характеризует социальную структуру рабочего класса в целом. Таким образом, все виды общественных отношений как бы фокусируются на субъектах-носителях этих отношений.

Социальная структура рабочего класса является в связи с этим чрезвычайно сложной. Она предстает как внутренняя организация, совокупность частных структур и связей между ними, причем деление класса на социальные слои может быть проведено по нескольким основаниям, и каждый раз взаимоотношения между социальными группами становятся специфичными. Все структурные образования интегрированы в класс единством основных классовых признаков и различаются по другим, вторичным по отношению к основным, и находящимся в определенной от них зависимости признакам. В задачи настоящей работы входит конкретное рассмотрение этого вопроса на эмпирической основе. Мы не ставим своей целью исследование изменений в социальной структуре рабочего класса, хотя и имеем дело с развивающимся объектом. Не располагая сведениями о состоянии рабочего класса в каждой исторически конкретной ситуации, невозможно дать представление о его развитии. Преимущественное внимание сосредоточивается на анализе определенного состояния. Такая постановка вопроса вполне возможна. Исследователям социальной структуры рабочего класса чаще всего приходится иметь дело с данными, характеризующими фиксированное состояние. Но каждое такое состояние есть результат длительного исторического развития.

Рабочий класс как объект структурного анализа представляет собой исключительно сложную социальную систему, в которой происходит взаимодействие огромного множества факторов. Подчас нелегко выделить определяющие факторы, меру их воздействия на другие факторы и на рабочий класс в целом. В этой связи необходимы точность количественного измерения и большой объем массовых данных, позволяющий выявить статистические закономерности в описании рабочего класса. Требуется также информация о количественных параметрах социальных слоев и групп и других объединений, образующих внутреннюю структуру пролетариата.

Данная работа связана с использованием единого комплекса информации для изучения социальной структуры рабочего класса. Она базируется на обработке первичных материалов переписи 1918 г. Количество переменных, которые содержатся в материалах

этой переписи, чрезвычайно велико, но, конечно, не исчерпывает всего многообразия признаков, характеризующих рабочий класс. Однако основные факторы были учтены переписью.

Только четкая постановка задачи позволяет отобрать из исходного массива информации те переменные, которые необходимы и достаточны для ее решения. Значения отобранных переменных в своей совокупности и составляют ту информацию, которая необходима для решения задачи, другие сведения в этой связи отступают на второй план. Вопрос заключается лишь в том, чтобы ввести в обработку оптимальное число показателей, характеризующих данную социальную общность, т. е. отыскать минимум первичной информации для получения максимума вторичной, которая и позволит рассмотреть вопрос о социальной структуре пролетариата.

В работе много места уделяется разработке системы представления первичных данных. Различные этапы исследования нуждаются в информации разной степени обобщения. В конечном счете преследуется цель получения знаний об образованиях высокого структурного уровня, причем необходимо получить информацию не только о тех структурных образованиях, которые можно наблюдать эмпирически, но и тех, которые эмпирически не наблюдаемы. Это относится к области социальных оценок и их значимости.

С постановкой задачи исследования сложной структуры связана проблема моделирования. Модель есть упрощенное представление о структуре, фиксированная форма организации добытых данных. Многофакторные модели помогают увязать количественные показатели различных сторон изучаемого социального объекта.

Следует обратить внимание на то, что использование кибернетических методов возможно только на определенных этапах исследовательской процедуры. Они позволяют решить лишь те задачи, которые могут быть сведены к определенной последовательности формально-логических операций. На долю исследователя остается творческая часть. В данной работе много внимания уделено формально-логическим операциям, так как опыт их использования в истории пока еще не велик. Однако формально-логические методы еще не дают возможности окончательного решения вопроса о социальной структуре. Закономерности функционирования общественных систем исключительно сложны. Их познание возможно лишь на основе марксистско-ленинского социологического анализа.

ГЛАВА I

КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ И ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕПИСИ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА РАБОЧЕГО КЛАССА

Великая Октябрьская социалистическая революция обусловила коренные изменения в социальной структуре общества. Накануне революции на долю пролетариата приходилось около 20% всего населения страны[1]. При этом общее число рабочих, занятых во всех сферах народного хозяйства, составляло в 1917 г. примерно 18,5 млн. человек. В крупной промышленности было занято около 3,6 млн. человек, на транспорте (вместе со служащими) — 1,7 млн., в строительстве — 1,25 млн. Далее шли рабочие мелкой промышленности (примерно 3 млн.), сельскохозяйственные рабочие (4,5 млн.) и др.[2].

Пролетариат в количественном отношении не был преобладающим элементом в социальной структуре предреволюционной России. Однако, как указывал В. И. Ленин, сила пролетариата в любой капиталистической стране больше, чем его доля в общей массе населения, поэтому пролетариат даже тогда, когда он сос-

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 454. В литературе нередко указывается цифра 10%, при этом удельный вес пролетариата определяется исходя из его соотношения ко всему населению страны. Но такой подход методологически не состоятелен. При определении доли пролетариата в общей массе населения необходимо учитывать либо все пролетарское население (рабочие с членами семьи), либо исходить из соотношения только рабочих к общему числу занятых в народном хозяйстве. Пользуясь ленинской методикой, наиболее полный анализ социальной структуры России в 1913 г. дал И. Ю. Писарев, указавший, что удельный вес рабочего класса составлял 19,6% (см. И. Ю. Писарев. Население и труд в СССР. М., 1961, стр. 33).

[2] См. Л. С. Гапоненко. Рабочий класс в 1917 г. М., 1970, стр. 72.

тавляет меньшинство населения, «способен... низвергнуть буржуазию и привлечь на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры»[3].

Революционный потенциал рабочего класса во многом определяется силой промышленного пролетариата. Поэтому изучение фабрично-заводских рабочих важнее всего для понимания социального облика пролетариата на первом этапе социалистических преобразований. Уровень развития рабочих других сфер народного хозяйства, как справедливо указывал Ф. Энгельс, был в прямой зависимости от их связи с промышленностью[4]. Фабрично-заводской пролетариат России и экономически и политически был подготовлен к социалистической революции. Отраслевая структура промышленности к моменту революции характеризовалась преобладанием ведущих отраслей: металлообработки и машиностроения. В 1917 г. среди предприятий, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции, на металлообрабатывающих и машиностроительных заводах было занято 544,1 тыс. человек. Кроме того, на казенных заводах, где преобладали металлообрабатывающие предприятия, в армейских и железнодорожных мастерских было занято 640,1 тыс. человек[5]. Казенные заводы, как правило, были самыми крупными предприятиями России, сосредоточившими лучшие кадры пролетариата.

Число рабочих, занятых в металлообработке и машиностроении, значительно увеличилось в годы первой мировой войны в связи с ростом военного производства. Увеличилась и концентрация рабочей силы в этих отраслях. На таких гигантских заводах, как Путиловский, Трубочный и Обуховский в Петрограде, Патронный и Оружейный в Туле, Сормовский и Коломенский и некоторых других, работало более чем по 10 тыс. рабочих.

Значительное развитие в годы мировой войны получила и химическая промышленность. Здесь также преобладали предприятия-гиганты, связанные с производством пороха и взрывчатых веществ.

В текстильной промышленности, которая до войны была наиболее развитой отраслью обрабатывающей промышленности, роста числа рабочих не наблюдалось. Если накануне войны в этой отрасли было занято 740 тыс. человек, то в 1917 г. — 724 тыс.[6]. Здесь повсеместно преобладали крупные фабрики. Металлообработка и машиностроение, текстильная, химическая отрасли были ведущими в обрабатывающей промышленности России в момент

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.
[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 260.
[5] См. Л. С. Гапоненко. Ук. соч., стр. 72.
[6] «Труды ЦСУ», т. VII, вып. 1, стр. 34, 35.

решающих революционных преобразований. Менее развитыми по уровню концентрации, по производственно-технической базе были пищевая, кожевенная и другие отрасли промышленности, сосредоточивавшие значительное число рабочих.

В горной и горнозаводской промышленности в 1917 г. насчитывалось 872,9 тыс. рабочих[7].

В годы мировой войны во всей промышленности России чрезвычайно усилился процесс концентрации производства, поэтому к 1917 г. позиции крупного производства были особенно прочными. На крупных и крупнейших предприятиях было занято накануне Октября 72,35% рабочих[8]. Большая масса рабочих сосредоточивалась на крупнейших предприятиях — заводах-«большевиках».

Сила рабочего класса России определялась не только его концентрацией на крупных и крупнейших предприятиях ведущих отраслей промышленности, но и тем важным обстоятельством, что основные кадры российского пролетариата были сосредоточены в главных экономических и политических центрах страны. Пролетарская революция имела могучий «ударный кулак» в столицах. В Петрограде и Москве сосредоточивалось около 15% всех промышленных рабочих страны. Это были лучшие в экономическом и политическом отношении, закаленные в революционной борьбе кадры рабочего класса. В столицах размещались такие отрасли промышленности, как электротехническая, химическая, автомобильная, приборостроение. Здесь находились крупнейшие машиностроительные и металлообрабатывающие заводы. В Петрограде на крупных заводах и фабриках с числом рабочих более 500 было занято 82,1% всех рабочих[9]. Уровень концентрации производства в Москве был немного ниже. Кроме того, в Москве гораздо большую роль, чем в Петрограде, играла текстильная промышленность, рабочие которой были менее развиты в социальном отношении.

Почти треть рабочих России приходилась на центральные промышленные губернии. Главными отраслями промышленности здесь были текстильная, металлообработка, машиностроение. Наряду с Москвой в Центральном промышленном районе были такие крупные промышленные центры, как Тула, Нижний Новгород, Тверь, Ярославль, Рыбинск, Иваново-Вознесенск. Значительная доля рабочих размещалась здесь в уездных и заштатных городах, заводских и рабочих поселках. В сферу промышленного развития здесь были вовлечены громадные массы сельского населения.

Более 15% рабочих России приходилось на южный промышленный район. Наиболее развитой отраслью здесь была черная

[7] См. Л. С. Гапоненко. Ук. соч., стр. 72.
[8] См. В. М. Селунская. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968, стр. 31.
[9] См. Л. С. Гапоненко. Ук. соч., стр. 104, 107, 108; «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии». Пг., 1922, стр. 50; Материалы по статистике труда Северной области, вып. 1. Пг., 1918, стр. 11.

металлургия, в которой преобладали крупнейшие заводы, такие, как Петровский, Днепровский, Александровский, Таганрогский и др. На 22 крупнейших заводах Юга было сосредоточено в 1917 г. 142,6 тыс. рабочих [10]. Промышленность Юга была тесно связана с добычей полезных ископаемых, здесь находилась единственная угольно-металлургическая база России. Южный район также отличался наиболее высокой степенью концентрации производства горной и горнозаводской промышленности.

Весьма своеобразным было развитие промышленности на Урале, где насчитывалось в 1917 г. 357 тыс. рабочих (до войны 261,5 тыс.) [11]. Наиболее развитые отрасли промышленности здесь были горная и горнозаводская. Предприятия Урала, входившие в систему горнозаводских округов, были отсталыми по своему производственному типу и далеко уступали южным по производительности труда. Долгое время сказывались отсталость, консерватизм, замкнутость местной жизни. Связь с сельской средой, отрыв от общественной жизни крупных экономических и политических центров привели к замедленному развитию пролетариата и темпов роста его классового самосознания. Однако накануне и в годы первой мировой войны на Урале стала меняться традиционная структура промышленного производства. На ряде предприятий значительно увеличилось число рабочих, многие рабочие поселки сельского типа были накануне революции крупными промышленными центрами.

В Закавказье по концентрации рабочего класса выделялся Бакинский район, где сосредоточивалась почти вся добыча нефти России. Здесь сформировался довольно многочисленный отряд рабочего класса, сыгравший большую роль в победе революции в Закавказье.

Характеризуя особенности территориального размещения рабочего класса, следует отметить, что и другие районы страны имели свои, хотя и немногочисленные отряды пролетариата. Эвакуация из западных и северо-западных губерний большого числа предприятий, и прежде всего имеющих важное оборонное значение, как правило, передовых по своей технической оснащенности увеличила численность рабочих во внутренних районах России.

В момент революции главную массу промышленного пролетариата составляли городские рабочие. В городах сосредоточивались преимущественно предприятия металлообработки и машиностроения, химической и табачной промышленности. Крупные города были центрами различных отраслей промышленности, что способствовало росту единства, организованности и классовой солидарности рабочих.

---

[10] См. Л. С. Гапоненко. Ук. соч., стр. 111.

[11] «Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале». Свердловск, 1967, стр. 57; А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 190.

Многие фабрики и заводы России располагались в сельской местности. Эти промышленные предприятия являлись своеобразными центрами сельскохозяйственной округи, вовлекая в промышленность высвобождавшуюся в земледелии рабочую силу. Все это способствовало установлению тесных экономических и политических контактов громадных масс сельского населения с промышленными пролетариями. Но это накладывало отпечаток и на социальный облик рабочих, на связи рабочих с более отсталой по сравнению с городом сельской средой.

Годы войны принесли с собой изменения, которые сказались на ухудшении качественного состава рабочего класса. Увеличилось число женщин и подростков. На фабрики и заводы приходили выходцы не только из пролетарского населения, но и представители мелкобуржуазных слоев, а в ряде случаев члены семей буржуазии и интеллигенции, укрывавшиеся от мобилизации. Около 20% рабочих России было мобилизовано в армию [12]. Однако, несмотря на все эти изменения, российский рабочий класс сохранил свои основные кадры. Новые пополнения рабочих быстро перенимали традиции и опыт революционной борьбы старшего поколения. В момент решающих революционных сражений среди российского рабочего класса численно и идейно преобладал кадровый пролетариат. В период революционных событий 1917 г. пролетариат России достиг высокого уровня организованности и сознательности.

Высокая степень осознания своих классовых интересов отделяет авангард класса, передовых рабочих, от слоя «рабочей аристократии», т. е. тех рабочих, которые, несмотря на высокий уровень профессионально-технической подготовки, организованности, образования и культуры, не выработали в себе черт подлинных представителей своего класса. В России этот слой рабочего класса был очень слабым. По исчислению Ю. Н. Нетесина к нему могло принадлежать накануне войны не более 4% пролетариата [13]. К рабочей аристократии относились в первую очередь часть полиграфистов и рабочие некоторых редких для России производств.

Попытки меньшевистских авторов представить рабочую аристократию в качестве авангарда российского пролетариата были поистине смехотворны. Рабочая аристократия России, занятая в мелком производстве, обособленная от широких слоев рабочих, не имела никакого влияния на массы. Революция уничтожила социальную базу существования этого немногочисленного слоя, но его остатки некоторое время после свержения буржуазии поддерживали меньшевиков и являлись выразителями антисоветских настроений.

---

[12] См. О. И. Шкаратан. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР, стр. 202, 203. По подсчетам О. И. Шкаратана в армию было мобилизовано 400—500 тыс. промышленных рабочих.

[13] См. Ю. Н. Нетесин. К вопросу о социально-экономических корнях и особенностях рабочей аристократии в России. В кн.: «Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910—1914». М., 1965, стр. 209.

3 Зак. 569

Подобную роль играли на производстве деклассированные элементы, обломки эксплуататорских классов, выбитые из привычной колеи событиями войны и революции, случайно и на короткий срок попавшие в ряды рабочего класса.

Подлинный авангард пролетариата России был всеми своими корнями связан с крупной промышленностью и в ответственнейший период развития революции пользовался исключительной поддержкой широких слоев рабочих.

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции начался процесс коренного преобразования социальной структуры российского рабочего класса. Пролетариат из класса угнетенного превратился в класс господствующий, получили развитие те качества, которые делали пролетариат ведущим, руководящим классом общества. Этот процесс происходил в результате консолидации различных слоев и групп рабочего класса вокруг его пролетарского ядра. В этом направлении Советская власть проделала гигантские шаги. Уже в первый год пролетарской диктатуры была ликвидирована крупнокапиталистическая собственность и создан социалистический сектор в промышленности. На национализированных фабриках и заводах десятки тысяч рабочих проходили школу социализма и постепенно осознавали свое новое положение в пролетарском государстве. Создание на производстве органов рабочего управления и самоуправления, приобщение пролетариев к различным формам хозяйственной, политической и культурной работы способствовало консолидации рядов рабочего класса. В трудных условиях первых лет советской власти продолжалось развитие новых форм творческой активности рабочих. Громадный скачок был сделан в области культурного и политического развития рабочих, в области профессионального обучения рабочей молодежи. Рабочий класс выделил из своей среды тысячи передовиков, взявших на себя решение гигантской по своей сложности задачи — организацию новой государственной власти. Первую группу сотрудников Наркомата иностранных дел составили рабочие петроградского завода Сименс-Шуккерт. В аппарат Наркомата внутренних дел, возглавленный рабочим Г. И. Петровским, пришли путиловцы, в Наркомат просвещения — рабочие Выборгского района Петрограда. Передовые рабочие составили костяк кадров хозяйственного аппарата. Они были членами фабрично-заводских комиссий, контрольно-хозяйственных комитетов, первых советских заводоуправлений, занимали руководящие посты в Высшем совете народного хозяйства и главках ВСНХ.

Тысячи передовых рабочих ушли в Красную Армию. 22 февраля 1918 г., когда над страной нависла грозная опасность немецкой оккупации, в «Правде» был опубликован призыв: «Рабочие Петрограда, солдаты! Передовые бойцы! Поднимайтесь на защиту революционной столицы, красной крепости мировой революции. К оружию!».

И рабочие взялись за оружие. В Петрограде не было ни одного

рабочего коллектива, который не выделил бы из своей среды добровольцев, ушедших в Красную Армию. К 1 марта 1918 г. 22 тысячи питерских рабочих добровольно ушли в Красную Армию [14].

Московские газеты в те дни сообщили: «Есть много фабрик и заводов, где все рабочие записываются поголовно. Вообще настроение в рабочих кварталах очень приподнятое. Совет рабочих депутатов решил, в случае, если мир не будет заключен, в полном составе направиться на фронт. В конце февраля московский пролетариат дал в Красную Армию 20 тысяч человек» [15].

Рабочие Урала и Поволжья, Украины и Сибири по примеру петроградцев и москвичей целыми заводами уходили в Красную Армию. На митинге рабочих Серебрянского завода на Урале 23 августа 1918 г. после выступления петроградских красноармейцев была принята следующая резолюция: «Всем рабочим и крестьянам встать в ряды Красной Армии и при строгой дисциплине защищать трудовую власть беднейшего крестьянства и рабочих, как защищают товарищи московские и петроградские рабочие, и обещаемся перед товарищами московскими и петроградскими рабочими так же стойко стоять за власть трудового крестьянства и рабочих» [16].

Передовые рабочие подавали заявления с просьбой отправить их на выполнение ответственных заданий Советской власти. Питерский рабочий, коммунист Н. Кулаков 8 сентября 1918 г. писал в президиум Исполнительного Комитета союза коммун Северной области: «Прошу отправить меня на Архангельский фронт в качестве агитатора и организатора комитетов деревенской бедноты. Нет сил оставаться здесь, когда гибнут товарищи, сражаясь с англо-французскими бандами» [17].

Тысячи передовых рабочих ушли в деревню в составе продовольственных отрядов. Они несли туда идеи пролетарской революции, идеи классовой солидарности трудящихся. Таким образом, рабочий класс выделил лучших своих представителей для защиты завоеваний социалистической революции, на строительство и укрепление Советского государства.

Другое направление в изменении численности и состава рабочего класса было связано со сложными процессами перехода промышленности на мирные рельсы. Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство занялось разработкой планов демобилизации промышленности. Этот вопрос обсуждался на заседаниях СНК уже 27—29 ноября [18]. 9 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров при-

[14] «Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967». М., 1968, стр. 64.
[15] Там же, стр. 65.
[16] «Революционный Урал». Орган комитета Ушвинской организации РСДРП(б), 31 августа 1918 г.
[17] ГАОР СС ЛО, ф. 143, оп. 2, д. 3, л. 4.
[18] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, лл. 18, 21.

нял обращение ко всем товарищам рабочим России, разъяснявшее причины необходимости демобилизации промышленности [19]. Сразу же развернулись работы по переходу на изготовление мирной продукции. 13 декабря 1917 г. завком Путиловского завода сообщал, что в цехах завода изготовляются паровозы и вагоны, запасные части к ним, специальная сталь для рынка, двигатели внутреннего сгорания, налаживается ремонт грузовых автомашин [20].

Демобилизация промышленности, переход народного хозяйства на мирные рельсы — сложнейший социально-экономический процесс, который обусловил временный спад промышленного производства и сокращение численности рабочих. Сокращение шло в первую очередь за счет тех, кто пришел на производство в годы первой мировой войны и был связан с сельским хозяйством.

Расчетная комиссия Путиловского завода в январе 1918 г. выпустила специальное обращение к рабочим, в котором говорилось: «Пусть каждый проявит в этот трудный момент сознательное отношение гражданина и твердо выяснит:

1. Не может ли он сам взять расчет добровольно и пристроиться где-либо помимо, вне завода;

2. Нет ли личной возможности кое-как пережить без работы трудное время в силу лишь родственных связей, личных знакомств или имеющейся какой-либо подкопленной на «черный день» материальной возможности;

3. Не оставлена ли в деревне родня, клочок земли, нельзя ли вернуться в покинутую семью хлеборобов.

Ведь ясно, что последним должен уйти с завода природный пролетарий, у которого ничего нет «кроме цепей» и для которого расчет значит в буквальном смысле слова голод и холодная смерть на мостовой.

Товарищи, не порвавшие окончательно связь с землей и деревней, товарищи, пришедшие к нам во время войны... проявите сами в себе гражданское мужество, заявляйте расчет и тем придите на помощь» [21].

Согласно принятой расчетной комиссией Путиловского завода специальной инструкции в первую очередь должны были увольняться те рабочие, которые имели землю, дома с квартирами для сдачи и найма. Рассчитывались и те, кто пришел на завод, чтобы избежать призыва в армию [22].

10 марта 1918 г. эти условия расчета вновь были опубликованы в «Известиях ВЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Аналогичный порядок был принят и на заводе «Севкабель», где в первую очередь рассчитывались лица, «имеющие хозяйства как в деревне, так и в городе» [23].

[19] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 196—198.
[20] См. Д. А. Коваленко. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970, стр. 195.
[21] ГАОР СС ЛО, ф. 5491, оп. 2, д. 171, л. 14.
[22] ГАОР СС ЛО, ф. 5870, оп. 1, д. 2, лл. 99—100.
[23] ГАОР СС ЛО, ф. 4600, оп. 1, д. 20, л. 4.

Обобщая накопленный на предприятиях опыт, Народный Комиссариат труда совместно с профсоюзами разработал весной 1918 г. специальные правила комплектования промышленных предприятий кадровыми рабочими. Согласно этим правилам сокращению подлежали в первую очередь все военнообязанные, поступившие на работу во время империалистической войны в целях уклонения от мобилизации. Сокращались также рабочие, связанные с движимой и недвижимой собственностью в деревне, покидавшие фабрики для сельскохозяйственных работ. Не подлежали сокращению чистые пролетарии [24]. Такой метод сокращения, несомненно, способствовал очищению состава фабрично-заводского пролетариата от мелкобуржуазных, непролетарских элементов.

В. И. Ленин весной 1918 г. в своем письме к питерским рабочим передавал следующие слова путиловцев: «У нас было сорок тысяч на Путиловском,— говорил мне делегат питерских рабочих, — но из них большинство были «временные» рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди. Теперь осталось пятнадцать тысяч, но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе» [25].

В результате сокращения численности рабочих к весне 1918 г. с предприятий ушли прежде всего те, кто имел связи с землей, выходцы из буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения. Народный Комиссариат труда сообщал Совнаркому в 1918 г.: «Заводы крупных центров сумели избавиться от торговцев, домовладельцев и хозяйственных мужичков, пришедших на работу, чтобы укрыться от войны» [26].

Изменения в составе рабочих в разной степени коснулись крупных и мелких предприятий. Если крупные предприятия сравнительно быстро очистили свои ряды от полупролетариев, то в рабочих поселках, расположенных в сельской местности, рабочие, связанные с сельским хозяйством, неохотно уходили с фабрик и заводов. Народный Комиссариат труда по этому поводу писал: «Мужичок оставил свое хозяйство, лошадей на жену и ребятишек, крепко держится за фабрики, мастерские, заводы, 8 часов работы которых позволяют ему заниматься сельским хозяйством. Этот элемент «рабочих» является наименее производительным, так как бережет свою силу для домашней работы, но и наиболее требовательным, так как он не заинтересован в организации данного предприятия и в сохранении его в это трудное время, а стремится «урвать» что может от него для своего хозяйства. Освобождение предприятия от мелкобуржуазных элементов и замена действительными пролетариями является насущной задачей момента и непременным условием новой организации промышленности» [27].

[24] «Бюллетень Наркомтруда», 1918, № 4, стр. 67; «Металлист». М., 1918, № 6, стр. 63—66.
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 361.
[26] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 323.
[27] Там же.

Демобилизация промышленности определила изменения не только социального состава рабочих, но и привела к резкому возрастанию удельного веса мужчин среди рабочих. По данным секции статистики труда Московского областного Совета народного хозяйства, на ткацких фабриках Центра в сентябре 1917 г. мужчины составляли всего лишь около 17% от общей численности рабочих. К марту — апрелю 1918 г. удельный вес мужчин равнялся 38,4%. Среди вновь поступивших на производство в марте — апреле 1918 г. было 75% мужчин и лишь 25% женщин[28].

Вследствие демобилизации промышленности к весне 1918 г. в стране резко возросло число безработных. В апреле 1918 г. Народный Комиссариат труда писал в Совнарком: «Вопрос о безработице в данное время волнует всех рабочих России. Нет теперь такого промышленного центра, нет такой рабочей организации, где этот вопрос не стоял бы в порядке дня. Массовый характер ее в наши дни, разруха и дороговизна являются настоящим народным бедствием». Народный Комиссариат труда приводил, используя отчеты местных бирж труда, следующие данные о числе безработных: Москва — 31,6 тыс., Кострома — 3 тыс., Тверь — 5 тыс., Иваново-Кинешемский район — 5 тыс., Смоленск — 4 тыс., Нижний Новгород — 9 тыс., Тула — 4 тыс., Брянск — 3 тыс., Ярославская губерния — 6,6 тыс., Петроградская область — 50 тыс., Поволжье — 50 тыс., Центрально-черноземная область — 15 тыс., Урал — 8 тыс., Западная Сибирь — 10 тыс., Восточная Сибирь — 6 тыс., Туркестан — 7 тыс. Всего к 10 апреля числилось зарегистрированными в биржах труда 324 тыс. безработных[29].

По сведениям Е. Г. Гимпельсона к осени 1918 г. промышленность России потеряла 1,1 млн. рабочих, или 1/3 прежнего состава[30]. Увольнения и расчеты рабочих коснулись прежде всего «рабочих военного времени», т. е. пришедших на фабрики и заводы в годы войны и зачастую не связанных коренными своими интересами с фабрично-заводским производством. Больше всего среди безработных было недавних выходцев из городской мелкой буржуазии и крестьянства, отходников и т. д.[31].

Промышленная и профессиональная перепись застала экономику страны на крутом переломе, когда полным ходом развертывалась национализация промышленности. Из 9542 промышленных предприятий, зарегистрированных промышленной переписью к концу лета 1918 г., было национализировано 3338 (35%). Среди предприятий с числом рабочих от 501 до 1 тыс. было национализировано 50,2%, от 1001 до 5 тыс. рабочих — соответственно

[28] ГАОР СС МО, ф. 680, оп. 3, д. 68, лл. 1—6.

[29] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, лл. 319—323.

[30] См. Е. Г. Гимпельсон. Численность промышленных рабочих Советской республики в годы гражданской войны. «История СССР», 1972, № 1, стр. 77.

[31] См. М. Гильберт. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. «История пролетариата СССР», 1934, сб. 3, стр. 233.

51,9%, свыше 5 тыс. рабочих — 82,6%. Можно сказать, что к осени 1918 г. процесс национализации крупнейших промышленных предприятий страны практически был близок к завершению. И в этом факте отчетливо проявилась основная направленность экономической политики Советского правительства, которое стремилось в первую очередь овладеть предприятиями, определяющими развитие всего народного хозяйства[32].

Наиболее интенсивно процесс национализации протекал в тяжелой и пищевой промышленности. Если расположить отрасли производства в соответствии с удельным весом обобществленных в них предприятий, то получится следующая картина: черная металлургия, предприятия транспорта, производство электроэнергии, топливная промышленность, стекольно-фарфоровая, пищевая, машиностроение и металлообработка, предприятия строительных материалов, бумажная и полиграфическая промышленность, химическая, текстильная, кожевенная, меховая, обувная.

Представляет интерес и анализ динамики обобществления промышленности в территориальном разрезе. Здесь мы сталкиваемся с довольно любопытным фактом. Районы европейской части страны по интенсивности национализации располагаются следующим образом: Среднее Поволжье, Волго-Вятский район, Нижнее Поволжье, Запад, ЦЧО, Северо-Восток, Московский промышленный район, Петроградская губерния. Аграрные районы, имевшие почти исключительно пищевую промышленность, стояли впереди индустриальных центров Москвы и Петрограда. Этот факт можно объяснить тем, что в первые послеоктябрьские месяцы национализация промышленности развертывалась в двух направлениях: центральные органы отчуждали крупные предприятия в решающих отраслях промышленности, а на местах в собственность трудящихся, как правило, переходили мелкие предприятия легкой промышленности. И хотя крупные предприятия, отчужденные декретами Совнаркома и ВСНХ, играли несравненно большую роль в экономике страны, чем мелкие, отчужденные решениями местной власти, количественно последние значительно преобладали.

Итак, анализ конкретно-исторической ситуации, в которой проводилась профессиональная перепись 1918 г., показывает, что к моменту проведения переписи рабочий класс значительно изменился по сравнению с кануном Великой Октябрьской социалистической революции. Тысячи передовых рабочих крупнейших промышленных центров страны к осени 1918 г. покинули производство и не были зарегистрированы переписью. Речь идет, повторяем, в первую очередь о ведущих индустриальных центрах, таких, как Петроград и Москва. Именно поэтому по материалам профессиональной переписи 1918 г. трудно судить о высшем слое рабочего класса, о его авангарде, на плечи которого легла основная

[32] Здесь и далее данные о национализации промышленности получены в результате обработки первичных материалов промышленной переписи 1918 г. (см. ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 36, дд. 1—936).

тяжесть государственного строительства, руководства социалистическими преобразованиями в деревне, вооруженной защиты завоеваний Октябрьской революции.

Перепись застала рабочий класс на том этапе экономического строительства, когда полным ходом шел процесс социалистического обобществления фабрик и заводов. Но обобществление промышленности на деле — процесс довольно длительный, который отнюдь не завершается принятием декрета о национализации. Поэтому к моменту проведения переписи еще не успели четко определиться закономерности функционирования рабочего класса, определяемые социалистической формой собственности.

Вместе с тем уже к осени 1918 г. в полной мере проявилась социальная политика пролетарского государства, имеющая своей целью экономическую, социальную, политическую и идеологическую консолидацию рабочего класса, укрепление его руководящей роли в обществе. Это важное обстоятельство нужно обязательно учитывать при анализе структуры рабочего класса к осени 1918 г.

●

Проведение профессиональной переписи 1918 г. неразрывно связано со становлением советской государственной статистики. Необходимость организации единой системы центральных и местных статистических органов прямо вытекала из политических и экономических задач, стоявших перед молодой страной Советов. Плановое ведение хозяйства, строжайший и повсеместный учет и контроль над производством и распределением — все это требовало хорошо налаженной и разветвленной сети статистических учреждений. Советское государство нуждалось также в точном учете расстановки классовых сил в стране. Без выполнения этого условия нельзя было проводить научно обоснованной социальной политики.

Единая система государственных статистических органов сложилась после образования Центрального статистического управления 25 июля 1918 г. ЦСУ были подчинены различные ведомственные статистические органы и соответствующие подразделения местных советов. В ходе организации статистических органов приходилось преодолевать многочисленные трудности, обусловленные прежде всего отсутствием достаточного числа квалифицированных специалистов, но все же советская статистика создавалась не на пустом месте. Она унаследовала лучшие традиции и опыт дореволюционной, прежде всего земской, статистической науки, которые принесли с собой в советские учреждения дореволюционные профессионалы-статистики. Подчас далекие от марксизма, эти статистики старались добросовестно работать на новом поприще, более того, их увлекали широкие перспективы развития статистического дела в стране. То, к чему на протяжении длительного

времени стремилась статистическая наука в лице ее лучших представителей, было организационно оформлено только после победы революции. С самого начала советская статистика сосредоточила свое внимание на проведении ряда массовых обследований, итоги которых должны были лечь в основу социального и экономического планирования первого в мире пролетарского государства.

Буржуазные специалисты принесли с собой в советские статистические органы не только богатый практический опыт, но и груз старых представлений. Буржуазной статистической науке свойственны глубоко ошибочные представления о динамике социальной структуры общества. Программы обследований, которые разрабатывались статистиками старой школы, носили абстрактно-теоретический характер, включали огромный круг вопросов, не выделяя при этом главного, основного. На подобные недостатки в работе статистиков не раз указывал В. И. Ленин[33]. Многие из отмеченных недостатков сказались на проведении и обработке данных первых советских переписей, в том числе и профессиональной переписи 1918 г.

Проведение профессиональной переписи было связано также с организацией промышленной переписи 1918 г. Первоначально подготовкой переписей занималось несколько ведомств, руководство которыми осуществлялось Президиумом ВСНХ. I Всероссийский съезд статистиков в июне 1918 г. отменил проведение профессиональной переписи в качестве самостоятельного статистического обследования. Было решено провести профессиональную перепись в качестве дополнения к промышленной. Дело в том, что среди статистиков были сомнения в успехе проведения обеих переписей ввиду большого объема запланированных работ[34].

17 июля 1918 г. Президиум ВСНХ утвердил программу проведения промышленной переписи и указал на необходимость проведения профессиональной переписи как в центре, так и на местах. На местах переписи должны были проводиться под руководством губернских статистических органов; в случае необходимости предусматривалось создание института районных уполномоченных, организация курсов по подготовке инструкторов, счетчиков и т. д. Подготовка, доставка и отпечатка бланков были возложены как на центральные, так и на местные учреждения. Формуляры должны были составляться в двух экземплярах, один из которых направлялся в Отдел переписи[35].

Со времени создания ЦСУ РСФСР все работы по обеим переписям были сосредоточены в новой организации. К их проведению были привлечены все наличные статистические силы. Руководителем работ был назначен известный статистик А. Р. Бриллинг.

---

[33] См., например, В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 214—215. т. 53, стр. 121—123.

[34] «Вестник статистики», 1919, № 1, стр. 43.

[35] Там же, стр. 44.

Подготовительные работы к проведению переписей очень затянулись. Особенно это касается редактирования бланков и перечней. Обнаружились многочисленные продовольственные и транспортные трудности. Сказывалась острая нехватка кадров. Провести переписи в тяжелейших условиях 1918 г. было нелегко. Только новые общественные условия, новая организация статистического дела, громадный общественный энтузиазм рабочего класса, на который справедливо рассчитывали статистики, когда на своем съезде принимали решение о проведении обеих статистических обследований, позволили выполнить намеченные задачи.

Критическим днем переписей было намечено 31 августа 1918 г. Переписям предшествовали ряд локальных статистических обследований, например анкетное обследование предприятий Петрограда в апреле 1918 г., профессиональная перепись г. Москвы[36] и ряд других. Однако в целом в экспериментальной своей части подготовка переписей была проведена плохо, что сказалось впоследствии. Работы по переписям повсеместно начались с существенной задержкой примерно в начале октября 1918 г., а в ряде мест еще позже. В губерниях Поволжья переписи начали проводиться уже в ноябре 1918 г. после изгнания белочехов и белогвардейцев.

Переписи проходили медленно, особенно более трудоемкая профессиональная перепись[37]. Большое число бланков было заполнено уже в 1919 г. Причин задержек в сроках проведения переписей было много. Наряду с уже упомянутыми трудностями, обусловленными военной обстановкой, разрухой, голодом и болезнями, на проведении переписей особенно сказывалась нехватка подготовленных кадров. Потребности в квалифицированных счетчиках были удовлетворены лишь на 38%[38]. Если бы не общественный энтузиазм пролетарских масс, то проведение переписей вообще вряд ли было бы возможным. Как известно, рабочие зачастую безвозмездно брали на себя проведение профессиональной переписи[39]. Перепись часто проводилась в нерабочие дни, когда очень трудно было собрать рабочих, несмотря на меры содействия фабричных и заводских комитетов и поощрения, выдаваемые за явку на регистрационные пункты. Кроме того, нередко приходилось согласовывать проведение работ с оборонным ведомством, так как значительная часть предприятий в это время была связана с военным производством.

[36] Результаты обследований см.: «Список фабрично-заводских предприятий г. Петрограда по данным на апрель 1918 года». Пг., 1918; «Предварительный подсчет данных профессиональной переписи г. Москвы 21 апреля 1918 года». «Статистика труда», 1918, № 1, и др.

[37] «Вестник статистики», 1919, № 1, стр. 140—147.

[38] «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.». «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1 и 2, стр. 7.

[39] «Вестник статистики», 1919, № 1, стр. 138.

Промышленная перепись 1918 г. и проводившаяся в ее рамках профессиональная перепись охватили территорию 31 губернии, на которые распространялась в то время советская власть. Промышленной переписью было зарегистрировано более девяти с половиной тысяч цензовых предприятий[40], из которых на 31 августа действовали 6066, насчитывавших 1 174 181 рабочего и служащего. Профессиональная перепись коснулась 6 973 фабрик и заводов, на которых было зарегистрировано 1 246 343 рабочих и служащих. На территории проведения переписи в 1913 г. было 7 297 преприятий с 1 320 822 рабочими и служащими. Это составляло 54,6% всех предприятий и 68,9% всех рабочих Европейской России без Польши, но включая Северный Кавказ и Закавказье. Представительность района переписей по отраслям выглядит следующим образом (данные 1913 г. см. табл. 1)[41].

Таблица 1

Доля предприятий и рабочих (в %)	Все отрасли	Текстильная	Писчебумажная	Обработка дерева	Металлообработка и машиностроение	Обработка минеральных веществ	Обработка животных продуктов	Пищевая	Химическая	Прочие
Предприятий . . .	54,6	84,3	55,7	60,4	51,2	48,6	67,3	49,9	54,1	20,0
Рабочих	68,9	92,7	67,1	50,4	58,9	60,5	77,1	38,8	56,6	22,1

В 1917 г. на территории 31 губернии, вошедших в перепись, насчитывалось уже 2 093 862 рабочих и служащих[42].

По мнению статистиков, занимавшихся разработкой данных обеих переписей, результаты их можно распространить на всю территорию РСФСР, во всяком случае на главные отрасли промышленности[43]. Соглашаясь с этим мнением, мы должны указать на то, что перепись мало представительна для горной и горнозаводской промышленности. Основные районы сосредоточения этой промышленности — Урал, Донбасс и Закавказье — в момент проведения переписей были оккупированы интервентами и белогвардейцами.

[40] В перепись включались предприятия, имеющие механический двигатель и не менее 16 рабочих или не имеющие механического двигателя, но с числом рабочих не менее 30. Кроме того, в перепись включались предприятия, ранее подчиненные акцизному надзору и горной инспекции независимо от числа рабочих, а также все мыловаренные заводы с числом рабочих не менее 10, кожевенные заводы, имеющие не менее 10 дубильных чанов или 3 дубильных барабанов, вальцовые мельницы независимо от числа рабочих, кирпичные заводы с генераторными печами и все типографии с числом рабочих не менее 15 человек.

[41] Сведения взяты из публикации: «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Фабрично-заводская промышленность за период 1913—1918 гг.», «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1, стр. 9.

[42] «Статистика труда», 1918, № 11—12, стр. 62.

[43] «Вестник статистики», 1919, № 1, стр. 138.

Обработка данных обеих переписей сильно затянулась. Первоначальные сводки составлялись в Губстатбюро, которые в свою очередь доставляли сводки по губерниям в ЦСУ. Сводку материалов обеих переписей производил Отдел основной промышленной статистики ЦСУ во главе с известным статистиком Н. Я. Воробьевым, сменившим на этом посту умершего от тифа А. Р. Бриллинга. Работы по переписям были завершены в 1923 г. Окончательная публикация их итогов вышла в трудах ЦСУ только в 1926 г. До этого была осуществлена отдельно публикация результатов предварительной обработки данных[44]. Кроме того, сведения из промышленной и профессиональной переписей использовались в различных статистических изданиях[45].

В статистической периодике, в сопроводительных материалах к публикациям материалов переписей обстоятельства проведения и разработки данных освещены достаточно полно. В исторической литературе имеются специальные источниковедческие публикации М. Н. Черноморского, посвященные этой теме[46]. Поэтому мы не останавливаемся подробно на общих вопросах проведения переписей, а отсылаем читателя к указанной литературе. В настоящей работе освещены лишь те моменты, которые связаны с задачей исследования и которые помогают представить себе характер материалов профессиональной переписи 1918 г., их достоинства и недостатки, о которых ниже будет идти речь.

●

Несмотря на то что профессиональная перепись проходила в исключительно трудных условиях, она явилась более массовой по охвату рабочих и более полной по объему полученных сведений, чем многие предыдущие и последующие обследования рабочего класса. Программа переписи, как и ряда последующих обследований, составлялась в соответствии с задачами социалистического строительства и предусматривала довольно полную социальную характеристику рабочего класса.

[44] «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Предварительная сводка данных». М., 1920.

[45] См., например: А. Бриллинг. Возраст и грамотность рабочих по предварительным данным всероссийской профессиональной переписи 1918 года. «Вестник статистики», 1919, № 8—12; Н. Воробьев. Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. «Вестник статистики», 1919, № 4—7; его же. Фабрично-заводская промышленность Советской республики. «Вестник статистики», 1920, № 1—8; его же. Изменения в русской промышленности в период войны и революции. «Вестник статистики», кн. XIV, № 4—6; «Статистический ежегодник 1918—1920 гг.». «Труды ЦСУ», т. VIII, вып. 1. М., 1921; «Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923». «Труды ЦСУ», т. XVIII. М., 1924; «Центрально-промышленная область. Сб. статистических сведений за 1913—1923 гг.». М., 1925, и др.

[46] См. М. Н. Черноморский. Первая промышленная и профессиональная перепись 1918 года как исторический источник. «Труды МГИАИ», т. 13. М., 1959; его же. Значение архивных документов для изучения материалов первой промышленной и профессиональной переписи 1918 года как исторических источников. «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960; его же. Промышленные обследования первых лет Советской власти как источники по истории рабочего класса. В кн.: «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М., 1961.

Первичные материалы профессиональной переписи 1918 г. составляют около 1500 единиц хранения[47], каждая из которых содержит в среднем 500—600 личных карт рабочих и служащих.

Первичный бланк переписи — личная карта рабочего (см. приложение № 1) содержит целый ряд вопросов, чрезвычайно важных с точки зрения социального анализа. Наибольшее значение имеют данные о стаже (вопр. 12, 13, 14), преемственности фабрично-заводского труда (вопр. 15—16), связи с землей и источниках пополнения рабочего класса (вопр. 27). В целом эти вопросы позволяют установить действительный характер связи с мелкособственническим хозяйством, постоянное занятие и в конечном счете связь с фабрично-заводским производством. Косвенно связаны с ними следующие показатели: место рождения (7), связь с землей до революции (28), уход с предприятий на полевые работы (35), занятие во время перерыва производства на сезонных предприятиях (29), возраст первоначального поступления на предприятие (12), постоянное место жительства семьи (34) и некоторые другие. В анкете также имеются вопросы, позволяющие установить участие рабочих в общественных, профсоюзных и кооперативных организациях (вопр. 30, 31, 32, 33) и провести анализ группы рабочих, вовлеченных в общественную деятельность.

Ряд вопросов анкеты позволяет дать производственную характеристику рабочих (вопр. 2, 3, 13, 14, 22). Речь идет о принадлежности к определенной группе производства, к типу предприятия по числу рабочих, к профессионально-квалификационной группе рабочих.

Многие вопросы анкеты связаны с определением материально-бытового положения и условий труда рабочих (вопр. 17—26, 32—34, 36—37). Исследование материального положения и условий труда рабочих затруднено из-за чрезвычайной пестроты и различий в способах оплаты, в тарификации, в устойчивости денежных знаков в различных районах страны и т. д.

Целый ряд вопросов относится к характеристике демографических различий в среде рабочего класса (вопр. 4, 6, 8, 10, 11). Многие демографические факторы при определенных обстоятельствах могут оказывать влияние и на социальные различия.

Анализ первичного бланка дает представление о больших возможностях использования этих материалов для получения модели социальной структуры пролетариата. Однако публикация результатов переписи не соответствует такой задаче. Недостатки публикации вытекают из целого ряда причин как объективного, так и субъективного характера. Только в 1926 г. вышла из печа-

[47] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 5.

ти окончательная публикация итогов переписи, далеко неполная и не соответствующая общему объему полученной информации. Поскольку материалы профессиональной переписи разрабатывались в качестве дополнения к промышленной переписи 1918 г., целый ряд данных, менее интересных с точки зрения статистики промышленности, вообще остался необработанным, в том числе о профессиональном составе рабочих, их стаже, потомственности, прежней профессии, месте рождения, сезонности, типе поселения, заработках и др.

Многие сведения не вошли в разработку из-за их недоброкачественности. Это особенно касается сведений о первоначальном поступлении рабочего в то или иное заведение (а, значит, и общем стаже работы в промышленности), сведений о тарифах и др.

Разработка остальных материалов переписи в публикациях дает по существу лишь простые распределения, так как в качестве факториальных признаков были взяты только губернии и группы производств. Таким образом, сведения в таблицах приводятся либо в территориальном, либо в отраслевом разрезе, что практически исключает возможность анализа роли различных факторов в характеристике социального облика рабочего класса. С подобной трудностью встречались исследователи и ряда других проблем. Именно этим объясняется тот факт, что хотя профессиональная перепись 1918 г. давно привлекает внимание историков и экономистов, материалы ее используются в чисто иллюстративном плане.

Чтобы определить задачи и перспективы повторной обработки переписи для исследования социальной структуры рабочего класса, необходимо проанализировать программу ее проведения и произвести оценку опубликованных материалов.

Перепись зарегистрировала 1 246 243 рабочих и служащих предприятий фабрично-заводской промышленности. При обработке, однако, необходимо иметь в виду, что первичные материалы по Москве (около 130 тыс. бланков) не сохранились. Кроме того, следует учесть, что некоторая часть бланков из-за низкого качества бумаги сохранилась очень плохо и сведения, заключенные в них, восстановить невозможно. В настоящее время общее число первичных бланков — анкет профессиональной переписи — составляет немногим более миллиона единиц.

Первичные материалы хранятся отдельно по каждой губернии. Внутри губерний материалы распределяются по группам производств, внутри групп производств — по предприятиям. Анкеты крупных предприятий иногда систематизированы по цехам и отделам. Бланки крупных предприятий подчас насчитывают несколько дел, и, наоборот, в некоторых делах содержатся личные карты рабочих многих мелких предприятий. Однако данный порядок является весьма условным и часто нарушается. Это затрудняет количественный учет имеющихся бланков.

Материалы переписи не до конца сформированы как единицы хранения. Это касается прежде всего личных карт, которые не подшиты и не пронумерованы. Правда, в анкетах переписи сохраняется нумерация, причем не одна, а несколько, но нумерация, как правило, заканчивается в пределах ограниченного массива анкет. Это является следствием стадиальной обработки бланков. Как известно, первоначальные сводки по предприятим составлялись на местах в Губстатбюро и лишь затем поступали в ЦСУ в отдел Основной промышленной статистики, где они в свою очередь сводились, а также обрабатывались заново.

Все вышеупомянутые обстоятельства затрудняют определение окончательного числа бланков по предприятиям и по группам производств в рамках отдельных губерний.

В качестве вспомогательного материала нами использовались разработочные карточки профессиональной переписи, хранящиеся вместе с ее первичными материалами, а также первичные материалы промышленной переписи 1918 г.[48]. Они брались главным образом для определения числа рабочих на отдельных предприятиях, в отдельных отраслях промышленности и в отдельных губерниях страны.

Следует сказать, что материалы промышленной и профессиональной переписей различаются в оценке числа рабочих, хотя профессиональная перепись и проводилась в рамках промышленной. Так, если на Ярославской Большой мануфактуре по промышленной переписи было зарегистрировано 9 183 рабочих, то по профессиональной — около 12 тыс. Расхождения характерны не только для крупных предприятий, но и для мелких. Причин такого расхождения много. Прежде всего здесь сказалось значительное отставание в сроках проведения профессиональной переписи, невозможность при проведении профессиональной переписи (в отличие от промышленной) зарегистрировать какое-то постоянное число рабочих. Проведение профессиональной переписи растягивалось на длительный срок, а это в обстановке того времени чрезвычайно затрудняло точное определение постоянного числа рабочих.

Обработка первичных бланков выявила серьезные недостатки в порядке их заполнения. Хотя инструкцией было предусмотрено[49], что большинство сведений должно заполняться с документов или слов опрашиваемого с последующей проверкой по документам,

[48] Сведения о рабочих отдельных предприятий имеются и в опубликованных материалах, но не по всем губерниям. Существуют опубликованные списки фабрик и заводов с указанием числа рабочих и другими сведениями из промышленной переписи 1918 г. по Тульской, Тверской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Олонецкой, Ярославской и Череповецкой губерниям. В остальных случаях необходимо обращаться к первичным материалам промышленной переписи.

[49] «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года...». «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 2.

это требование выполнялось весьма редко[50]. Кроме того, имеется значительное число незаполненных бланков с грифом «опрашиваемый отсутствует». Это в большинстве своем бланки на рабочих и служащих, работавших по состоянию на 31 августа 1918 г., но ко времени проведения переписи (обычно ноябрь—декабрь) отсутствовавших. Имелись целые предприятия, на которых бланки сплошь идут под грифом «опрашиваемый отсутствует». В среднем сведения по тому или иному вопросу отсутствуют в более чем 10% случаев. Очень часто не заполнялись бланки на рабочих, поступивших после 31 августа 1918 г., — они отмечены грифом «поздний». Казалось бы, что при обработке переписи бланки с пометками «поздний» или «опрашиваемый отсутствует» должны каким-либо образом выделяться. Но этого сделано не было, что безусловно сказалось на точности опубликованных данных.

Личная карта рабочего дает представление о достоинствах и недостатках ее как первичного бланка статистического учета. Одни ее недостатки были обусловлены новизной дела, другие — состоянием самой статистической науки в рассматриваемый период и выявляются лишь в свете современных требований к первичным материалам статистических и социологических обследований. Некоторые вопросы анкеты являются очень сложными и излишне детализированными и зачастую рассчитаны на получение не однозначной информации. При статистической обработке эти вопросы приходится разбивать на отдельные элементы. Другие вопросы слишком сложны для массового обследования, и ни один счетчик переписи не смог удовлетворительно их заполнить. Несколько вопросов имели только локальное значение, учитывая в основном условия Москвы и Петрограда.

Несмотря на многие недостатки, профессиональная перепись предоставляет в руки исследователям уникальный по своему объему и характеру материал. Вопрос о повторной обработке переписи ставился неоднократно, но речь в основном шла о дополнительной обработке по старой программе.

Использование первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. для изучения социальной структуры рабочего класса предусматривает наиболее полный, комплексный подход к анализу всей имеющейся информации переписного бланка. Целый ряд факторов, содержащихся в программе, подвергается в данном случае предварительной оценке через определение их роли и места в системе внутриклассовых отношений пролетариата.

---

[50] М. Н. Черноморский иногда ошибочно переносит требования инструкции на характеристику первичных материалов переписи. Например, он пишет: «Десять вопросов заполнялось по документам, 26 вопросов со слов с последующей проверкой и лишь 37-й вопрос заполнялся со слов опрашиваемого» (М. Н. Черноморский. Промышленные обследования первых лет Советской власти как источники по истории рабочего класса. В кн.: «Изменения в численности и составе советского рабочего класса», стр. 259).

ГЛАВА II

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА ВЫБОРОЧНОЙ ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1918 г.

Обработать перепись заново в полном объеме очень трудно даже при наличии в распоряжении исследователей современных вычислительных средств. Такая работа была бы под силу только крупным статистическим организациям. Вместе с тем обработка всех первичных материалов для решения только определенного круга задач вообще не представляется целесообразной.

Практика статистических обследований имеет на случай увеличения объема задач и их усложнения давно разработанную методику выборочного исследования. Применение выборочного метода вполне оправдано, когда речь идет не столько о строгом количественном учете, а об исследовании основных закономерностей анализируемых явлений и признаков. И в нашем случае сравнительно небольшая по объему выборка может отвечать задачам исследования социальной структуры рабочего класса.

Современная статистика указывает на перспективность использования выборочного метода для повторной обработки материалов переписей и первичного учета. В недавно вышедшей работе П. П. Маслова «Статистика и социология» (М., 1971) указывается, что применение выборочного метода позволит дополнить официальные итоги статистических обследований аналитическими разработками, где можно применить весь арсенал тонких статистико-математических приемов исследования. Автор считает, что именно выборочная повторная сводка данных сплошной отчетности — верный путь для расширения круга социологических изысканий[1]. Вместе с тем он обращает внимание на то, что область выборочной обработки ранее собранных сплошных данных переписей и текущего учета требует еще теоретической разработки[2].

---

[1] См. П. П. Маслов. Статистика и социология. М., 1971, стр. 133.
[2] См. там же, стр. 134.

4 Зак. 569

Научно обоснованная выборка позволяет существенно сократить объем непосредственно обрабатываемого материала и, как следствие, уменьшить затраты времени и средств при незначительных потерях в точности вводимых в обработку данных. Существуют различные способы выборочного отбора, обеспечивающие достаточную представительность при оценке признаков.

Для обработки материалов переписей, обследований и других материалов сплошного учета очень удобен механический отбор. Обычно первичные материалы статистики откладываются в архивах в определенном порядке, обусловленным способом хранения или предыдущей обработки. Первичные материалы профессиональной переписи расположены в соответствии с порядком первоначальной сводки данных. Дела в архиве пронумерованы согласно алфавитному списку названий губерний. Бланки рассортированы по группам производства, а внутри их — по предприятиям. Внутри каждого предприятия личные карты располагаются по цехам и отделам, если таковые имеются, причем отдельно следуют рабочие по профессиям и служащие по категориям. Таким образом, систематизация охватывает весь материал сверху донизу и производить механический отбор очень удобно. Для этого достаточно произвольно выбрать начальную карту и в дальнейшем, исходя из доли отбора, брать личные карты, попавшие в точки отсчета. Допустим мы произвольно выбрали третью карту из какого-либо дела, а доля выборочной обработки составляет $^1/_{10}$. Тогда дальнейшие отобранные карты будут 13, 23, 33 и т. д. Такому способу не мешает частое нарушение принципов систематизации и хранения первичных материалов переписи, о чем мы уже говорили ранее. Для контроля над правильностью осуществления отбора можно использовать нумерацию анкет в рамках отдельных предприятий (или любую из таких нумераций). При механическом отборе всегда можно проверить правильность отбора единиц. Единственным условием применения механической выборки является отсутствие в совокупности правильной повторяемости, связанной с интервалом отбора. Анализ первичных материалов позволил установить отсутствие такой повторяемости.

Предпочтительность механического способа отбора обусловлена тем, что применение других способов либо невозможно, либо связано со значительным увеличением затрат[3]. Как правило, механическая выборка обеспечивает достаточную точность и репрезентативность полученных данных[4].

[3] Был опробован метод отбора анкет переписи с помощью таблицы случайных чисел, показавший свою непригодность в качестве поточного метода.

[4] По этому вопросу среди статистиков нет единого мнения. В качестве главного аргумента против применения механического или, как его при этом называют, псевдослучайного метода выдвигается тезис, что при нем вполне надежная оценка ошибок выборки невозможна, так как единицы выборки не располагаются случайно. Но большинство статистиков полагает, что механический отбор имеет преимущества перед случайным методом, поскольку дает более близкое распределение в выборке к единицам в совокупности. В случае

Казалось бы, что вся проблема теперь может быть сведена к определению доли механической выборки, обеспечивающей представительность тех или иных признаков. Однако огромный объем исходного массива информации может свести на нет преимущества способа механического отбора. В самом деле, уменьшение доли механического отбора имеет свои пределы, далее которых становятся чрезвычайно велики разбросы значений признаков. В то же время большая доля отбора дает такой объем выборки, который весьма трудно обработать. Поэтому необходимо применение и других методов выборочной обработки, обеспечивающих достаточную представительность исходных данных.

Одним из таких способов является районированная (стратифицированная) выборка. Первым этапом организации такой выборки является предварительное районирование генеральной совокупности, т. е. всех первичных материалов переписи. При типическом районировании выборка производится путем извлечения из данного района с помощью какого-либо способа (случайного, механического, направленного и т. д.) типической единицы (или нескольких единиц) по какому-либо признаку.

Учитывая характер источника и его состояние, выборку из первичных материалов можно произвести только по определенным типическим районам, а именно: мы можем районировать либо губернии, либо предприятия в зависимости от их типа, либо использовать комбинацию различных признаков. Во всех случаях для организации типических районов необходимо привлечение большого объема дополнительной информации.

Предпочтительный вариант был определен опытным путем. Выбор предприятий в качестве единиц типического районирования весьма заманчив, так как в рамках отдельных предприятий количество первичных материалов сильно различается и может содержать от нескольких личных карт рабочих и служащих до десятков тысяч бланков. Применение районированной выборки позволяет в данном случае существенно сократить объем непосредственно обрабатываемого материала. Но при выборочной обработке всей генеральной совокупности необходимым условием является также учет экономико-географических моментов, который в нашем случае выражается в погубернском членении материала. Следует обратить внимание и на то важное обстоятельство, что губернии, как правило, имели достаточно четко выраженную промышленную специализацию. Сам уровень промышленного развития являлся одним из факторов экономико-географического районирования страны.

больших совокупностей (аналогичных исследуемой) и при ограниченных размерах выборки механический отбор близок к истинно случайному. См. Ф. Г. Долгушевский, В. С. Козлов, П. И. Полушин, Я. М. Эрлих. Общая теория статистики. М., 1967, стр. 217—219; У. Дж. Рейхман. Применение статистики. М., 1969, стр. 221.

Наибольшее распространение получило районирование страны, предложенное известным географом и статистиком П. П. Семеновым-Тян-Шанским. С учетом ряда дополнений и изменений это районирование было принято в статистике первых лет советской власти. Оно, конечно, не было свободно от недостатков, но в целом оно верно отражало основные особенности хозяйственного развития страны. Это положение относится и к территории, на которой была проведена профессиональная перепись 1918 г., охватившая полностью или частично 8 (Центрально-промышленный, Центрально-земледельческий, Средневолжский, Нижневолжский, Приуральский, Северный, Приозерный и Западный) из 14 экономико-географических районов европейской части страны.

Взяв материалы губерний в качестве объектов исследования, мы будем иметь дело с весьма представительными частями совокупности. По ним можно судить об уровне промышленного развития районов, о концентрации рабочего класса, можно дать характеристику отдельных его отрядов.

Чтобы произвести математически обоснованный способ выборки по отношению к материалам губерний, чрезвычайно трудно выделить какой-либо один или несколько признаков. Поэтому наиболее реальным способом отбора здесь является направленный метод. Это не математический, а чисто логический способ, когда типическая единица извлекается из типического района с помощью определенной системы доводов. В статистике считается, что надлежащим образом обоснованный направленный метод обеспечивает выборку более репрезентативную, чем другие способы отбора, однако он не дает возможности измерить ошибки оценки[5]. Математическим аппаратом можно пользоваться только по отношению к материалам отдельных губерний, причем рабочие отдельных губерний представляют интерес и как самостоятельные объекты для анализа.

На наш взгляд, сочетание направленного способа отбора материалов губерний из экономических районов и механической выборки анкет из материалов этих губерний является наиболее эффективным методом выборочной обработки профессиональной переписи 1918 г.

Следующий этап исследования — определение доли механического отбора из материалов отдельных губерний. Обычно для определения необходимого объема выборки производится пробная выборка по одному или по ряду изучаемых признаков и анализируется распределение значений признаков. Зная эти распределения, можно рассчитать объем требуемой выборки. Такой способ в целом неприемлем для обработки переписи 1918 г., так как количество признаков, подлежащих изучению, слишком велико,

[5] См., например, Дж. Э. Юл, М. Дж. Кендэл. Теория статистики. М., 1960, стр. 435.

даже если их число намеренно ограничить лишь кругом поставленных задач. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что нам необходимо получить представление об органической взаимосвязи факторов и естественном соотношении структурных элементов совокупности.

Для проведения выборочной обработки переписи с целью изучения социальной структуры рабочего класса основным и исходным является положение о том, что до проведения эксперимента, дающего эмпирическое представление о структуре изучаемого объекта, выборка не может быть строго обоснована. Поэтому вместо обычной пробной выборки для выборочного изучения одного или нескольких признаков оказалось необходимым проведение предварительного экспериментального исследования, которое должно было удовлетворять ряду требований: возможности отразить многообразие социальных условий страны; включить полярные с точки зрения анализа социального состава группы рабочего класса. Экспериментальное исследование должно было охватить весьма представительную часть совокупности, поскольку любая небольшая ее часть может дать не общие, а исключительные распределения признаков.

Статистики справедливо полагают, что возможности экспериментирования при выборочной обработке сплошных данных очень велики: можно использовать различные способы выборочной обработки, менять долю отбора и т. д. А в таких экспериментах вполне осуществимы различные сравнительные оценки при помощи критериев, рекомендуемых теорией статистики.

Однако до проведения экспериментального исследования необходимо было соответствующим образом подготовить информацию, заключенную в анкетах для обработки на ЭВМ. В связи с этим была разработана соответствующая система шифровки информации. Предназначенная для кодирования экспериментального массива система кодов также носила экспериментальный характер, поскольку не были известны области значений большинства признаков. В окончательном виде система кодирования информации переписи была разработана после экспериментальной выборочной обработки.

Сущность метода кодирования заключается в следующем: информации, заключенной в первичных бланках-анкетах переписи, придаются определенные числовые значения, которые затем переносятся на кодировальные бланки в специально отведенные для них места. Система кодов или шифров должна максимально полно сохранить информацию источника и вместе с тем быть простой и удобной в обработке.

Шифровка исторических документов имеет свою специфику. Исследователь должен хорошо ориентироваться в материале, знать обстоятельства возникновения источника и особенности исследуемого периода. Историку приходится работать только с тем

видом информации, которая сохранилась в источнике, со всеми присущими ей упущениями и недостатками. Он не должен вносить исправления в отдельные показатели информации в источнике как бы заманчиво и само собой очевидно это не было. Если первичные данные в перспективе заведомо исказят общую картину, то лучше прямо оговорить непригодность источника для изучения данной проблемы.

Следующим важным условием шифровки исторических документов является сопоставимость с другими аналогичными обследованиями. Несопоставимость сводит на нет усилия, затраченные на обработку источника. По нашему мнению при обработке первичных материалов статистического учета вопрос о сопоставимости должен решаться не в частных деталях, а в комплексе, через определение однотипности элементарных понятий, исходной совокупности и методов обработки.

В системе кодов для шифровки первичной информации профессиональной переписи были предусмотрены самые элементарные и детальные значения, которые позволяют так сгруппировать обработанные данные, чтобы их можно было сопоставить не только с первичными данными, но и с публикациями данных ряда других статистических обследований: с переписью 1920 г., с городской переписью 1923 г., переписью 1926 г., профсоюзными переписями конца 20-х — начала 30-х гг. и, наконец, с переписью 1939 г.

В приложении № 2 приводится список признаков с соответствующими примечаниями, которые были подвергнуты обработке. Количество признаков значительно превышает число вопросов в анкете. В списке дается номер признака и номер вопроса анкеты, из которого извлечена информация. При представлении первичных данных в числовых значениях (кодах) мы стремились первоначально дать наиболее элементарные категории. В дальнейшем производились операции по группировке, преобразованию и перекодированию информации в зависимости от характера задач, которые нужно было решать в процессе исследования.

Принципы кодирования многих признаков, например социально-демографических, достаточно разработаны в статистике и конкретно-социологических исследованиях и имеют трафаретный характер. Многие варианты ответов даны в самих анкетах. В некоторых случаях вопросы содержат чрезмерную детализацию вариантов ответов, и их приходилось объединять.

Операция по кодированию информации требует затраты значительных сил и средств. Поэтому необходимо определить наиболее рациональные и эффективные способы работы с первичными материалами, с тем количеством признаков, который дает в руки исследователей программа профессиональной переписи 1918 года. Это еще один аргумент в пользу проведения экспериментальной выборки. Мы видим, что объем информации, которую можно подвергнуть обработке, чрезвычайно велик. Количество переменных,

подлежащих анализу, более 60. Наша задача состоит в том, чтобы на основе имеющихся эмпирических данных построить социальную модель, способную адекватно отразить внутреннюю структуру рабочего класса в данной исторически конкретной ситуации. Построить модель — это значит дать описание структуры в обобщенной форме, отвлекаясь от ряда несущественных, с точки зрения внутриклассовой дифференциации, отношений и признаков. Однако каждый из признаков должен получить оценку его значения в системе факторов.

Постановка вопроса о роли различных признаков в изучении социальной структуры предусматривает ряд последовательных операций по обработке первичных материалов переписи, производимых с помощью ЭВМ. На первом этапе обработки необходимо было с помощью безусловных распределений (вычисления $P(A)$, где $P(A)$ — вероятность появления значений каждого признака в выборке) дать общую структурную характеристику объекта исследования. Массовый исторический источник, отложившийся в архиве, не приспособлен для обработки с использованием ЭВМ. На данном этапе производится оценка характера распределений по значениям каждого признака. При этом каждый признак испытывается с его качественной стороны (заполненность, незаполненность информацией, определенность и характер информации и т. п.). Безусловные распределения дают материал для визуальной и расчетной оценки соответствия выборки генеральной совокупности. Они позволяют принять решение для перегруппировки значений признаков в целях дальнейшего анализа. При практически полной однородности информации по какому-либо значению признака, например почти все рабочие — члены профсоюзов; почти никто из рабочих во время голода не отправил свою семью в деревню и т. д., можно поставить вопрос о снятии целого ряда признаков в свете дальнейших аналитических операций. И, наконец, безусловные распределения дают материал для определения методов и математических средств дальнейшего анализа.

Вторым этапом машинной обработки материала, связанным с первым и вытекающим из него, является анализ условных распределений. (Вычисление $P(A/B)$, где $P(A/B)$ — вероятность появления в выборочной совокупности данного явления в его связи с другими.) Условные распределения предстают, как правило, в виде таблиц и гистограмм. Они дают возможность составить неформальное (содержательное) впечатление о степени зависимости между признаками, поэтому суть анализа условных распределений — характеристика соотношения между значениями рассматриваемых признаков для того, чтобы установить, имеются ли между ними какие-либо различия. Выводы, устанавливающие независимость пар признаков в системе признаков анализируемого массива информации, могут быть окончательными, так как другие оценки степени зависимости между этими признаками с использованием каких-либо более тонких и сложных способов и ме-

тодов оценки не добавят ничего нового, кроме установления факта независимости.

Анализируя характер условных распределений, мы можем говорить о величине, степени их различий и отметить, в чем конкретно состоят эти различия.

Анализ объекта на уровне выяснения причинно-следственных связей позволяет выделить из всей системы признаков основные, руководящие, ведущие признаки для решения задач по анализу социальной структуры рабочего класса и своевременно исключить второстепенные, незначимые признаки из последующих уровней переработки исходной информации.

При объяснении причин различий на содержательном уровне необходимо помнить, что эти причины не могут быть выведены только из количественных соотношений между значениями рассматриваемых признаков. Обоснование причин — это концентрат одновременно и более широких, и более конкретных соотношений в общей, достаточно полной, системе признаков. Оценивая значимость различий значений условных распределений, т. е. степень зависимости между двумя признаками, необходимо помнить, что результаты получены на выборке. Если делаем утверждения только о выборочной совокупности, то любое различие значимо. Но в нашем случае выборочные результаты экстраполируются на всю исследуемую совокупность, которая значительно шире. В этом случае важнейшее значение приобретает доля, которую составляет выборочная совокупность от генеральной совокупности. Чем больше объем выборки, тем выше уровень значимости различий значений условных распределений, и наоборот.

При исследовании значимости различий в распределениях необходимо учитывать количественные соотношения подразделений анализируемых пар признаков и принимать во внимание четкость границ значений этих признаков. Например, для такого признака, как «пол», объекты различаются совершенно однозначно, а значения признаков «профессия», «образование» не являются такими определенными и взаимоисключающими.

Размытость границ между значениями этих признаков следует брать во внимание при установлении значимости в расхождениях между распределениями. Неопределенность границ такого рода зависит прежде всего от содержания их подразделений. В целом для утверждения одного и того же уровня значимости по признакам с размытыми границами требуется несколько большее расхождение распределений, чем для признаков с четкими границами.

Следующим этапом переработки исходной информации является получение обобщенной оценки на уровне количественного измерения соотношений между парами признаков. Исследование зависимости между парами признаков составляет основу всякого более углубленного статистического анализа исследуемой совокупности. Определение меры зависимости между парами призна-

ков — это установление влияния значений одного признака на значения второго.

Как указывалось выше, результаты вычисления безусловных распределений, по которым производится анализ структурных характеристик всей системы признаков, используются и для выбора адекватных средств и методов переработки исходной информации. Применение методов корреляционного анализа в данном случае ограничено, поскольку первичные материалы обследования не могут быть полностью выражены числовыми значениями. Например, если для таких признаков, как возраст, зарплата, числовые представления выражают суть явления, то для признаков пол, семейное положение, место рождения, грамотность, образование и т. п. числовые представления носят формальный характер и служат лишь для ввода информации в электронно-вычислительную машину. Иными словами, если суть явления не может быть удовлетворительно выражена числовым значением, то применение методов корреляционного анализа ограничено, особенно в том случае, когда исследуется зависимость между явлениями, одно из которых выражается числовым значением, а другое нет. Кроме того, коэффициент корреляции — это мера *линейной* зависимости случайных величин при условии их нормального распределения. Область социальных явлений почти не знает этого рода распределения[6]. Более того, здесь зачастую отсутствуют и различные виды скошенных распределений, анализ которых рекомендует математическая статистика. Распределения в области социальных явлений могут выражаться различными типами кривой, в том числе разной степени скошенности, разномодальными и т. д.

Изучение безусловных распределений различных признаков, существенных для нашего объекта исследования, показывает, что большей частью они не принадлежат к известным и хорошо изученным в математической статистике законам распределений (например, нормальному, Пуассона, Гаусса, Эджворта и др.), для которых разработаны надежные методы анализа. Для большинства признаков нет линейной зависимости и нет числовой структуры значений их подразделений. Нечисловые признаки не поддаются естественному отображению в числовых значениях. Их можно представить только в структуре наименований. Поэтому для ис-

[6] Вопрос об этом рассматривается в книге П. П. Маслова. См. ук. соч., стр. 102—109. Автор считает, что в области общественных явлений большей частью нет той независимости, случайности событий, которые лежат в основании нормального распределения. Применение методов математической статистики в социальных исследованиях должно основываться не на случайности явлений и событий в общественной практике, а на их значимости с точки зрения общей объективной ведущей тенденции, которая обнаруживается как некая средняя линия поведения, сложившаяся под влиянием общественных условий. Существенность или несущественность явления с точки зрения ведущей тенденции позволяет в этом смысле говорить и о его случайности, но совершенно очевидно, что природа применения формул математической статистики в данном случае отличается от области случайных явлений.

следования взаимосвязей признаков необходимо выбрать метод, независимый от структур значений признаков, которые нам предстоит исследовать. В качестве такой меры можно взять так называемую взаимную информацию.

Информации, как в интуитивном, так и в формальном смысле, предшествует понятие *неопределенность*. Вернее, количеству информации предшествует количество неопределенности, которое определяется следующей формулой:

$$H = -\sum_{i=1}^{n} P_i \lg P_i,$$

где P_i $(i=1, n)$ — распределение вероятностей состояний, характеризующих объект; i — состояние объекта. Количество неопределенности (H) называется энтропией. Наличие информации означает уменьшение неопределенности ситуации. А этот факт дает возможность использовать наличие информации как *меру статистической зависимости*. Действительно, в самом широком понимании статистическая зависимость двух случайных величин (двух факторов) означает, что они зависимы тогда, когда знание состояния по одному фактору влечет за собой увеличение знания состояния по другому фактору, т. е. если знание одной величины влечет увеличение знания (или уменьшения неопределенности) о другой величине, то эти величины зависимы между собой, если нет, то величины независимы. Такая формулировка охватывает самые различные формы зависимости (функциональную, статистическую) и не зависит от характера представления информации. Последнее является весьма существенным моментом, особенно для историко-социологических исследований, где в описании объектов встречаются признаки как с числовым содержанием, так и другого вида и где ставятся задачи выяснения зависимости между факторами. Логические основания теории неопределенности, хотя и излагаются на языке теории информации, но, как считает П. П. Маслов, аналогичны основаниям вариационного анализа, т. е. теории вероятности. Преимущество теории неопределенности состоит в том, что она может фигурировать дискретными (качественными) зависимыми переменными[7].

Неопределенность и информация измеряются в одних и тех же единицах. Поэтому для оценки статистической зависимости можно воспользоваться взаимной информацией факторов друг о друге. Пусть имеются два явления (признака), характеризующих некоторые свойства объекта, каждое из которых имеет конечное число возможных состояний; природа этих явлений статистическая. Пусть далее P_{ij} означает вероятность (частость) того, что первое явление характеризуется состоянием $i (i=1, n)$, второе — состоянием $j (j=1, m)$, P_i — вероятность i-того состояния первого явления безотносительно к состоянию второго и P_j — вероятность

[7] См. П. П. Маслов. Ук. соч., стр. 89.

j-того состояния второго явления безотносительно к состоянию первого.

Предполагается также, что

$$\sum_{i=1}^{n}\sum_{j=1}^{m} P_{ij} = \sum_{i=1}^{n} P_i \sum_{j=1}^{m} P_j = 1.$$

Тогда количество информации, содержащейся в одном из этих явлений о другом, есть величина

$$I = \sum_{i=1}^{n}\sum_{j=1}^{m} P_{ij} \lg \frac{P_{ij}}{P_i P_j},$$

которая, исходя из вышесказанного, может быть принята за *меру взаимозависимости* между явлениями. Нетрудно заметить, что смысл формулы коэффициента взаимосвязи (I) сводится к выяснению вероятности встречи каждого признака с каждым в многомерном пространстве. В итоге вычислений получается полуматрица, по которой можно судить о силе связи всех признаков между собой.

С формальной стороны анализ полуматриц информационных коэффициентов, выражающих количественную оценку взаимосвязи признаков между собой, дает возможность выделить наиболее тесно связанные пары признаков и признаки, имеющие наиболее слабую связь между собой, построить ранжированный ряд в исследуемой системе признаков, вычленить основные, руководящие признаки в системе на уровне значимости коэффициентов, выбранном исследователем, построить модели, структуры, схемы взаимодействия отдельных групп признаков и всей системы признаков в целом, т. е. перейти к анализу многопризнаковых, факторных взаимозависимостей и взаимосвязей.

Конструирование из групп признаков систем факторов, понятий, категорий является естественным продолжением и развитием обобщенного и сжатого описания структур взаимосвязей признаков. Анализ межфакторных зависимостей несравненно сложнее, чем анализ межпризнаковых зависимостей. Признаки в большинстве своем конструируются для измерения и фиксации естественно проявляющихся или непосредственно наблюдаемых, или достаточно элементарных по своей природе явлений. Понятие же фактора аккумулирует больше динамических, скрытых, многоаспектных явлений, для которых во многих случаях трудно определить их структуру или систему шкалирования. Поэтому межфакторная зависимость более многогранна, чем межпризнаковая.

В последующих главах работы приводятся полуматрицы коэффициентов или графическое изображение взаимосвязи признаков для изучаемых массивов информации и дается их содержательный анализ.

Таковы те общие замечания по методике и технике исследования, которые хотелось бы сделать, прежде чем перейти к анализу результатов эксперимента для определения конкретных путей дальнейшей обработки материалов переписи.

Для проведения эксперимента были выбраны материалы Ярославской и Воронежской губерний. Первая из них принадлежала к промышленно развитым и имела значительное число рабочих. Материалы Воронежской губернии типичны для сельскохозяйственного района.

Для определения необходимой доли отбора, обеспечивающей достаточно точную и представительную оценку признаков, в рамках экспериментального исследования было решено взять несколько выборок из анкет Ярославской губернии. С этой целью из первичных материалов механическим способом были отобраны каждые $^1/_{10}$, $^1/_{20}$ и $^1/_{100}$ анкеты (10, 5 и 1% выборки). Из совокупности примерно в 37 500 единиц выборки соответственно ставили массивы в 3300, 1600 и 380 единиц. Из анкет Воронежской губернии (примерно 6400 единиц) была сделана только одна выборка в $^1/_{10}$ объема (несколько меньше 600 единиц) [8].

Анкеты для обработки отбирались ручным способом. Для контроля за долями отбора использовалась нумерация анкет в рамках отдельных предприятий. Совершенно незаполненные анкеты, попавшие в точки отбора, не обрабатывались, вместо них брались соседние анкеты, если они были заполнены. Интервалы отбора не смещались и оставались постоянными на все время обработки.

Исходя из анализа эмпирических распределений признаков в выборках различных объемов определялся оптимальный вариант, обеспечивающий представительность анализируемых групп. Выборочный эксперимент давал возможность оперировать сравнительно большими объемами выборок. В статистике, например, считается, что выборка в 1000 единиц уже обеспечивает высокую точность оценки признаков и представительность основных групп [9]. Однако это заключение нельзя принять a priori для любого массива информации. Так, например, в нашем случае требуется эмпирическая оценка распределения значительного числа признаков, имеющих иногда очень дробные и изменчивые значения.

Несколько выборок из одной совокупности значительно повышают точность оценки изучаемых признаков и в случае незначительных отклонений в точности (расчет допустимых отклонений производится с помощью специальных методов математической

[8] Действительные объемы выборок оказались меньше предусмотренных пропорциями отбора, так как для обработки не брались незаполненные анкеты. Тем не менее отсутствие сведений по тому или иному вопросу характерно и для многих анкет, взятых для обработки. Это необходимо учесть при анализе таблиц, полученных в ходе выборочной обработки. В силу многих недостатков первичных материалов переписи, о чем уже говорилось, при оценке отдельных признаков приходилось оперировать разными объемами выборок.

[9] См. Дж. Э. Юл, М. Дж. Кендэл. Ук. соч., стр. 445.

статистики) приближают относительную точность к практически полной достоверности.

Большинство признаков в исследовании являются качественными. Чтобы наглядно представить характер их распределений, нужно обратиться к гистограммам распределения рабочих Ярославской губернии по группам производств (см. рис. 1). Распределение по группам производств содержит наибольшее количество значений. Оно имеет важное значение с точки зрения контроля за

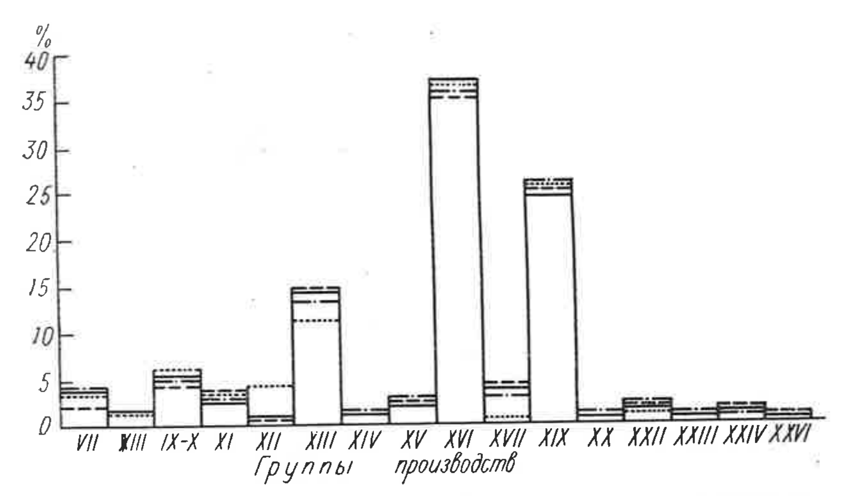

Рис. 1. Гистограмма распределения рабочих Ярославской губернии по группам производств

———10%-ная выборка профессиональной переписи; —·—·—·—5%-ная выборка профессиональной переписи; — — — —1%-ная выборка профессиональной переписи; ....промышленная перепись 1918 г. Группы производств: VII — обработка камней, земель и глин; VIII — горная и горнозаводская промышленность; IX—X — металлообработка и машиностроение; XI — деревообработка; XII — химическая промышленность; XIII — пищевая промышленность; XIV — обработка продуктов животного происхождения; XV — обработка кожи; XVI — обработка хлопка; XVII — обработка шерсти; XIX — обработка льна; XX — обработка пеньки; XXII — одежда и туалет; XXIII — обработка бумаги; XXIV — полиграфия; XXVI — передача физических сил и водоснабжение

выборочной методикой, поскольку распределение по группам производств содержится также в опубликованных данных промышленной переписи 1918 г. Это дает возможность оценить степень соответствия материалов двух переписей.

Визуальное сопоставление гистограмм распределений признаков в различных выборках несомненно свидетельствует о том, что все выборки принадлежат одной совокупности. Визуально сопоставлялись гистограммы распределений и других качественных признаков для тех же выборок, и в каждом случае характер расположения столбцов был приблизительно одинаков. Лишь изред-

ка наблюдались расхождения с опубликованными данными, что иногда следует отнести не за счет ошибок выборочного метода, а в большей мере — за счет ошибок регистрации[10]. Визуальный способ, к сожалению, не дает возможность измерить, насколько допустимы отклонения значений признаков в отдельных выборках от их истинных значений, а значит, насколько представительны их показатели.

Для оценки ошибок выборки и построения на их основе доверительных интервалов для истинных значений признаков существуют несложные формулы математической статистики[11]. Доверительные интервалы строятся из расчета: значение признака в выборке ± предельная ошибка оценки. При этом устанавливается уровень вероятности, с которой можно судить о точности выборочных параметров. Для данного исследования в целом был задан довольно высокий уровень вероятности, равный 0,95 (95%). Это означает, что вероятность выпадения истинного значения признака из заданных пределов (доверительного интервала) составляет всего 5%[12].

Доверительные интервалы, вычисленные по данным табл. 1 (см.) для процентных долей рабочих различных групп производств Ярославской губернии и приведенные в той же таблице, взаимно пересекаются, т. е. значения интервала одной выборки включают значения интервалов других выборок. Иногда доверительные интервалы меньшей выборки включают целиком доверительные интервалы более точной большей выборки.

Пересечение доверительных интервалов уже точно доказывает, что выборки принадлежат одной совокупности.

Приводимые в той же таблице данные промышленной переписи 1918 г. иногда несколько отличаются от выборочных показа-

---

[10] Они обусловлены неправильным установлением фактов в анкетах профессиональной переписи и были возможны и при первой обработке переписи. На ряд таких ошибок указано ниже.

[11] Способ расчета доверительных интервалов довольно часто используется в статистической практике и большей частью без анализа типа распределения. См.: Ф. Иейтс. Выборочный метод в переписях и обследованиях. М., 1965. Недостатки этого метода заключаются в приблизительности, отсутствии универсальности, необходимости рассчитывать ошибку выборки для каждого показателя.

[12] Оценка ошибок выборки для доли признака производится по формуле

$$\Delta = 1{,}96\sqrt{\frac{p'(1-p')}{n}},$$

где Δ — предельная ошибка оценки; 1,96 — значение распределения Стьюдента $(\tau_{\alpha}f)$ для больших выборок и степени достоверности в 95%; p' — изучаемая выборочная доля; n — количество единиц в выборке. Формула доверительного интервала исходя из этого:

$$p' - 1{,}96\sqrt{\frac{p'(1-p')}{n}} < p < p' + 1{,}96\sqrt{\frac{p'(1-p')}{n}}.$$

Таблица 1

Расчет доверительных интервалов для выборочных распределений по группам производств (уровень вероятности = 95%)

Губернии	Источник сведений			Группы производств*																Итого
				VII	VIII	IX—X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XIX	XX	XXII	XXIII	XXIV	XXVI	
Ярославская	Опубликованные данные промышленной переписи 1918 г.			3,2	1,3	6,8	3,3	4,2	11,8	0,2	2,2	36,9	0,5	25,8	1,2	1,0	0,3	0,9	0,4	100
	Профессиональная перепись 1918 г.	10%-ная выборка	1. Верхний предел доверительного интервала	4,5	2,5	5,7	2,7	1,8	14,7	1,2	2,2	38,6	4,1	24,9	1,0	2,3	0,6	1,5	0,5	
			2. Полученное значение	3,9	2,1	5,3	2,5	1,4	13,6	0,9	1,8	37,1	3,5	23,6	0,7	1,8	0,4	1,2	0,2	100
			3. Нижний предел доверительного интервала	3,3	1,7	4,9	1,7	1,0	12,5	0,0	1,4	35,6	2,9	22,3	0,4	1,3	0,2	0,7	0,0	
		5%-ная выборка	1. Верхний предел доверительного интервала	5,0	3,1	6,2	3,7	2,0	14,6	2,0	3,3	37,6	3,6	28,4	1,4	3,0	1,0	1,4	0,9	
			2. Полученное значение	3,8	2,3	5,0	2,7	1,3	12,7	1,4	2,4	35,2	2,7	26,0	0,9	2,1	0,6	0,8	0,1	100
			3. Нижний предел доверительного интервала	3,0	1,5	3,8	1,9	0,8	11,2	0,8	1,7	33,2	1,8	23,6	0,4	1,4	0,2	0,4	0,0	
		1%-ная выборка	1. Верхний предел доверительного интервала	3,4	2,4	6,1	5,8	2,4	18,3	2,0	3,3	39,4	6,1	29,7	2,0	3,4	1,3	2,4	1,3	
			2. Полученное значение	2,0	1,5	4,1	3,8	1,2	14,8	1,0	2,3	34,5	4,1	25,4	1,0	2,1	0,5	1,2	0,5	100
			3. Нижний предел доверительного интервала	0,5	0,3	2,1	1,8	0,0	11,2	0,0	1,7	29,4	2,1	20,9	0,9	0,6	0,0	0,2	0,0	
Воронежская	Опубликованные данные промышленной переписи 1918 г.			0,8	—	20,7	0,4	—	62,1	0,8	—	1,2	—	—	—	0,8	—	9,8	3,4	100
	Данные 10%-ной выборочной обработки профессиональной переписи 1918 г.			0,8	—	18,8	0,2	—	63,1	0,4	1,5	1,2	—	—	—	0,6	—	8,8	4,6	100

* Обозначения групп производств те же, что и на рис. 1.

телей. Поэтому при использовании данных промышленной переписи в качестве вспомогательной информации для выборочной обработки переписи необходимо учитывать возможность частичных отклонений[13].

Следует отметить, что для определения принадлежности выборок к одной совокупности визуальный способ является предпочтительным. Если характер расположения столбцов в различных выборках одинаков, то расхождения в отдельных показателях играют второстепенную роль. Так, расхождения между данными промышленной и профессиональной переписей иногда бывают значительными, но принадлежность их данных к одной совокупности по характеру расположения столбцов (см. рис. 1) не вызывает сомнений.

В то же время для расчета необходимых выборочных объемов нужны количественные показатели, поэтому производится вычисление доверительных интервалов. Сочетание визуального способа с расчетом доверительных интервалов помогает в определении предположительного способа обработки материалов переписи.

При построении доверительных интервалов для долей признака следует обратить внимание на особенности распределения ошибок в различных выборках. Так, ошибки 10%-ной выборки Ярославской губернии объемом в 3300 ед. оцениваются в максимум ±1,5%; ошибки 5%-ной выборки объемом в 1600 ед. — в ±2,5%; ошибки 1%-ной выборки объемом в 380 ед. в ±5%. Ошибки 10%-ной выборки Воронежской губернии также оцениваются в ±5%. На практике ошибки несколько меньше, так как расчет производился по формулам случайной выборки, завышающим ошибки механического отбора[14]. Нужно указать, что ошибки выборки будут предельными для долей признака, близких к 50%. Для малых и больших значений признака — ошибки значительно меньше. Но это не означает, что они охарактеризованы более точно, так как ошибки даже меньшего порядка могут быть критическими для этих долей в выборках меньшего объема.

В распределении рабочих по группам производств 10%-ной и 5%-ной выборки Ярославской губернии обеспечивают представительность основных групп в объемах больших выборок. При

[13] В отношении данных по Ярославской губернии, приводимых в табл. 1, причина отклонений обнаруживается большей частью довольно легко. Так, расхождение в оценке числа рабочих в группе XII (химическая промышленность) объясняется тем, что профессиональная перепись, проведенная несколько позже промышленной, в отличие от последней не зафиксировала рабочих на большинстве лакокрасочных заводов, свернувших производство осенью 1918 г. В XVII группе (шерстяная промышленность) в момент проведения профессиональной переписи работала вигонепрядильная фабрика Ярославского ГСНХ (бывш. т-ва Волжской прядильной мануфактуры), имевшая свыше 1000 рабочих (по оценке промышленной переписи работало всего 183 рабочих). В группе XXII (одежда и туалет) к моменту профессиональной переписи действовала крупная сапожная артель, созданная для борьбы с безработицей.

[14] См. Ф. Г. Долгушевский, В. С. Козлов, П. И. Полушин, Я. М. Эрлих. Ук. соч., стр. 218.

1%-ной выборке такая представительность сохраняется для текстильной, пищевой, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Если учитывать, что на социальные различия рабочих данной губернии оказывает влияние принадлежность их именно к данным отраслям, то для анализа совокупности можно ограничиться меньшей выборкой.

Как правило, при исследовании статистической закономерности пренебрегают анализом мелких и нечетко выраженных подразделений. Но иногда может представить интерес выборочный анализ рабочих некоторых групп производств, например полиграфической промышленности, относящейся к мелким подразделениям совокупности. Тогда выборки в 1% будет недостаточно, и лучше всего целям исследования соответствует 5%-ная выборка, учитывая, что 10%-ная выборка имеет сравнительно мало отличающиеся оценки ошибок, но значительно больше по объему.

В Воронежской губернии основных групп производств гораздо меньше: пищевая промышленность, металлообработка и машиностроение, полиграфия. Поэтому выборка меньшего размера обеспечивает их достаточную представительность. Ряд групп производств, имеющих незначительную долю в выборке, можно не принимать во внимание, поскольку они для промышленности данного района нехарактерны.

В целом распределение по группам производств зависит от уровня промышленного развития губерний. Поэтому для анализа материалов промышленно развитых губерний с многоотраслевой экономикой требуется больший объем выборки.

В табл. 2 приводятся распределения по профессиональным группам в различных выборках экспериментального исследования. Распределение по профессиональным группам по своим даже количественным значениям в ряде случаев близко к отраслевому распределению. Ясно, что оценка ошибок репрезентативности и доверительные интервалы для значений данного признака не будут сильно отличаться от оценок предыдущей таблицы.

Подводя итог анализа распределений значений качественных признаков, хотелось бы обратить внимание на такой признак, как распределение рабочих по типам предприятий в зависимости от их размера. В данном случае мы имеем возможность сопоставить наши показатели с данными промышленной переписи. Но в первом случае этот признак выступает как качественный, а в другом как количественный (в первом случае отдельный рабочий характеризуется по принадлежности к типу предприятия, во втором изучается само предприятие). Расхождения в способе обработки, в оценке числа рабочих в промышленной и профессиональной переписях приводят здесь к смещению всех показателей в целом. Поэтому и наблюдается расхождение в численных значениях (табл. 3). Только визуальное сопоставление гистограмм распределений позволяет убедиться в принадлежности выборок одной совокупности (см. рис. 2).

Таблица 2

Выборочные распределения по профессиональным группам (в % от общего числа рабочих)

Профессиональные группы	Ярославская губ.			Воронежская губ.
	выборки			
	10%-ная	5%-ная	1%-ная	10%-ная
Металлисты	6,8	6,7	5,4	18,7
Деревообделочники	2,4	2,6	2,3	3,5
Писчебумажники	0,2	0,2	0,2	—
Печатники	1,2	1,0	1,2	6,1
Текстильщики	54,5	55,0	53,1	—
Швейники	0,6	0,6	1,2	—
Кожевники	3,0	3,6	3,3	1,8
Пищевики	1,9	1,6	1,8	7,9
Табачники	2,1	2,2	3,3	1,0
Химики	0,5	0,6	1,0	—
Стеклофарфорщики	1,7	3,7	2,0	—
Строители	2,5	2,1	1,6	1,6
Местнотранспортники	1,3	1,2	1,5	1,6
Рабочие силовых установок	4,8	4,4	4,1	7,1
Разные рабочие	13,4	13,2	15,8	45,4
Прочие	3,1	1,3	1,5	5,3
Итого	100	100	100	100

Таблица 3

Данные промышленной переписи и выборочные распределения рабочих по предприятиям (в % от общего числа рабочих)

Размер предприятий по числу рабочих	Ярославская губерния				Воронежская губерния	
	профессиональная перепись			промышленная перепись	профессиональная перепись 10%-ная	промышленная перепись
	10%-ная	5%-ная	1%-ная			
До 30	2,2	3,2	3,2	2,7	4,8	7,4
31—100	8,3	10,1	7,5	5,6	9,1	19,9
101—500	15,3	15,0	12,5	13,2	32,8	33,6
501—1000	11,2	7,3	9,9	10,5	20,6	11,8
1001—2500	12,9	17,0	18,2	14,7	32,7	27,3
2501—5000	22,4	22,1	19,0	19,6	—	—
Свыше 5000	27,5	25,3	29,7	33,7	—	—
Итого	100	100	100	100	100	100

Определить объем представительной выборки для изучения всех качественных признаков при заданном уровне вероятности

довольно просто: необходимо только предусмотреть размер допустимой ошибки. Будем считать, что предельная ошибка ±3% обеспечивает достаточную точность оценки основных подразделений признака.

Чтобы обеспечить такую точность, необходима выборка примерно в 1000 единиц[15], но, допуская несколько большую предельную ошибку репрезентативности, можно удовлетвориться выборкой меньшего размера.

Правда такой расчет не годится, если доля признака в совокупности чрезвычайно мала. Среди подобных признаков есть и такие, которые представляют значительный интерес для исследователя — связь с землей и общественная активность. Представительность групп рабочих, имеющих и не имеющих связи с землей, для всех выборок не вызывает сомнений. Однако группа рабочих, уходящих на полевые работы, мало представительна в 1%-ной выборке Ярославской губернии и 10%-ной выборке Воронежской губернии. Примерно так же обстоит дело с анализом группы рабочих, занятых в сфере общественного управления. Поэтому для анализа некоторых групп в среде рабочего класса требуется увеличение объема выборки.

Ряд признаков в исследовании характеризуется количественной мерой. Оценка ошибок

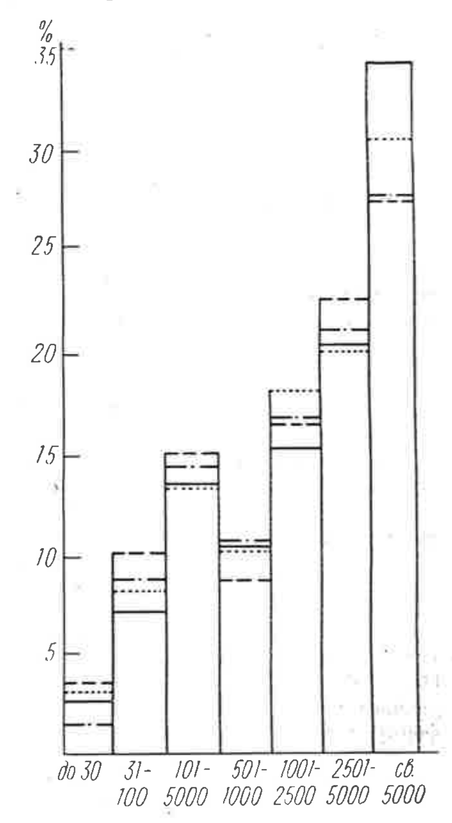

Рис. 2. Гистограмма распределения рабочих Ярославской губернии по размерам предприятий: ———— промышленная перепись 1918 г. (опубликованные данные); —·—·—·— 10%-ная выборка профессиональной переписи; — — — 5%-ная выборка; ………… 1%-ная выборка

[15] Формула необходимого объема выборки для доли признака:

$$n = \frac{1,96^2}{4\Delta^2} = 1000 \text{ ед.},$$

где 1,96 — значение распределения Стьюдента ($\tau_\alpha f$) для больших выборок и вероятности 95%, Δ — заданная ошибка выборки $= \pm 3\%$. Введение в формулу определения необходимого объема выборки экспериментальной доли отбора изменения не вносит. В формуле

репрезентативности и построение доверительных интервалов в этом случае связаны с оценкой средних величин и количественной мерой данного признака. Однако в отличие от качественных признаков, где каждый раз приходится иметь дело с отдельными значениями признака, количественный признак имеет обобщающие характеристики всего вариационного ряда. На них и основаны формулы оценки ошибок и построения доверительных интервалов изучаемой количественной переменной [16].

Среди количественных признаков важную роль в оценке социальной дифференциации рабочего класса играет стаж работы в той или иной профессии. Проблема репрезентативности рассматривается здесь также эмпирически — через анализ распределений признаков в выборках различных объемов. Ниже приводятся распределения по стажу (см. табл. 4).

$$n = \frac{1{,}96\, p'(1-p')}{\Delta^2}$$

для долей признака, близких к $^1/_2$ (50%) и заданном уровне точности, объем выборки составит $\approx$ 1000 ед.

[16] Оценка ошибок выборки количественных признаков для больших выборок производится по формуле

$$\Delta = 1{,}96 \frac{\sigma}{\sqrt{n}},$$

где Δ — предельная ошибка оценки, 1,96 — значение распределения Стьюдента ($\tau_{\alpha} f$) для больших выборок, σ — среднее квадратическое отклонение значений данного количественного признака, n — количество единиц в выборке; отсюда формула доверительного интервала

$$\bar{x} - 1{,}96 \frac{\sigma}{\sqrt{n}} < \mu < \bar{x} + 1{,}96 \frac{\sigma}{\sqrt{n}},$$

где μ — математическое ожидание средней арифметической в генеральной совокупности. Применение этих формул каждый раз связано с установлением характера распределения данного количественного признака в выборке, так как формулы математической статистики применяются в случае нормального распределения или достаточно приближенного к нему. Если распределение отличается от нормального, то формулы оценки ошибок репрезентативности могут не дать удовлетворительного результата.

Среднее квадратическое отклонение вычисляется по формуле

$$\sigma = \sqrt{\frac{(x_i - \bar{x})^2 m_i}{\sum_{i=1}^{n} m_i}},$$

где x_i — значение признака в выборке, m_i — вес данного значения в выборке (может быть представлен процентной долей), $\sum_{i=1}^{n}$ — знак суммирования всех величин выборки, $\bar{x}$ — средняя арифметическая.

Таблица 4

Выборочные распределения по стажу (в % от общего числа рабочих)

Стаж в годах	Ярославская губерния			Воронежская губерния
	выборки			10%-ная выборка
	10%-ная	5%-ная	1%-ная	
До 1	17,2	13,9	14,9	41,9
1—2	11,5	11,2	11,2	8,2
2—4	13,5	14,8	13,4	9,5
4—10	21,2	22,9	21,6	15,9
10—15	10,8	10,9	12,0	6,0
15—30	12,9	14,3	15,6	10,3
Свыше 30	7,2	7,8	7,0	4,9
Стаж не указан	5,7	4,2	4,3	3,3
Итого . . .	100	100	100	100

Группы по продолжительности стажа в годах, приведенные в табл. 4, даны с неравными интервалами. Выбор интервалов обусловлен задачами характеристики определенных слоев рабочего класса [17]. Средний стаж в трех выборках Ярославской губернии приблизительно одинаков (соответственно 10,2; 10,7; 10,0 лет).

С практически полной достоверностью можно утверждать, что средний стаж для рабочих Ярославской губернии равен приблизительно 10 годам [18]. В данном случае построение доверительных интервалов для обнаружения сходства выборок не нужно, так как выборочные средние дают фактически несмещенную оценку, т. е. принадлежность выборок к одной совокупности не вызывает сомнений.

Какой же объем выборки является наиболее подходящим с точки зрения представительности? Максимальная ошибка 1%-ной выборки Ярославской губернии для стажа ±1,1 года (10% ±0,4 года; 5% ±0,5 года). Выборка Воронежской губернии дает ошибку для среднего стажа ±0,9 года. Ошибки могут быть критическими только для рабочих с очень небольшим стажем, а в целом 1%-ная выборка по Ярославской губернии и 10%-ная выборка по Воронежской губернии удовлетворяют характеристике рабочих по стажу.

---

[17] Рабочие со стажем менее одного года поступили на производство после Октября; со стажем 1—2 года — в основном в период Февральской революции и после; 2—4 года — в первые два года мировой войны, 4—10 лет — в годы предвоенного промышленного подъема; 10—15 лет — приблизительно в период первой буржуазно-демократической революции и т. д.

[18] Несколько выборок из одной совокупности значительно повышают уровень доверия к выборочным показателям. Если в случае одной выборки вероятность отклонения от истинного значения равна 5%, то в случае трех выборок она составит уже 0,01%.

Следует обратить внимание на такой количественный признак, как возраст, который имеет большое значение для характеристики социальных групп. В табл. 5 даны выборочные распределения по возрасту и распределения по возрасту по опубликованным данным профессиональной переписи.

Таблица 5

Опубликованные данные и выборочные распределения по возрасту профессиональной переписи 1918 г. (в % от общего числа рабочих)

Возрастные группы	Выборочные распределения				Возрастные группы	Опубликованные данные	
	Ярославская губерния			Воронежская губерния		Ярославская губерния	Воронежская губерния
	10%-ная	5%-ная	1%-ная	10%-ная			
До 15 лет	3,8	4,2	3,9	5,5	До 15 лет	1,8	2,6
16—20 »	18,7	17,8	19,7	27,7	15—19 »	18,0	26,6
21—25 »	11,7	12,3	11,4	10,1	20—24 »	11,7	12,5
26—30 »	13,3	11,3	12,3	14,4	25—29 »	11,2	12,1
31—35 »	10,3	10,1	9,8	8,0	30—34 »	10,4	10,1
36—40 »	10,4	9,8	10,1	9,7	35—39 »	10,0	9,1
41—45 »	9,7	10,0	10,9	7,4	40—44 »	9,0	8,7
46—50 »	7,2	7,5	6,7	6,3	45—49 »	8,0	7,0
51—55 »	4,8	4,7	6,5	2,7	50—54 »	5,3	5,1
56—60 »	4,7	3,3	2,3	4,2	55—59 »	4,0	3,3
Свыше 60 »	3,1	2,6	1,2	1,4	60 и выше	3,2	2,9
Не установл.	2,3	6,4	5,2	2,6	не установл.	7,4	—
Итого	100	100	100	100		100	100

Сопоставление выборочных показателей с опубликованными данными возможно только с помощью средних, так как в выборках взяты несколько иные интервалы возрастных групп. Выборочные средние по данному признаку практически равны генеральной средней по Ярославской губернии и достаточно близки к данным по Воронежской губернии [19].

Таким образом, оценке представительности тех количественных признаков, анализ которых необходим в ходе исследования, в основном удовлетворяют все выборки экспериментального исследования.

Подводя итог рассмотрению вопроса о репрезентативности выборок экспериментального исследования, можно отметить, что на оценку тех или иных признаков в выборке в большей степени, чем объем исходной совокупности, влияют природа и характер изуча-

[19] Средний возраст рабочих в Ярославской губернии согласно публикации —32,7 года. Выборки соответственно дают показатели: 10%—32,7 года, 5%—32,7 года, 1%—32,1 года. Средний возраст рабочих Воронежской губернии по опубликованным данным 30,7 года, в выборке 29,7 года.

емых вопросов. При определении объема выборки необходимо учитывать это обстоятельство. Для характеристики рабочего класса Ярославской губернии из имеющихся выборок с точки зрения эффективности выборочной обработки наиболее подходит 5%-ная выборка в 1600 единиц.

Для анализа рабочего класса слабо развитых в промышленном отношении губерний вполне можно удовлетвориться меньшей выборкой. Чрезмерное сокращение объема выборки нецелесообразно, так как слишком большими становятся ошибки оценки. Кроме того, снижение доли механического отбора менее 1/100 ведет к чрезмерному разбросу значений признаков. Не следует также сбрасывать со счета объем исходной совокупности, поэтому для губерний со значительным числом рабочих требуется несколько больший объем выборки.

Результаты проведенного выборочного эксперимента дают основание сделать следующие выводы. Для того чтобы обеспечить достаточную представительность выборочных данных по ряду показателей, характеризующих социальные отношения внутри рабочего класса (отношение к собственности, стаж, профессиональная, отраслевая, производственная структура, семейное положение, тип местожительства и др.), для отдельных губерний можно ограничиться выборкой в 400—500 ед. Соответственно должна устанавливаться пропорция (доля) механического отбора. Такая выборка лучше всего подходит для губерний со слабым развитием промышленности и преобладанием в ее структуре нескольких отраслей. Достаточную представительность для промышленно развитых губерний обеспечивает выборка в 4—5% от общего числа рабочих, хотя для губерний, характеризующихся развитием одной-двух отраслей, можно удовлетвориться и меньшей выборкой в объеме примерно 1000 ед. Для губерний и центров промышленно развитых с многоотраслевой экономикой пропорция в 5% от общего объема должна быть сохранена.

Анализ результатов эксперимента является чрезвычайно важным не только для определения методики выборочной обработки переписи. На примере двух губерний можно проанализировать роль различных факторов в социальных отношениях, выяснить характер их взаимодействия, сопоставить изменение системы взаимосвязей в зависимости от модификации различных общественных условий. Это достигается за счет анализа и сравнения матриц взаимосвязей признаков.

Мы уже говорили о том, что количество признаков, которые можно извлечь из программы профессиональной переписи, очень велико. Введение в программу машинной обработки всех возможных переменных чрезвычайно затруднило бы нашу работу над переписью. К тому же такая постановка задачи вообще формальна. Изучение программы переписи показывает, что в системе факторов внутриклассовой дифференциации многие признаки находятся в очень опосредованной зависимости.

Как правило, о роли некоторых признаков в системе можно судить уже при изучении конкретно-исторической обстановки. Постановка несложной задачи в ходе машинной обработки на получение безусловных распределений значений всех признаков очень помогает в оценке роли того или иного фактора. Например, влияние некоторых признаков оказалось возможным определить совершенно однозначно. Так, в рассматриваемое время охват рабочих профсоюзами и кооперативными организациями был массовым. Этот признак в одинаковой степени характеризовал различные отряды рабочего класса. Задача состоит в том, чтобы найти среди признаков такие, которые содержали бы наиболее концентрированную информацию об отдельных отрядах рабочего класса, их социальном облике.

Предварительный анализ полученных условных распределений, использование информационного коэффициента, характеризующего силу связи различных признаков, позволило нам выделить следующие ведущие признаки: 1. Отрасль (группа производств); 2. Тип предприятия; 3. Профессия; 4. Заработная плата; 5. Стаж; 6. Потомственность; 7. Возраст прихода в промышленность; 8. Прежнее занятие; 9. Связь с землей; 10. Связь с землей до революции; 11. Местожительство семьи; 12. Местонахождение дома; 13. Участие в полевых работах; 14. Сезонность труда; 15. Пол; 16. Возраст; 17. Образование; 18. Национальность; 19. Место рождения; 20. Семейное положение; 21. Жилищные условия; 22. Общественная работа; 23. Тип поселения.

Нужно обратить внимание на нумерацию признаков, так как она используется в нижеприведенных матрицах (табл. 6 и табл. 7), где даны результаты вычисления коэффициентов I по двум экспериментальным массивам. Значение каждого коэффициента показывает зависимость между парой признаков. Например, нам нужно определить зависимость между уровнем профессиональной подготовки и размером заработной платы рабочих. Значение коэффициента, находящегося на пересечении 3-й горизонтальной и 4-й вертикальной строк, равное 0,280 в первой матрице и 0,204 во второй [20], и будет показателем степени зависимости между указанными признаками. Как видим, зависимость довольно сильная, что означает, что величина заработка весьма существенно зависит от профессиональной подготовки.

Зависимости между парами признаков составляют основу всякого более углубленного статистического анализа. Любая конкретная задача, в решении которой используются математические методы, обладает рядом специфических черт, которые не могут быть формализованы. Чем существеннее эта неформализованная часть задачи, тем внимательнее и осторожнее должна быть интерпрета-

[20] В матрицах в целях экономии места значения коэффициентов приведены без десятичной запятой.

Таблица 6

Матрица коэффициентов I по массиву Ярославской губернии

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
1	+	401	404	283	148	048	161	053	064	058	064	062	007	018	029	062	091	051	162	120	089	015	202
2	401	+	247	189	092	038	143	038	038	047	038	031	004	011	020	034	069	044	109	094	044	010	156
3	404	247	+	280	197	063	213	076	070	071	070	052	007	021	071	105	136	065	153	159	080	020	040
4	283	189	280	+	187	054	198	070	068	088	068	014	010	022	051	138	122	061	142	115	072	018	067
5	148	092	197	187	+	056	183	076	059	048	059	043	008	019	027	157	110	054	120	090	036	016	019
6	048	038	063	054	056	+	051	022	007	016	021	014	006	018	005	022	041	019	035	018	016	006	006
7	161	143	213	198	183	051	+	061	058	045	059	039	006	018	026	155	103	055	127	162	037	016	036
8	053	038	076	070	076	022	061	+	006	018	022	009	007	021	011	027	041	022	039	022	020	005	011
9	064	038	070	068	059	007	058	006	+	291	020	064	003	017	008	015	036	003	043	050	021	008	027
10	058	047	071	088	048	016	045	018	291	+	010	061	005	045	013	043	054	009	039	084	025	003	032
11	064	038	070	068	059	021	059	022	020	010	+	018	009	022	008	015	036	021	043	125	004	003	026
12	062	031	052	074	043	014	039	009	064	061	018	+	007	019	005	027	050	017	055	058	131	008	129
13	007	004	007	010	008	006	006	007	003	005	009	007	+	033	020	029	011	028	028	064	015	008	025
14	018	011	021	022	019	018	018	021	017	045	022	019	033	+	003	005	014	022	044	056	023	010	029
15	029	020	071	051	027	005	026	011	008	013	008	005	020	003	+	014	044	015	034	042	012	015	007
16	062	034	105	138	157	022	155	027	015	043	015	027	029	005	014	+	108	022	111	096	048	006	012
17	091	069	136	122	110	041	103	041	036	054	036	050	011	014	044	108	+	053	169	039	046	024	094
18	051	044	065	061	054	019	055	022	003	009	021	017	028	022	015	022	053	+	188	054	013	009	033
19	162	109	153	142	120	035	127	039	043	039	043	055	028	044	034	111	169	188	+	035	064	009	052
20	120	097	159	115	090	018	162	022	050	084	125	058	064	056	042	096	039	054	035	+	047	018	031
21	089	044	080	072	036	016	037	020	021	025	004	131	015	023	012	048	046	013	064	047	+	008	023
22	015	010	020	018	016	006	016	005	008	003	003	008	008	010	015	006	024	009	009	018	008	+	002
23	202	156	040	067	019	006	036	011	027	032	026	129	025	029	007	012	094	033	052	031	023	002	+

Таблица 7

Матрица коэффициентов I по массиву Воронежской губернии

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
1	+	174	233	150	115	044	089	104	092	067	061	044	003	123	020	072	046	094	138	062	081	038	219
2	174	+	116	143	063	040	061	078	056	038	047	021	008	101	009	032	032	078	056	039	029	044	089
3	233	116	+	204	107	051	108	144	078	066	056	045	016	124	060	098	076	080	113	078	059	045	102
4	150	143	204	+	113	052	144	177	097	070	046	060	013	113	041	109	068	086	123	115	066	035	053
5	115	063	107	113	+	030	080	081	041	030	036	019	009	058	018	176	031	062	076	071	043	029	044
6	044	040	051	052	030	+	035	046	007	009	038	007	002	062	005	021	015	036	010	025	009	036	004
7	089	061	108	144	080	035	+	087	047	040	049	042	004	070	001	173	060	061	078	093	059	028	041
8	104	078	144	177	081	046	087	+	089	060	048	038	001	135	006	045	029	055	060	062	040	041	004
9	092	056	078	097	041	007	047	089	+	183	023	072	007	119	004	042	028	022	075	048	080	008	086
10	067	038	066	070	030	009	040	060	183	+	021	065	007	076	005	037	020	014	039	047	031	009	044
11	061	047	056	046	036	038	049	048	023	021	+	015	002	039	009	023	011	048	024	123	043	042	009
12	044	021	045	060	019	007	042	038	072	065	015	+	006	049	007	028	009	017	041	053	124	003	044
13	003	008	016	013	009	002	004	001	007	007	002	006	+	004	001	010	003	001	002	009	006	000	003
14	123	101	124	113	058	062	070	135	119	076	039	049	004	+	010	040	029	052	071	036	047	031	129
15	020	009	060	049	018	005	001	006	004	005	009	007	001	010	+	027	020	007	008	016	011	002	010
16	072	032	098	109	176	021	173	045	042	037	023	028	010	040	027	+	056	047	082	139	046	008	016
17	046	032	076	068	031	015	060	029	028	020	011	009	003	029	020	056	+	029	062	030	018	005	014
18	094	078	080	086	062	036	061	055	022	014	048	017	001	052	007	047	029	+	131	038	040	040	075
19	138	056	113	123	076	010	078	060	075	039	024	041	002	071	008	082	062	131	+	052	083	003	075
20	062	039	078	115	071	025	093	062	048	047	123	053	009	036	016	139	030	038	052	+	067	030	023
21	081	029	059	066	043	009	059	040	080	031	043	124	006	047	011	046	018	040	083	067	+	002	053
22	038	044	045	035	029	036	028	041	008	009	042	003	000	031	002	008	005	040	003	030	002	+	003
23	219	089	102	053	044	004	041	004	086	044	009	044	003	129	010	016	014	075	075	023	053	003	+

ция результатов, достигнутых с помощью математических методов. Историкам чаще других исследователей приходится встречаться с кругом задач, не поддающихся формализации, однако в данном исследовании применяемые методы количественного анализа полностью оправданы и спецификой и состоянием источника.

Для изучения взаимосвязей признаков приведенные матрицы дают лишь исходные данные. Содержание взаимосвязей можно проанализировать только на уровне таблиц, т. е. на уровне условных распределений. Полученные в процессе обработки матрицы показывают нам пути дальнейшего анализа материалов переписи.

В процессе исследования важнее всего выделить группы взаимосвязанных признаков, определить факторные зависимости. Для этого необходимо принять за основу некоторый объективный уровень значимости коэффициентов I. Уровень значимости I задается исследователем и применяется затем, чтобы исключить из рассмотрения слабые связи. Следует помнить, что значение коэффициента играет роль только по отношению к структуре взаимосвязей всех признаков. Связь между признаками, незначимая по отношению ко всей структуре, может оказаться существенной в группе взаимосвязанных признаков и только через нее можно сформулировать понятие на уровне фактора. Некоторые признаки, важные для определения социального статуса рабочих, такие, как занятость в общественных организациях, участие в полевых работах и некоторые другие, распространяются на весьма незначительную часть совокупности, поэтому их связи мало значимы по отношению ко всей структуре. Для того чтобы проследить их зависимости, необходимо существенно снизить уровень I. Анализ структуры взаимосвязей происходит следующим образом. Первоначально выбираем наиболее значимую связь, обозначенную коэффициентом взаимной информации I, причем необходимо выделить среди формальных группировок такой вариант, который бы действительно выражал внутреннюю структуру отношений в исследуемых совокупностях. Сначала проведем группировку на уровнях, весьма близких к максимальной связи (на первой матрице $I = 0{,}30$ и выше, на второй — 0,15 и выше) и результаты представим в графической форме. На рис. 3 и на рис. 4 эти связи выделены двойными линиями. Мы видим, что к максимальной связи постепенно присоединяются новые, которые образуют группы взаимосвязанных признаков. Понижая уровень I, мы вовлекаем в группирование все большее число связей, которые все меньше распадаются на группы. Цель такого построения — установить наличие или отсутствие факторных соотношений между признаками. Для этой цели наиболее подходящим является уровень $I = 0{,}12$ для массива Ярославской губернии и $I = 0{,}1$ для Воронежской, хотя, как уже говорилось, для определения взаимосвязей некоторых признаков требуется несколько более низкий уровень I. Как видим, связи признаков в последней губернии проявляются на уровне факторной за-

висимости более быстро, а это указывает на более высокую неоднородность совокупности с точки зрения анализа ее структуры.

И в том и в другом случае основная группа взаимосвязанных признаков характеризует положение рабочих на производстве. В зависимости от характера производства находилась профессио-

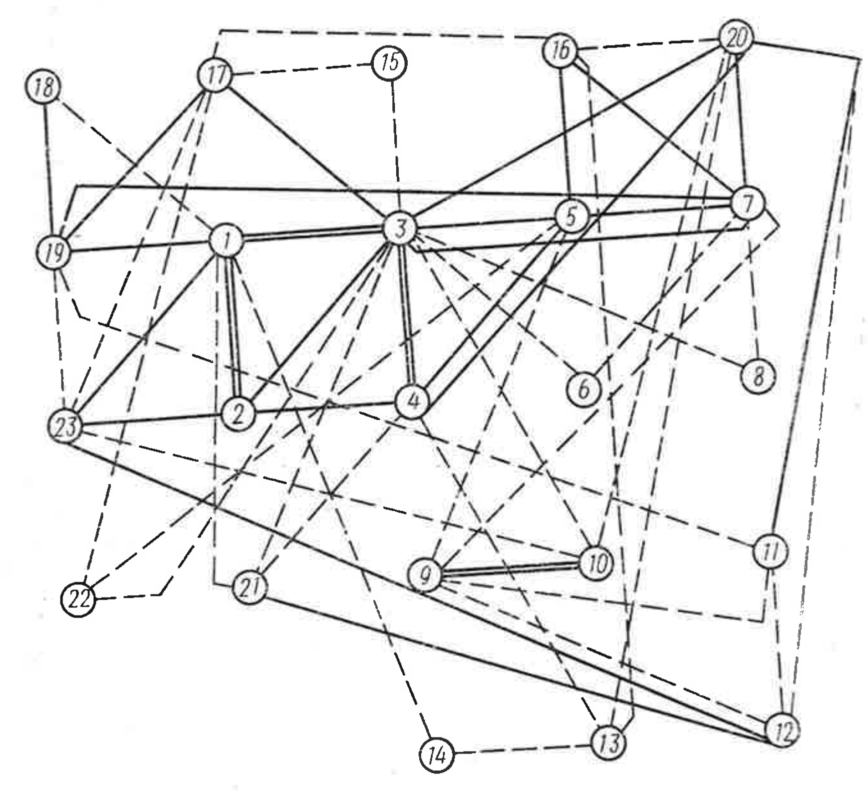

Рис. 3. Схема взаимосвязей основных признаков, характеризующих рабочих Ярославской губернии

нально-квалификационная структура занятых, от которой в свою очередь зависел уровень их заработной платы. Сезонность производства, бывшая спецификой лишь определенных отраслей, по этой причине находилась в зависимости от характера производства. Все эти взаимосвязи формируют понятие на уровне фактора, который в совокупности признаков можно свести к характеру труда. С одной стороны здесь присутствуют признаки, характеризующие само производство и имеющие четко выраженный экономический аспект, а с другой — признаки, характеризующие участие рабочих в этом производстве и имеющие более яркую социальную окраску. Поэтому связи последних признаков более

тесны и более конкретны по отношению к индивидуальным показателям обследованных (полу, возрасту, образованию, стажу и др.).

Мы вовсе не склонны каждую зависимость между признаками считать факторной. Однако в указанном случае образуются зависимости, отражающие целостность понятий, единство, близость и пересекаемость явлений. Многие зависимости, находящиеся на уров-

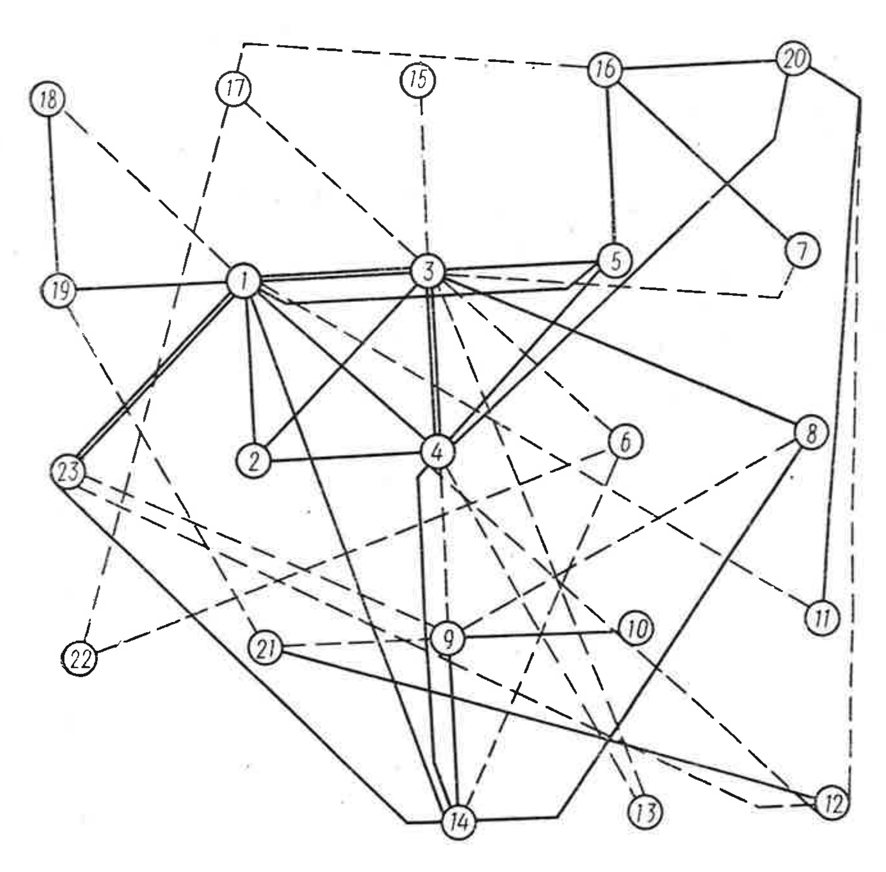

Рис. 4. Схема взаимосвязей основных признаков, характеризующих рабочих Воронежской губернии

не функциональных, не отражают факторных отношений, так как по существу находятся на одном уровне. Совершенно естественно, например, что высокая теснота связи между отношением к земле до революции и в момент переписи представляет по существу явление одного порядка (см. рис. 3 и рис. 4), так как за короткий срок существенных изменений в отделении от земли произойти не могло.

При внимательном анализе матриц и графических изображений структуры взаимосвязей можно обнаружить, что последние не отображают многих формально значимых взаимосвязей. Например, коэффициент матрицы показывает сильную зависимость размера заработной платы от возраста рабочих. Однако это вовсе не означает, что связь здесь является демографической. Именно в силу того, что среди молодежи было больше неквалифицированных рабочих, еще не успевших приобрести необходимую профессиональную подготовку, наблюдается связь между возрастом и заработной платой. Подобных отношений, отражающих не прямые, а косвенные связи, в матрице довольно много. Такие косвенные связи мы старались элиминировать в графическом изображении. Сложнее обстоит дело в том случае, когда зависимости признаков оказываются многогранными, где трудно выделить господствующее отношение. Вообще конструирование понятий — наиболее сложная задача при анализе полученных данных. Оно требует внимательного изучения распределений и связей различных показателей. В данной главе мы остановились только на тех показателях, которые дают представление о наиболее общих закономерностях распределения и взаимосвязей в изучаемой совокупности.

В связи с проведенным анализом можно сформулировать важный в плане обработки материалов переписи вывод о том, что внутренняя структура взаимосвязей, а значит и отношения внутри рабочих двух губерний по ряду важнейших факторов социальной дифференциации будут характерны для пролетариата всей страны. В качестве основных параметров выступают следующие группы признаков: во-первых, группа признаков, касающихся различий по характеру труда, во-вторых, по продолжительности пребывания в рабочей среде, в-третьих, по социальному происхождению и отношению к деревне. На эти группы взаимосвязей накладывается социально-демографическая характеристика рабочего класса по полу, возрасту, национальности, семейному положению, месту рождения и образованию и др.

Сходство структуры взаимосвязей признаков — следствие высокой социальной однородности рабочего класса России и единообразия процессов его формирования, поэтому, как мы увидим в дальнейшем, какую бы совокупность мы ни взяли для анализа, принципиальная схема взаимосвязей будет одинаковой.

Таковы те общие закономерности, выведенные из сопоставления результатов выборочной обработки двух губерний. В большинстве случаев анализируемые связи не представляют каких-либо заново выведенных закономерностей. Но методика, примененная в данном случае, позволяет привести в систему порядок внутриклассовых отношений пролетариата, дать количественное выражение силы зависимостей.

Принципиальное сходство внутренней структуры различных отрядов рабочего класса не снимает вопроса о существенности некоторых различий. Так, при анализе рабочих Ярославской и

Воронежской губерний нельзя не обратить внимание на изменение роли некоторых факторов. В Ярославской губернии, например, принадлежность рабочих к различным по типу населенным пунктам не оказывает такого воздействия на различия пролетариата, как в Воронежской. Тип предприятия в Воронежской губернии — признак не столь дифференцирующий по сравнению с Ярославской. Бросается в глаза более значительное воздействие на внутренние различия рабочих Воронежской губернии группы показателей, характеризующих отношение рабочих к деревне, к деревенскому крестьянскому хозяйству и их связь с размещением производства и рабочего класса по типам поселений. Кроме того, в Воронежской губернии различия в социально-демографическом облике отдельных категорий рабочих более существенны, чем в Ярославской.

Отсюда следует другой важный вывод, который нам подсказывает дальнейшую методику выборочного обследования первичных материалов профессиональной переписи 1918 г.: при выборе губерний в качестве объектов исследования необходимо учитывать прежде всего уровень промышленного развития районов, концентрацию рабочего класса, особенности промышленного производства, его структуру и размещение. Они выступают как следствие особенностей хозяйственного развития районов. Разный уровень промышленного производства конкретизировался в таких формах, как наличие или отсутствие в данном районе крупных предприятий, принадлежащих к развитым в производственно-техническом отношении отраслям фабрично-заводской промышленности.

Для характеристики рабочих отдельных районов важен учет типа промышленных предприятий по концентрации производства, по их принадлежности к обрабатывающей или добывающей промышленности, их местонахождению и т. д. Очень важно иметь в виду длительность и характер хозяйственной эволюции, занятость населения в промышленности, в кустарных промыслах, в сельском хозяйстве. Любопытен, например, такой показатель занятости населения, рекомендуемый статистиками, как отношение общего числа занятых в промышленности ко всему населению. К сожалению, этот показатель нельзя исчислять по отношению к 1918 г. из-за недостатка статистических данных, но более поздние данные, относящиеся к 1923 г., выделяли Московский промышленный район (в некоторых губерниях свыше 2000 человек занятых на 10000 населения), Москву, Приуралье, Север (примерно около 1000 человек занятых), Петроград (примерно 800 человек занятых). Остальные районы характеризовались значительно меньшим числом занятых в промышленности.

Выделить губернии в качестве представительных частей совокупности мы можем на основе следующих соображений. Территория, на которой была проведена перепись 1918 г., включала в себя основные районы обрабатывающей промышленности России: Петроград, Москву и весь Промышленный центр. Вместе с

промышленно развитыми районами в перепись вошли районы со слабым развитием промышленности и рабочего класса. Достаточно сказать, что примерно $^3/_4$ от общего числа рабочих, включенных в перепись, были сосредоточены на территории Московского промышленного района и примерно $^1/_{10}$ рабочих — в Петрограде, на всю остальную территорию переписи приходилось примерно 15% рабочих. С точки зрения развития промышленности и рабочего класса некоторые экономико-географические районы не представляют существенного интереса и при выборочной обработке их можно объединить. Зато районы промышленно развитые, с высокой концентрацией рабочего класса, должны быть представлены в выборке более широко.

Вовсе не обязательно включение в выборку материалов губерний всех районов страны, ввиду однородности социально-экономических условий в промышленности для целого ряда территорий. И в то же время в выборку должны быть включены те губернии, которые представляют интерес в силу специфических особенностей промышленного и социального развития. При анализе первичных материалов переписи необходимо помнить, что в перепись не вошли основная территория Урала, Юг и Закавказье, т. е. практически все районы преимущественного развития добывающей промышленности. В то же время текстильная промышленность почти целиком оказалась на территории проведения переписи. Поэтому возможно, что на изучении социальной структуры рабочего класса Советской России скажется влияние более высокого процента текстильщиков в районе переписи по сравнению со всей территорией страны.

Единственной губернией Приуральского экономического района, оказавшейся на территории переписи, была Вятская. Сильно расширивший свое производство в годы мировой войны Ижевский оружейный завод занимал основное место в промышленном потенциале губернии. В то же время в губернии было около 10 металлургических заводов уральского типа, т. е. небольших заводов, расположенных в поселках вблизи рудных месторождений. Наиболее крупными из них были Омутнинский, Кирсинский, Песковский, Чернохолуницкий. Такого большого числа заводов и рудников, как на самом Урале, здесь, конечно, не было, поэтому охарактеризовать полностью рабочих горной и горнозаводской промышленности на примере Вятской губернии нельзя, но необходимость включения ее в выборочную обработку не вызывает сомнения. Число рабочих в Вятской губернии по переписи насчитывало 14 912 человек. Выборка в 5% от этого числа позволяет с достаточной представительностью судить о рабочем классе данной губернии.

Не вызывает сомнения включение в выборку первичных материалов Петрограда. Питерский пролетариат, шедший в авангарде борьбы за социалистическую революцию, представлял наиболее развитый передовой отряд российского рабочего класса. В бурные годы революции и гражданской войны ряды питерского пролетариата на производстве сильно поредели, но тысячи петроградских рабочих сражались в рядах Красной Армии, работали на хозяйственном фронте, в продотрядах, в партийных и советских органах. Именно как передовой, наиболее развитый отряд рабочего класса рассматриваются рабочие Петрограда в советской историографии. Профессиональная перепись зарегистрировала на заводах и фабриках Петрограда 107 262 рабочих. Обработано же было около 5000 личных карт рабочих, т. е. примерно 5%.

В свое время Московский промышленный район, полностью охваченный переписью, в 1918 г. объединял 10 губерний. В большинстве губерний преобладающими отраслями производства были текстильные: хлопчатобумажная, льняная, шерстяная. В Иваново-Вознесенской губернии хлопчатобумажное производство играло исключительную роль. Промышленность губернии характеризовалась наличием крупных текстильных фабрик в Иванове, Шуе, Кинешме и других городах и поселках губернии. Концентрация производства здесь была наиболее высокой в стране (средний размер предприятия—825 рабочих). Материалы Иваново-Вознесенской губернии мы сочли необходимым включить в выборку, так как они позволяют в наиболее чистом виде охарактеризовать рабочих текстильной промышленности со всеми особенностями их развития в данном районе.

В ряде губерний Московского района наряду с преобладанием текстильного производства имелись и другие развитые отрасли. В качестве такой губернии выступает, например, Ярославская, включенная нами в экспериментальную выборочную обработку. Задача теперь состоит в том, чтобы подвергнуть результаты этой обработки конкретному содержательному анализу. Для такого анализа из трех экспериментальных выборок по Ярославской губернии мы взяли выборку в 5%, позволяющую с наименьшими затратами сил и средств достаточно представительно изучить рабочих этой губернии.

В Московский промышленный район входили Тульская и Нижегородская губернии. Промышленное производство здесь особенно развилось в годы мировой войны. Так, число рабочих на тульских Патронном и Оружейном заводах в 1918 г. по сравнению с 1913 г. увеличилось в несколько раз. Машиностроение было ведущей отраслью промышленности Нижегородской губернии, металлообработка — Тульской.

Большинство губерний бывшей Российской империи были слабо развиты в промышленном отношении. Обычно при изучении истории рабочего класса, исключая работы местных авторов, им не уделяется достаточного внимания. Тем не менее почти все губернии имели свой, хотя и малочисленный пролетариат, и это обязывает нас подвергнуть изучению его социальный облик. В большинстве непромышленных губерний производство преимущественно сосредоточивалось в наиболее крупных городах, как правило, в губернских центрах. Преобладали там небольшие заводы. Крупные

предприятия составляли исключение. Слабые очаги промышленности в океане земледельческого и промыслового населения — вот картина хозяйственной жизни многих губерний дореволюционной России.

Из районов со слабым уровнем промышленного развития следует отметить прежде всего Поволжье. Рабочие Пензенской губернии достаточно полно представляют социальный тип пролетария этого экономического района со слабой промышленностью, но довольно пропорциональным размещением производства по отраслям и по типам предприятий, характерных для данного района. Следует сказать, что в годы мировой войны промышленное производство в губернии было подорвано, и число рабочих сильно сократилось. В 1918 г. к моменту переписи их насчитывалось 9 318 человек. Выборка, на основе которой изучался рабочий класс этой губернии, составила 5%.

Центрально-земледельческий район, на наш взгляд, достаточно хорошо представляют материалы Воронежской губернии, вошедшие в экспериментальную выборочную обработку. Две губернии: Пензенская и Воронежская были взяты нами из тех районов, хозяйство которых было связано прежде всего с земледелием.

Из западных губерний, вошедших в перепись, мы включили в выборочную обработку материалы Витебской губернии. Анализ отраслевой структуры и размещения промышленности, выросшей здесь из кустарно-ремесленного производства и далеко еще не ушедшей от него, убеждает нас в том, что характер промышленности был здесь аналогичен не только остальным губерниям Западного района, но и Белорусско-Литовским губерниям и губерниям Северо-Запада.

Общий объем выборки составил около 11 000 личных карт рабочих, т. е. около 1% общего их числа [21].

Выборочный эксперимент позволил определить методику обработки материалов професиональной переписи 1918 г., проверить на практике правильность основных гипотез исследования.

---

[21] В приложении № 3 приводятся результаты сравнения итогов выборочной обработки и публикации материалов профессиональной переписи. Естественно, сравнить можно было лишь некоторые показатели, так как наша обработка является более глубокой по сравнению с уже осуществленной. Важно отметить, что почти все опубликованные данные входили в рассчитанные для них по выборке доверительные интервалы. Отдельные расхождения объясняются большей частью различиями в методике подсчета и группировке. В целом сопоставление показывает эффективность использования выборочного метода.

ГЛАВА III

РАБОЧИЕ ПЕТРОГРАДА

В Петрограде был сосредоточен наиболее развитый и передовой отряд пролетариата России. Петроградские рабочие первыми свергли власть буржуазии и выступили в авангарде социалистической революции. В. И. Ленин высоко ценил питерский пролетариат, его твердость и неподатливость на отчаяние и уныние. «Питерские рабочие, — писал он, — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых... отрядов рабочего класса и всех трудящихся России» [1].

История рабочих Петрограда давно привлекает к себе внимание исследователей. Имеется ряд работ, в которых дается характеристика этого отряда пролетариата в годы революции и гражданской войны. Важные сведения о численности и составе питерских рабочих собрал в свое время С. Г. Струмилин, работавший в Отделе статистики труда Петроградского Совета [2]. Важные сведения о петроградских рабочих в первые годы Советской власти приводились в статье М. И. Гильберта «К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны» [3]. В новейшей литературе изучению состава рабочих Петрограда и их роли в годы революции и гражданской войны посвящен ряд обстоятельных исследований О. И. Шкаратана, И. П. Лейберова, З. В. Степанова, В. И. Старцева, Ю. С. Кулышева, В. И. Носача и др. [4].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 361.

[2] См. опубликованные им материалы в сб.: «Материалы по статистике труда», вып. 1—8. Пг., 1918—1921 гг.; «Два года диктатуры пролетариата 1917—1919 гг.». М., 1919 и др.

[3] Сб. «История пролетариата СССР», 1934, № 3; 1935, № 1.

[4] См. О. И. Шкаратан. О составе фабрично-заводских рабочих г. Петрограда в 1917—1924 гг. «Уч. зап. Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», т. 156. Л., 1958; его же. Изменения в социальном составе фабрично-заводских рабочих Ленинграда (1917—1928 гг.). «История СССР», 1959, № 5; И. П. Лейберов, О. И. Шкаратан. К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году. «Вопросы истории», 1961, № 1. См. также кн. «Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания». М. — Л., 1965; В. И. Старцев. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.—Л., 1965; Ю. С. Кулышев, В. И. Носач. Партийная организация и рабочие Петрограда в годы гражданской войны. Л., 1971, и др.

Перепись 1918 г. застала рабочих Петрограда в тот момент, когда происходили резкие изменения в их численности и составе по сравнению с 1917 г.: с одной стороны, увольнения и расчет рабочих в связи с демобилизацией промышленности, с другой — уход в Красную Армию и продотряды, в государственные и политические органы. Часть передовых рабочих постепенно оказывалась вне сферы производства, сохраняя все же с ним непосредственную связь. Однако большинство их не было зарегистрировано переписью. Поэтому оставшиеся на производстве рабочие лишь отчасти характеризуют социальный облик ведущего отряда пролетариата страны.

Фабрики и заводы Петрограда на протяжении всех лет гражданской войны продолжали оставаться кузницей пролетарских кадров. Питерские рабочие отдавали Советской Республике лучших своих представителей. Они, по образному выражению С. Г. Струмилина, растекались по стране от Балтики до Тихого океана в роли «апостолов пролетарского евангелия» [5].

Материалы профессиональной переписи 1918 г. дают отчетливое представление о производственной и квалификационной структуре рабочих Петрограда [6] (см. табл. 1).

Таблица 1

Отрасли производства	Квалификация рабочих: квалифицированные крупных и средних предприятий	квалифицированные мелких предприятий	полуквалифицированные	малоквалифицированные	не имеющие специальности	не установл. квалификации	Итого
Металлообработка и машиностроение	45,9	3,7	12,8	9,4	26,7	1,5	100
Текстильная	5,1	0,6	53,3	19,0	20,1	1,9	100
Пищевая	15,1	1,7	31,6	6,8	30,3	14,5	100
Химическая и бумажная	14,9	1,8	20,2	12,5	46,4	4,2	100
Кожевенная, швейно-обувная, деревообрабатывающая	48,5	4,4	6,3	5,0	18,2	17,6	100
Полиграфическая	33,0	9,2	29,8	1,4	16,5	10,1	100
Городское хозяйство и прочие	33,7	5,9	4,0	2,0	49,4	5,0	100
Все рабочие	30,9	3,4	24,0	9,9	26,7	5,1	100

[5] С. Г. Струмилин. Состав пролетариата Советской России. В кн.: «Два года диктатуры пролетариата 1917—1919 гг.», стр 18.

[6] Рабочим Петрограда по данным переписи посвящена статья В. З. Дробижева и А. К. Соколова «Рабочие Петрограда в 1918 г.» («История СССР», 1972, № 1). Настоящая глава представляет результат дальнейшего анализа материалов переписи. С этой целью мы неоднократно вводили в обработку первичные материалы. Была проведена перекодировка первичных материалов. Все это определило некоторые, хотя и незначительные расхождения в цифрах, приводимых в опубликованной статье и в настоящем разделе.

Данные табл. 1 свидетельствуют о существовании сильной зависимости между отраслевой структурой и профессионально-квалификационным делением рабочих [7]. В металлообработке и машиностроении, где было занято 42,1% рабочих, доля квалифицированных пролетариев — наибольшая; в текстильной промышленности (20% рабочих) преобладали представители полуквалифицированных специальностей. Большинство среди них составляли женщины, которые по уровню профессиональной подготовки уступали мужчинам.

Пищевая промышленность, где главным образом были зарегистрированы рабочие табачных фабрик, сосредоточивала 10,1% всех питерских пролетариев. В химической и бумажной промышленности было занято 7,1%. Эти отрасли привлекали большое число неквалифицированных рабочих, занятых на вспомогательных по отношению к основному производству работах. Здесь было также много женщин. Мужской труд по преимуществу концентрировался в металлообработке и машиностроении, кожевенной и деревообрабатывающей отраслях промышленности. Всего мужчин в фабрично-заводской промышленности Петрограда насчитывалось 58,9%, женщин — 41,1%.

Петроград был ведущим политическим и культурным центром страны, здесь издавалось много газет, журналов, книг и другой печатной продукции. На долю полиграфической промышленности города приходилоть 9,3% всех рабочих, причем большинство питерских печатников работало в крупных типографиях. О соотношении крупного и мелкого производства в различных отраслях промышленности дает представление табл. 2.

Из табл. 2 видно, что наибольшим уровнем концентрации отличались ведущие отрасли промышленности Петрограда — металлообработка и машиностроение, а также текстильная промышленность. Таким образом, в 1917—1918 гг. петроградская промышленность не только сохранила основные кадры квалифицированных рабочих, но в ней оставались твердыми позиции крупного производства.

Осенью 1918 г. в промышленности Петрограда были заняты рабочие, имевшие в большинстве своем достаточно длительный производственный стаж. О распеределении рабочих по квалификации и стажу свидетельствуют данные табл. 3.

[7] Профессионально-квалификационная группировка рабочих Петрограда произведена согласно существовавшей в первые годы Советской власти классификации занятий и профессий. Она учитывает средний уровень квалификации рабочих той или иной профессиональной группы. В соответствии с этим среди каждой группы профессий выделялась ее квалифицированная часть, полуквалифицированная и неквалифицированная. Конечно, классификация ЦСУ была не свободна от многих недостатков. В частности, в один ряд ставились квалифицированные рабочие крупных предприятий и квалифицированные рабочие небольших заводов полукустарного типа, квалификация которых не равнозначна подготовке рабочих крупной промышленности и ближе по своему характеру к квалификации кустаря. Поэтому мы выделили квалифицированных рабочих мелких предприятий в особую группу.

Таблица 2

Распределение рабочих Петрограда по отраслям промышленности и по размеру предприятий (в % к итогу)

Отрасли производства	Тип предприятий							Итого
	мелкие (до 100 рабочих)	средние (101—500)	крупные (с числом рабочих свыше 500)				не установлено	
			всего	в том числе				
				501—1000	1001—2500	свыше 2500		
Металлообработка и машиностроение	5,3	8,1	86,6	21,0	26,1	39,5	—	100
Текстильная	2,4	8,8	87,4	21,4	66,0	—	1,4	100
Пищевая	7,2	19,8	73,0	11,8	39,7	21,5	—	100
Химическая и бумажная	7,7	33,3	59,0	26,8	—	32,2	—	100
Кожевенная, швейная, обувная, деревообрабатывающая	14,5	31,4	54,1	5,7	—	48,4	—	100
Полиграфическая	15,6	22,9	61,5	9,2	24,8	27,5	—	100
Городское хозяйство и прочие	11,9	8,9	75,2	75,2	—	—	4,0	100
Все рабочие	7,0	14,7	78,1	20,5	30,3	27,3	0,2	100

Таблица 3

Распределение рабочих Петрограда по производственному стажу и уровню квалификации

Квалификация рабочих	Время прихода на производство				Итого
	1913—1918 гг.	1908—1912 гг.	1907 г. и ранее	не установлено	
Квалифицированные крупных и средних предприятий	18,4	10,2	66,0	5,4	100
Квалифицированные мелких предприятий	21,2	15,0	55,0	8,8	100
Полуквалифицированные	40,0	12,6	41,1	6,3	100
Малоквалифицированные	51,1	6,0	34,3	8,6	100
Не имеющие специальности	45,7	10,0	26,7	17,6	100
Не установленной квалификации	50,4	12,6	31,1	5,9	100
Все рабочие	35,7	10,6	44,2	9,5	100

Данные таблицы свидетельствуют, что чем выше уровень квалификации рабочих, тем больше среди них было людей с большим производственным стажем. Больше половины общего числа рабочих составляли лица с довоенным стажем. Посмотрим теперь на зависимость уровня квалификации рабочих от длительности производственного стажа (см. табл. 4).

Таблица 4

Зависимость уровня квалификации рабочих от производственного стажа

Время прихода на производство	Квалификация рабочих						Итого
	квалифицированные крупных и средних предприятий	квалифицированные мелких предприятий	полуквалифицированные	малоквалифицированные	не имеющие специальности	не установл. квалификации	
1913—1918 гг.	15,9	2,0	26,8	14,1	34,1	7,1	100
1908—1912 гг.	30,0	4,8	28,4	5,6	25,2	6,0	100
1907 г. и ранее	46,2	4,2	22,3	7,7	16,1	3,5	100

Среди рабочих с 10-летним и более длительным стажем перепись зарегистрировала 50,4% квалифицированных рабочих, тогда как среди лиц, недавно пришедших на производство, удельный вес квалифицированных рабочих составлял всего лишь 17,9%. Зато среди этой группы довольно высоким оказался удельный вес лиц, не имевших никакой специальности.

Стаж рабочих имел непосредственную связь с половозрастной структурой. Чем старше были рабочие, чем дольше они трудились на производстве, тем меньше была среди них доля работниц. Среди рабочих со стажем свыше 10 лет доля женщин снижалась до 30%. Взаимосвязь возраста и стажа была настолько очевидной, что возраст может выступать в качестве показателя продолжительности связи с промышленностью. Дело в том, что рабочие очень рано начинали свою трудовую жизнь. Более 50% их пришло на заводы подростками в возрасте до 15 лет. Примерно 25% начали работать на фабриках и заводах в возрасте от 16 до 20 лет, 18% — от 21 до 30 лет и лишь 6,9% начали работать в возрасте свыше 30 лет.

Возраст рабочих и время поступления в промышленность были связаны с уровнем квалификации. Молодежь преобладала среди полуквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, среди учеников, подручных чернорабочих. Зато металлисты и квалифицированные рабочие других специальностей чаще всего были людьми среднего возраста. Работницы, имевшие преимущественно низкую квалификацию, как правило, были моложе рабочих мужчин.

Приобретение квалифицированной профессии существенно сказывалось на положении рабочего на производстве. Однако приобрести ее в дореволюционной России было нелегко. Обучение профессии было связано с ранним приходом в промышленность и длительностью подготовки по специальности. Вследствие этого смена профессий мало характерна для рабочих России. Число сменивших занятия не превышало 20%. Только 24% из них раньше были крестьянами, а остальные работали по найму.

Усиление процесса горизонтальной мобильности в годы мировой войны было связано с мобилизациями, эвакуацией предприя-

тий и другими перемещениями, и лишь в редких случаях — с изменением профессии. В табл. 5 (см.) прослеживается зависимость между стажем и профессиональным продвижением рабочего.

Таблица 5

Распределение рабочих Петрограда по производственному стажу и времени овладения последней профессией

Время прихода на производство	Время овладения последней профессией					Итого
	1917—1918 гг.	1914—1917 гг.	1908—1913 гг.	1907 г. и ранее	не выяснено	
1913—1918 гг.	31,8	50,5	13,4	—	4,3	100
1908—1912 гг.	27,2	18,8	47,6	—	6,4	100
1907 г. и ранее	22,7	14,9	15,3	46,3	0,8	100
Все рабочие	27,3	30,0	16,4	23,9	2,4	100

Из данной таблицы видно, что почти четверть опрошенных работала неизменно по одной специальности более 10 лет, однако большинство начали трудиться на своих местах в годы войны и позднее.

Зависимость уровня квалификации от продолжительности профессиональной выучки отчетливо видна из данных табл. 6.

Таблица 6

Распределение рабочих Петрограда по уровню квалификации и по времени овладения последней профессией

Квалификация рабочих	Время овладения последней профессией					Итого
	1917—1918 гг.	1914—1917 гг.	1908—1913 гг.	1907 г. и ранее	не установлено	
Квалифицированные крупных и средних предприятий	21,7	21,3	20,3	35,7	1,0	100
Квалифицированные мелких предприятий	37,5	17,5	12,5	32,5	—	100
Полуквалифицированные	19,5	31,0	22,3	26,4	0,8	100
Малоквалифицированные	29,6	36,1	13,3	17,2	3,8	100
Не имеющие специальности	39,7	36,7	8,9	9,7	5,0	100
Квалификация не установлена	21,8	40,3	13,4	21,8	2,7	100

Приведенные данные показывают, как долго происходило становление квалифицированного рабочего в дореволюционной России. Рабочие более низкой квалификации были, как видим, людьми, большей частью недавно пришедшими на производство.

Уровень квалификации рабочих находится в прямой зависимости от уровня образования. В наследство от дореволюционного времени Советской России достался крайне низкий уровень об-

Таблица 7

Уровень образования рабочих Петрограда в зависимости от квалификации

Квалификация рабочих	Образование					Итого
	начальное		самообразование	прочее (среднее, незак. среднее и т. д.)	без образования*	
	законченное	незаконченное				
Квалифицированные крупных и средних предприятий	50,1	23,7	10,0	3,6	12,6	100
Квалифицированные мелких предприятий	47,4	23,8	6,3	12,5	10,0	100
Полуквалифицированные	31,5	26,0	7,6	0,9	34,0	100
Малоквалифицированные	27,0	27,5	6,0	3,4	36,1	100
Не имеющие специальности	31,0	20,5	8,1	7,9	32,5	100
Все рабочие	37,2	23,9	8,5	4,4	26,0	100

* Процент рабочих без образования несколько завышен, так как включает лиц, образование которых установить не удалось.

разования пролетарских масс. Даже в Петрограде, где был сосредоточен по существу цвет российского рабочего класса, более четверти рабочих были неграмотными и только 41,6% имели образование в пределах не ниже начальной школы (см. табл. 7).

Правда, имелась довольно многочисленная группа лиц, отметивших в переписном бланке, что они занимались самообразованием. Как показывают данные табл. 7, тяга к самообразованию была связана с занятием трудом, требующим более высокой квалификации.

Среди квалифицированных рабочих, таким образом, были не только лица с относительно высоким уровнем образования, но и значительное число людей, самостоятельно приобщавшихся к знаниям. Несколько больше квалифицированных рабочих со средним и близким к нему образованием насчитывалось на небольших предприятиях — чаще всего в мелких типографиях, где специфика самого производства определяла более высокий уровень образования.

Низкая грамотность была характерна для рабочих полуквалифицированных и малоквалифицированных профессий. Преобладание среди них работниц обусловило более низкую их грамотность даже по сравнению с чернорабочими. Женщины-работницы отставали в уровне образования от мужчин на 3—4 десятилетия.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди рабочих, не имевших специальности, была определенная категория лиц со сравнительно высоким образованием. По-видимому, это те рабочие, которые случайно оказались на производстве. Нагляднее всего этот вывод подтверждают данные табл. 8.

Таблица 8

Квалификация рабочих Петрограда в зависимости от образования

Образование рабочих	Квалификация рабочих					Итого
	квалифицированные	полуквалифицированные	малоквалифицированные	не имеющие специальности	не установленной квалификации	
Начальное законченное	46,0	20,3	7,2	22,3	4,2	100
Начальное незаконченное	34,2	26,2	11,4	23,1	5,1	100
Самообразование	39,0	21,5	7,0	25,5	7,0	100
Прочее (среднее законч. и незак. и т. д.)	34,6	4,8	7,7	48,1	4,8	100
Без образования	16,3	31,3	13,7	33,2	5,5	100

Мы видим, что среди рабочих, имевших законченное и незаконченное начальное образование, было меньше всего неквалифицированных рабочих.

Интересно сопоставить приведенные выше данные с материалами, полученными в свое время С. Г. Струмилиным, изучавшим зависимость квалификации от образования и производственной выучки рабочих по данным регистрационных карточек Петроградской биржи труда[8]. С. Г. Струмилин привел весьма любопытные графики, характеризующие отмеченные им зависимости (см. рис. 5, 6).

Рис. 5. Зависимость квалификации рабочих от продолжительности школьного обучения (в % от высшей нормы =100%)

Следует отметить, что С. Г. Струмилин изучал в основном уровень технической квалификации, причем на основании материалов более ранних, чем профессиональная перепись 1918 г., когда труд рабочих различных специальностей оценивался еще не так дифференцированно. Поэтому в материалах С. Г. Струмилина зависимость между квалификацией и уровнем образования прослеживается не так отчетливо, как по данным профессиональной переписи. Не столь явно выступает и зависимость между квалификацией и выучкой рабочего, когда он являлся учеником или подручным. Зато более четко выражается зависимость уровня квалификации от продолжительности пребывания на производстве (см. рис. 7), что в общем соответствует полученным нами по материалам переписи данным.

[8] См. С. Г. Струмилин. Квалификация труда и выучка рабочих. «Материалы по статистике труда», вып. 5. Пг., 1919, стр. 3—32, 65.

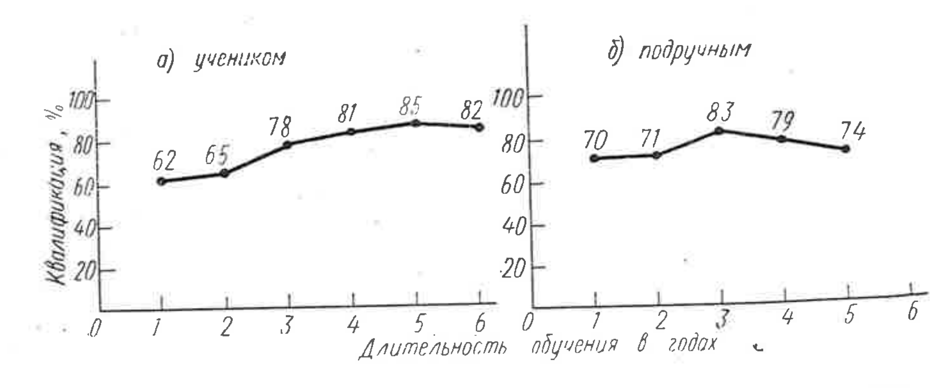

Рис. 6. Зависимость квалификации от продолжительности заводской выучки

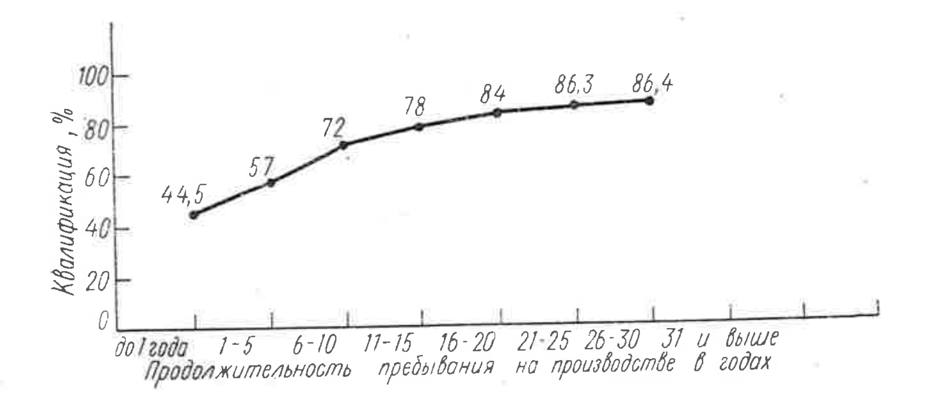

Рис. 7. Зависимость квалификации от продолжительности пребывания на производстве (помимо пребывания в учениках и подручных)

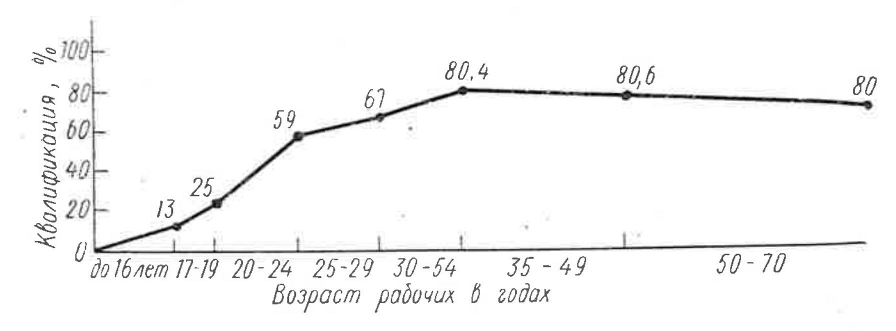

Рис. 8. Квалификация и возраст рабочих

Пожалуй, наибольшая зависимость существовала между уровнем квалификации и возрастом рабочих (см. рис. 8).

Однако было бы ошибкой считать эту зависимость демографической. Ранний по возрасту приход рабочих на фабрики и заводы, перерывы в производстве, вследствие которых стаж зачастую оказывался менее стабильным показателем, чем возраст, делает возраст в условиях того времени наиболее постоянным показателем длительности связи рабочих с промышленностью и в концентрированном виде выражает влияние всех рассмотренных выше факторов на рост квалификации. Свидетельством этого является практическое прекращение роста квалификации по достижению рабочим среднего возраста. Профессиональное обучение рабочих в дореволюционной России происходило очень медленно. Высокой квалификации рабочий достигал только после 10—15-летнего пребывания на производстве, да и то не всегда, поскольку существовала значительная категория неквалифицированных рабочих, имевших продолжительный стаж.

Важным показателем степени квалификации рабочих может служить оплата труда. Дифференцированность заработной платы к осени 1918 г. стала более ощутимой, поскольку в это время преодолевались уравнительные тенденции в оплате труда, существовавшие в тарифной политике профсоюзов в первые месяцы Советской власти.

Данные табл. 9 свидетельствуют о довольно сильных различиях в оплате труда квалифицированных и менее квалифицированных рабочих (см. табл. 9).

Таблица 9

Заработная плата рабочих Петрограда в зависимости от квалификации

Квалификация	Размер заработной платы в рублях					Итого
	до 200	200—300	300—400	400—600	свыше 600	
Квалифицированные рабочие крупных и средних предприятий	5,2	4,9	11,2	37,4	41,3	100
Квалифицированные рабочие мелких предприятий	6,8	7,5	12,5	38,2	35,0	100
Полуквалифицированные рабочие	10,1	8,6	24,2	37,3	19,8	100
Малоквалифицированные рабочие	9,0	12,4	28,8	31,8	18,0	100
Не имеющие специальности	7,6	8,9	33,0	32,7	17,8	100
Все рабочие	7,3	7,8	22,9	35,7	26,3	100

Средний размер заработной платы рабочего Петрограда по данным переписи составлял 470 руб. Значительно выше средней была заработная плата квалифицированных рабочих крупных предприятий — 531 руб.; квалифицированные рабочие мелких

предприятий получали в среднем 508 руб.; полуквалифицированные рабочие, среди которых преобладали женщины, — 441 руб.; малоквалифицированные и неквалифицированные — 430 руб. Величина заработка находилась в прямой зависимости от производственного стажа (см. табл. 10).

Таблица 10

Заработная плата рабочих Петрограда в зависимости от производственного стажа

Время прихода на производство	Размер заработной платы в рублях					Итого
	до 200	200—300	300—400	400—600	свыше 600	
1913—1918 гг.	10,1	10,1	26,6	34,0	19,2	100
1908—1912 гг.	4,8	7,6	24,8	35,2	27,6	100
1907 г. и ранее	5,6	5,8	18,0	37,7	32,9	100

Если средний заработок недавно пришедшего на производство рабочего составлял 438 руб., а пришедшего в предвоенные годы 480 руб., то рабочий с 10-летним и более длительным стажем получал 502 руб. Материальное положение рабочих, несмотря на постоянную помощь пролетарского государства, оставалось весьма тяжелым. Более благополучными были жилищные условия. После революции подавляющая часть рабочих (91,7%) стала жить в квартирах, причем плата за государственные квартиры была чисто номинальной и составляла ничтожную долю от заработка.

После революции значительно выросло число рабочих, имевших оплаченный отпуск. В 1918 г. его получили более половины рабочих, тогда как в 1917 г. — только 4,8%.

В промышленности Петрограда удельный вес потомственных рабочих составлял, по нашим данным, 18,3%. В металлообработке и машиностроении их было 20,0%, в химической, бумажной и полиграфической промышленности — 20,2%, в текстильной промышленности Петрограда удельный вес потомственных рабочих составлял 24,8%. Это было вызвано преимущественным притоком в эту отрасль производства молодых рабочих, выходцев из пролетарских семей. В то же время очень небольшой оказалась доля потомственных рабочих в пищевой промышленности (5,9%), в кожевенной, обувной и деревообрабатывающей (10,1%) и в ряде других менее развитых отраслей. По распределению потомственных рабочих можно судить, в какие отрасли преимущественно вовлекалась рабочая молодежь.

Больше всего потомственных пролетариев было среди тех, кто начал свою работу в возрасте до 15 лет. Здесь их удельный вес составлял 29,7%, у пришедших на производство в 16—25 лет — 16,7, в 26—35 лет — 3,9 и в 35—50 лет — лишь 2,6%. Следовательно, выходцы из рабочей среды начинали трудиться на фабриках и заводах очень рано, минуя, как правило другие сферы при-

Таблица 11

Распределение рабочих Петрограда по месту рождения в зависимости от отрасли

Отрасли производства	Место рождения рабочих: города	сельская местность	северо-западные и западные губернии	центрально-промышленные губернии	губернии Прибалтики и Польши	центрально-земледельческие губернии	северные губернии	прочие губернии	не установлено	Итого
Металлообработка и машиностроение	18,1	80,3	44,6	27,9	16,6	5,4	3,0	0,9	1,6	100
Текстильная	15,1	84,0	52,4	33,1	7,0	4,0	2,6	—	0,9	100
Пищевая	17,3	81,9	51,9	32,1	8,4	5,5	1,3	—	0,8	100
Химическая и бумажная	19,0	80,4	66,0	18,5	9,5	2,4	1,8	1,2	0,6	100
Кожевенная, швейная, обувная, деревообрабатывающая	18,2	79,9	47,1	25,2	12,6	10,7	2,5	—	1,9	100
Полиграфия	41,7	56,9	55,0	24,8	6,9	6,9	4,1	0,9	1,4	100
Городское хозяйство и прочие	17,8	80,2	42,6	23,8	19,8	7,8	3,0	1,0	2,0	100
Все рабочие	19,6	79,1	49,5	28,0	12,4	5,5	2,7	0,6	1,3	100

ложения труда. При этом уровень образования потомственных рабочих был выше, чем у остальной пролетарской массы. Среди потомственных рабочих 6% имели образование выше начального; 47,6 — в объеме начальной школы; 29,5 — в объеме незаконченного начального образования и только 12,1% не имели образования.

Фактор потомственности играет важную роль в социальном развитии рабочего класса. Однако было бы неправильно абсолютизировать значение этого фактора, изолировать его от других сторон жизни рабочего. Сама по себе принадлежность к рабочей среде без длительного пребывания на производстве не вела автоматически к выработке более высокого уровня сознания. Только в процессе непосредственного участия в промышленном труде происходит формирование кадрового пролетария. Преемственность труда является ускоряющим фактором этого формирования.

Постоянное увеличение доли потомственных пролетариев было свидетельством завершенности процесса формирования российского пролетариата. Перепись 1918 г. показала, что среди рабочих, недавно пришедших на производство, удельный вес потомственных составлял 24,2%. Среди тех, кто пришел на фабрики и заводы перед войной — 21,2%, а в более ранние годы — 15,5%.

В целом в петроградской промышленности в 1918 г. преобладали рабочие в первом поколении. Ряды пролетариата пополнялись в основном за счет выходцев из крестьянства. Об этом свидетельствуют данные о месте рождения рабочих (см. табл. 11).

Только полиграфия, это типично городская отрасль промышленности, выделялась среди других большим числом уроженцев городов, в остальных отраслях доля потомственных горожан была невелика. Конечно, место рождения неадекватно отражает социальное происхождение новых пополнений, так как с момента рождения статус рабочих мог измениться. Однако общую тенденцию процесса формирования эти данные характеризуют довольно отчетливо.

Интересно, что доля уроженцев города в среде рабочих Петрограда почти совпадает с долей потомственных рабочих. Уроженцы городов, так же как и потомственные рабочие, характеризовались более высоким уровнем образования, относительно высокой долей молодежи, из чего можно заключить, что городская среда играла все возрастающую роль в процессе формирования промышленных кадров.

Больше всего в промышленности Петрограда было выходцев из близлежащих губерний и из самого Петрограда. На втором месте шли губернии Промышленного центра, преимущественно Тверская и Ярославская. Далее шли губернии Прибалтики, Земледельческого центра и Севера. Представляют интерес данные о соотношении горожан и сельских жителей среди уроженцев различных губерний страны (см. табл. 12).

Таблица 12

Соотношение выходцев из городов и сельской местности среди рабочих Петрограда в зависимости от места рождения

География места рождения	Место рождения		Итого
	город	сельская местность	
Северо-западные и западные губернии	32,6	67,4	100
Центральные промышленные губернии	4,4	95,6	100
Губернии Прибалтики, Польши и Литвы	11,2	88,8	100
Центральные земледельческие губернии	7,7	92,3	100
Северные губернии	7,8	92,2	100
Прочие губернии	35,7	64,3	100

Потомственные горожане преобладали среди выходцев из отдельных губерний. Значительную роль в процессе формирования играл сам Петроград и близлежащие крупные города. Если взять уроженцев только трех губерний — Петроградской, Новгородской и Псковской, которые составляли более трети рабочих Петрограда, то среди них доля потомственных горожан была около 50%. Больше всего сельских жителей поставляли столице промышленные губернии Центра. Выходцы из этих губерний направлялись в основном в текстильную, пищевую, табачную промышленность, в металлообработку и машиностроение. Выходцы из Прибалтики и Польши в значительной мере пополняли металлообрабатывающую промышленность. Выходцы из Земледельческого центра сосредоточивались в основном в кожевенной промышленности. Наиболее квалифицированные кадры поставляли столице крупные города Севера и Запада, а также губернии Прибалтики и Центрального промышленного района.

Место рождения, как правило, определяло и национальность рабочих. Близость Прибалтики и Польши обусловили более высокий процент среди питерских рабочих представителей национальностей, живущих в этих районах, по сравнению с остальной Россией. В годы первой мировой войны петроградский рабочий класс пополнился за счет эвакуированного населения из западных губерний. На момент переписи среди питерского пролетариата было 6% поляков, 2% латышей, 1,8% эстонцев.

Важную роль в характеристике социального облика рабочих имеет показатель связи с землей. Подавляющее большинство рабочих Петрограда к моменту проведения переписи не поддерживало с деревней экономических связей (см. табл. 13).

Из табл. 13 видно, что связь с землей была у питерских рабочих очень небольшой. Здесь сказалось также то, что часть рабочих, связанных с деревней, к моменту проведения переписи была уволена с производства.

Таблица 13

Связь рабочих Петрограда с деревней

Отрасли производства	Отношение рабочих к земле					Итого
	сами или через близких родственников принимали участие в обработке земли		сдавали землю в аренду	не участвовали в обработке оставленных в деревне наделов	не имели земли	
	без применения наемного труда	с применением наемного труда				
Металлообработка и машиностроение	10,1	0,4	0,8	7,4	81,3	100
Текстильная	10,5	0,4	1,7	6,0	81,4	100
Пищевая	8,9	0,4	0,8	7,2	82,7	100
Химическая и бумажная	8,9	0,6	—	7,8	82,7	100
Обувная, кожевенная, швейная, деревообрабатывающая	13,2	—	0,6	5,0	81,2	100
Полиграфия	3,7	0,9	0,5	4,6	90,3	100
Все рабочие	9,5	0,4	0,9	6,4	82,8	100

Существовавшие формы связи с землей мало отражались на положении рабочих, оставшихся на производстве. Анализ группы опрошенных, имевших какое-либо отношение к земле, показывает, что по основным социальным параметрам она почти не отличалась от прочих. Так, рабочие, имевшие связь с землей, но не принимавшие личного участия в ее обработке, не уступали остальным по квалификации, по длительности связи с промышленностью, по уровню политической активности. Более того, и рабочие, указавшие на участие в обработке земли, сами большей частью не уходили в деревню. Доля уходивших на полевые работы была очень мизерной, постоянно участвовали в них только 0,9% всех опрошенных; в 1918 г. в связи с продовольственным кризисом эта доля несколько возросла и составила 4,2%. Но участие в полевых работах в специфических условиях гражданской войны и исключительно трудного продовольственного положения лишь отчасти может служить показателем хозяйственных связей с деревней.

Преобладание беднейших элементов среди деревенских родственников рабочих не вызывает сомнения. Отношение к земле части рабочих Петрограда говорит скорее о социальном происхождении российского пролетариата, чем о наличии реальных связей с непролетарскими формами собственности. Об этом свидетельствуют и данные о соотношении возраста рабочих и форм связи с землей (см. табл. 14).

По мере увеличения возраста происходило ослабление хозяйственных связей с землей. Но больше всего лиц, имевших реаль-

7 Зак. 569

Таблица 14

Отношение к земле рабочих Петрограда в зависимости от возраста (в % от общего числа рабочих данного возраста)

Возраст в годах	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли	Отношение к земле: не участвовали в обработке оставленных в деревне наделов	Отношение к земле: не имели земли	Итого
До 15	42,4	0,6	57,0	100
16—20	13,7	3,8	82,5	100
21—25	10,1	5,5	84,4	100
26—30	8,1	5,7	86,2	100
31—40	10,0	6,0	84,0	100
41—50	15,1	10,0	74,9	100
51—60	9,1	6,7	84,2	100
Свыше 60	6,8	12,6	80,6	100

ные экономические связи с деревней, было, конечно, среди рабочих среднего возраста, так как для рабочих младших возрастов, отметивших в анкете наличие связи с землей, эта связь выступала чаще всего как проявление правовых или семейных отношений.

Семейное положение рабочих в значительной степени и определяло их связи с землей (см. табл. 15).

Молодые рабочие, еще не успевшие обзавестись своей семьей и сохранявшие связь с родителями, которые жили в деревне, оказались наиболее тесно связанными с землей, причем у трети рабочих, связанных с землей, семьи жили в деревне. У молодых работниц указание на их связь с землей очень часто выражало по существу родственные отношения.

Большое значение для формирования пролетарских кадров, для разрыва традиционных связей с деревней имела среда, в которой происходило складывание рабочих семей. Становление рабочей семьи в Петрограде, как правило, приводило к очень быстрому отделению от старой, деревенской семьи.

Естественно, что связь с землей была зарегистрирована у выходцев из деревни. При этом различное отношение к земле показали уроженцы северо-западных, центральных и западных губерний. Наиболее прочную связь с деревней обнаруживали уроженцы центральных губерний, наименее прочную — уроженцы близких к Петрограду губерний, а также Прибалтики и Польши. Среди первых было 23,4% связанных с землей, среди выходцев из Прибалтики и Польши — только 9,6%.

Примерно также обстояло дело и с другими формами собственности в деревне, а также с местом проживания семьи. Если у выходцев из центральных и северных губерний доля рабочих, семьи которых полностью или частично жили в деревне, состав-

Таблица 15

Распределение рабочих Петрограда по связи с землей в зависимости от семейного положения

Семейное положение		Отношение рабочих к земле: сами или через близких родственников обрабатывали землю: без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдавали землю в аренду	не участвовали в обработке оставленных в деревне наделов	не имели земли	Итого
По характеру проживания	Одиночки	6,0	0,4	0,9	5,2	87,5	100
	Живущие совместно с семьей	6,3	0,2	0,6	6,6	86,3	100
	Живущие только с частью семьи (другая часть живет отдельно)	18,8	0,8	3,1	9,4	67,9	100
	Живущие отдельно от семьи	29,0	1,5	1,1	6,3	62,1	100
По числу членов семьи	Не имеющие семьи	13,5	0,7	1,0	5,6	79,2	100
	Имеющие семьи до 4 человек (вкл.)	6,8	0,2	0,7	6,9	85,4	100
	Имеющие семьи в 5—8 человек	7,1	—	0,4	5,4	87,1	100
	Имеющие семьи 9 человек и свыше	14,3	—	3,5	23,8	58,4	100

ляла более 20%, то у выходцев из Прибалтики — только 12,7%. Некоторые рабочие Петрограда в исключительно трудных условиях 1918 г. отправляли семьи в деревню. Таких рабочих среди оставшихся на производстве было 7%. В сельскую местность отправляли семьи 5,4%, в города — 1,6%. Отправляли семьи в деревню преимущественно те, кто имел связь с землей.

Отношение к земле рабочих Петрограда тесно переплеталось с другими формами связи с деревней — хозяйственными, родственными, соседскими и т. д., иногда не носившими характера непосредственного участия в обрабоке земли. Несомненно, что большинство рабочих, имевших какое-либо отношение к земле, были кадровыми пролетариями.

Большую роль в характеристике социального облика рабочих играют показатели производственной и политической активности. В исключительно тяжелых условиях гражданской войны рабочие Петрограда продолжали активно трудиться, почти $^2/_3$ из них имели полный рабочий день, несмотря на перерывы в производстве,

голод, болезни и продовольственные трудности. Лучшее отношение к труду проявляли рабочие, имевшие длительный стаж. Мы можем судить об этом по количеству проработанных дней в последний, предшествующий переписи, месяц. Оказывается, что 23,9% всех рабочих со стажем до 1 года проработали в этом месяце меньше 5 дней, в то время как для рабочих с более длительным стажем эта цифра составляла лишь 4,7%.

Уровень организованности рабочих Петрограда к осени 1918 г. был достаточно высоким, членство в профсоюзах было почти поголовным. 49,1% рабочих составляли члены рабочих кооперативных организаций и 61,8% — больничных страховых касс.

По данным выборочной обработки 4,9% рабочих Петрограда состояли в органах общественного управления. Нередко в качестве показателя политической активности рабочих фигурирует лишь число лиц, занятых в общественных организациях, но это ошибочное представление. С фабрик и заводов для штатной работы в государственном и партийном аппарате постоянно привлекались лучшие представители рабочего класса, коммунисты, активисты, кадровые рабочие. Зачастую они замещали сразу несколько должностей. Большинство рабочих коммунистов Петрограда к моменту проведения переписи не работали непосредственно на производстве, а были заняты в партийных и советских учреждениях.

Рабочие члены общественных организаций на фабриках и заводах Петрограда в основном занимались административной и хозяйственной работой. В фабрично-заводских комитетах состояло более 25% рабочих активистов, в цеховых комитетах — 7%, контрольно-хозяйственных комиссиях — около 10%. Многие были заняты в жилищных комиссиях и комитетах: это обусловливалось огромной работой по распределению жилищного фонда. Перепись зарегистрировала активное участие рабочих в судебно-следственных комиссиях, в органах рабочей милиции, в организациях по охране предприятий, по обучению рабочих военному делу, в продовольственных отрядах, в комитетах деревенской бедноты (в группе рабочих, хозяйственно связанных с деревней).

Наиболее развитыми общественные организации были в металлообрабатывающей промышленности. Здесь сосредоточивалось 62,6% всех рабочих-активистов, 7,3% рабочих этой отрасли были вовлечены в общественные организации. По степени развития общественных рабочих организаций выделяются крупные предприятия. На фабриках и заводах с числом рабочих более тысячи человек удельный вес активистов составлял 6,8%.

Рабочие-активисты отличались более высоким уровнем квалификации. Среди них 43,5% составляли квалифицированные рабочие крупных предприятий. Вследствие этого они имели более высокую по сравнению с другими заработную плату. Средний заработок членов общественных организаций составлял 532 руб. Эти рабочие выделялись также длительностью производственного стажа. 50,4% из них имели стаж свыше 10 лет, а 68,7% трудились

на производстве по крайней мере с 1913 г. Резко выделялись рабочие члены общественных организаций по уровню образования: 21,7% имели законченное и незаконченное среднее образование, 50,4% — законченное начальное образование, 17,4% — незакон-

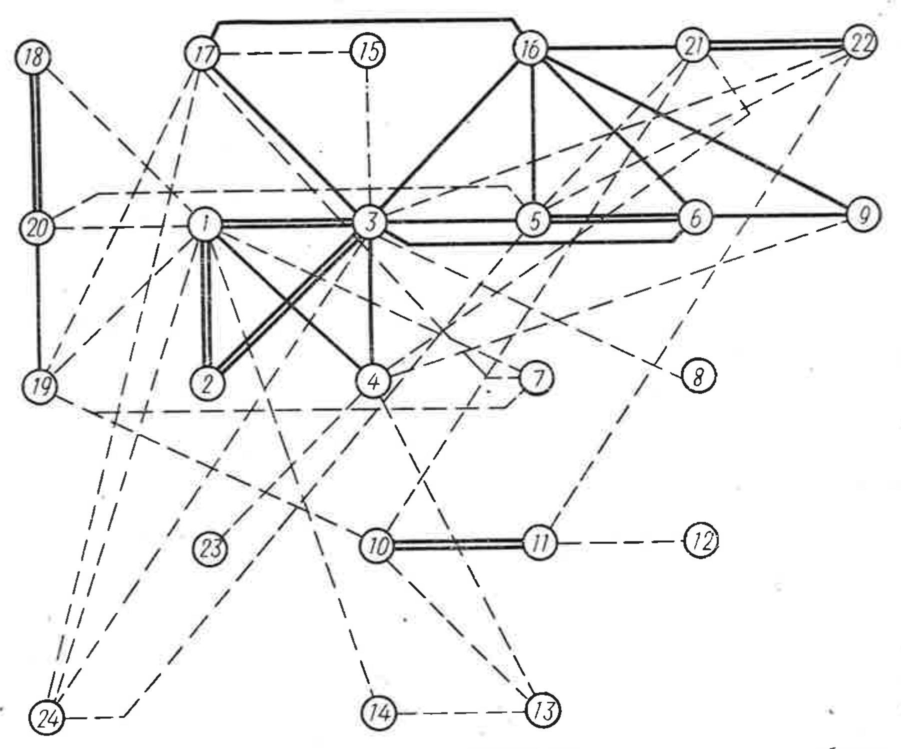

Рис. 9. Схема взаимосвязей основных признаков, характеризующих рабочих Петрограда.

Цифрами обозначены признаки: 1 — отрасль (группа производств); 2 — тип предприятия; 3 — квалификация; 4 — заработная плата; 5 — стаж работы в промышленности; 6 — стаж в профессии; 7 — преемственность фабрично-заводского труда; 8 — прежнее занятие; 9 — возраст поступления на производство; 10 — связь с землей; 11 — связь с землей до революции; 12 — местонахождение собственного дома; 13 — уход на полевые работы; 14 — характер работы (постоянный или сезонный); 15 — пол; 16 — возраст; 17 — образование; 18 — национальность; 19 — место рождения (город или село); 20 — география места рождения; 21 — семейное положение; 22 — характер проживания семьи (вместе живет или отдельно); 23 — жилищные условия; 24 — общественная должность

ченное начальное образование и только 6,3% не имели или не указали своего образования.

Интересно, что связь с землей членов общественных организаций была несколько большей, чем у остальных рабочих. Это лишний раз подтверждает правильность вывода о том, что отно-

шение к земле не являлось в тогдашней обстановке существенным фактором социальной характеристики. На примере общественников можно видеть, какие признаки выделяли среди рабочих их лучшую, наиболее передовую сознательную часть: более высокая квалификация, более длительный стаж, повышенный по сравнению с остальными уровень образования и культуры, высокий уровень сознательности, политической и производственной активности. Члены общественных организаций в среднем были старше всей рабочей массы, что было обусловлено их длительным производственным стажем. Данное обстоятельство определяло их более устойчивое семейное положение, лучшие жилищные условия и т. д. В целом численно небольшая группа рабочих, занятых в общественных организациях на производстве, действовала в самой гуще рабочих красного Питера, была неотъемлемой частью этого отряда российского пролетариата.

Схема взаимосвязей основных признаков, характеризующих рабочих Петрограда, отражена на рис. 9[9]. Схема воспроизводит в обобщенном виде тот фактический материал, который был приведен выше. Обнаруженные количественные зависимости подтверждают общие выводы о социальном облике рабочего, помогают увидеть рабочий класс в его целостности, в разнообразии характеризующих его статистических показателей. Полученные данные наглядно подтверждают выводы о том, что питерские рабочие — многоотраслевой отряд рабочего класса. Ведущую роль в нем играли рабочие металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, на которых были заняты не только металлисты, но и лица многих других профессий. Подавляющее большинство пролетариев Петрограда работало на крупных и крупнейших предприятиях, имело длительный стаж пребывания в рабочей среде, довольно высокий, применительно к условиям 1918 г., уровень образования и профессиональной подготовки. Несмотря на чрезвычайно сложные условия развития рабочего класса в первый послереволюционный год, основные кадры питерского пролетариата сохранились. Рабочие Петрограда возглавили борьбу всех трудящихся Советской России за сохранение завоеваний Великого Октября, за решительную ломку старой экономической и социальной структуры общества.

---

[9] Принцип построения схемы такой же, как уже описанный в гл. III. Наиболее сильные зависимости ($I = 0{,}6-0{,}9\bar{R}$) выделены двойными линиями; зависимости $0{,}2-0{,}6\bar{R}$ — сплошными линиями, остальные — прерывистыми. Подобного принципа построения схем мы придерживаемся и в других главах.

ГЛАВА IV

РАБОЧИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА

В Центральном промышленном районе была сосредоточена основная масса рабочих России, поэтому характеристика рабочих данного района особенно важна для изучения социального облика пролетариата Советской России. Рабочие Промышленного центра, так же как и рабочие Петрограда, были движущей силой революционных преобразований, составляли социальную основу пролетарской диктатуры и несли на себе основную тяжесть в борьбе за Советскую власть как на фронте, так и в тылу.

Рабочие ЦПР в нашей выборке представлены Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерниями. Отраслевая структура рабочих данных губерний отражена в табл. 1.

Таблица 1

Отраслевая структура рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний (в % от общего числа)

Губернии	Группы производств																Итого
	VII	VIII	IX—X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XIX	XX	XXII	XXIII	XXIV	XXVI	
Ярославская	3,8	2,3	5,0	2,7	1,3	12,7	1,4	2,4	35,2	2,7	26,0	0,9	2,1	0,6	0,8	0,1	100
Иваново-Вознесенская	—	0,1	1,1	—	1,1	0,2	0,1	0,1	94,1	0,4	2,8	—	—	—	—	—	100
Тульская	—	7,0	88,0	—	—	0,2	—	0,4	4,2	—	—	—	—	—	0,1	0,1	100

Группы производств: VII—добыча и обработка камней, земель, глин; VIII—горная и горно-заводская промышленность; IX—X—металлообработка и машиностроение; XI—деревообработка; XII—химическая; XIII—пищевая; XIV—обработка твердых веществ животного происхождения; XV—кожевенная; XVI—обработка хлопка; XVII—обработка шерсти; XIX—обработка льна; XX—обработка пеньки и прочих волокнистых веществ; XXII—одежда и туалет; XXIII—обработка бумаги; XXIV—полиграфия; XXVI—производство и передача физических сил и водоснабжение.

Данные о распределении рабочих по типам предприятий говорят о высокой степени концентрации производства в указанных

4—1

губерниях, так же как и во всем Центральном промышленном районе (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение рабочих по типам предприятий (в % от общего числа)

Губернии	Предприятия по числу рабочих							Итого
	до 30	31—100	101—500	501—1000	1001—2500	2501—5000	свыше 5000	
Ярославская	3,4	8,0	15,5	7,6	22,0	17,6	25,9	100
Иваново-Вознесенская	0,1	0,8	10,1	7,6	18,8	28,8	33,8	100
Тульская	0,2	0,3	2,1	8,1	—	—	89,3	100

Для промышленности указанных губерний в основном характерны те же отрасли производства и размер предприятий, как и для всего ЦПР.

Наиболее представительной по составу отраслей являлась промышленность Ярославской губернии (17 групп производств). Хотя здесь основную роль играло текстильное производство (хлопчатобумажное, льняное, шерстяное), достаточно развиты были также такие отрасли, как пищевая, металлообработка и машиностроение, стеклофарфоровая, деревообрабатывающая. В Ярославле находилось крупнейшее по тем временам предприятие — Ярославская Большая мануфактура (ЯБМ). В губернии был расположен ряд эвакуированных предприятий: рижский вагоностроительный завод «Феникс», бывший автомобильный завод Лебедева и «Русский Рено», занятые в рассматриваемое время ремонтом автомобилей, часть бывшего завода Акц. о-ва Российского воздухоплавания Т-ва С. С. Щетинина, где в момент переписи производились сельскохозяйственные орудия, и другие заводы.

В Иваново-Вознесенской губернии, образованной в начале 1918 г., была сосредоточена в основном хлопчатобумажная промышленность, наиболее развитая из текстильных отраслей. Другие отрасли в Ивановском промышленном районе были развиты слабо. Примечательно, что концентрация производства в этом районе вследствие преобладания крупных текстильных фабрик оказалась наиболее высокой в стране. Здесь в среднем на одном предприятии было занято 825 рабочих.

В Тульской губернии находились Оружейный и Патронный заводы, которые сильно увеличили производство в годы войны. Из других предприятий следует отметить Подмосковный угольный бассейн, сезонный по характеру производства. В момент переписи почти все шахты были остановлены.

Данные о размещении промышленности, полученные при обработке переписи, в целом свидетельствуют о значительной доле городской промышленности в экономике района. Однако существенной характеристикой ЦПР является вовлечение в промышленность

больших масс сельского населения. Промышленность, развивавшаяся в селах и деревнях, быстро вела к преобразованию их в поселки и города. В Ярославской губернии в самом Ярославле было сосредоточено почти 40% рабочих, около 40% рабочих находилось в сельской местности. Среди них к фабрично-заводским поселкам принадлежали села Гаврилов-Ям, Константиново, Песочное и др. Многие фабричные слободы слились с городами. В небольших городах Ярославской губернии — Рыбинске, Романово-Борисоглебске, Ростове, Данилове и др. — было сосредоточено 20% рабочих.

В Иваново-Вознесенской губернии, в самом Иваново-Вознесенске было сосредоточено только 17% рабочих, зато в других городах — Шуе, Кинешме, Юрьевце и др. — 37%. Характерным для губернии являлось наличие большого числа фабричных поселков.

Сходным было и размещение промышленности Владимирской, Костромской, Тверской, Московской и Рязанской губерний. Это размещение связано с характером промышленной эволюции в данном районе. Рабочие ЦПР вербовались в значительной части за счет населения окружающих фабрики и заводы сел и деревень. По данным промышленной переписи 1923 г., примерно 1/3 рабочих во Владимирской, Ярославской и Иваново-Вознесенской губерниях приходили на фабрики из окружающих деревень. Размещение промышленности в Тульской губернии было иным. Здесь фактически был только один центр фабрично-заводской промышленности — Тула. В данном случае мы имеем дело с иным типом промышленного развития — с ростом одного индустриального центра. Тула к тому же и старейший район промышленного производства, имевший значительные кадры промышленных рабочих.

Таблица 3

Профессиональный состав рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний (в % от общего числа)

Губернии	Профессиональные группы															Всего
	горнорабочие	металлисты	печатники	деревообделочники	текстильщики	швейники	кожевники	пищевики	табачники	химики	стеклофарфорщики	строители	местнотранспортники	рабочие силовых установок	разнорабочие	
Ярославская	—	9,3	0,1	2,9	54,0	0,4	3,4	1,6	3,8	0,4	4,3	2,7	0,8	3,0	13,3	100
Иваново-Вознесенская	—	4,9	0,2	1,2	81,5	0,2	0,3	0,2	—	0,2	0,2	0,9	1,4	3,0	5,8	100
Тульская	4,7	65,8	0,1	2,9	3,9	0,1	0,6	0,5	—	—	—	1,4	0,7	1,6	17,7	100

От характера производства и его размещения зависел профессиональный состав рабочего класса указанных трех губерний (см. табл. 3).

В Ярославской и Иваново-Вознесенской губерниях преобладали текстильщики, в Тульской — металлисты. В Ярославской и Тульской губерниях было больше рабочих вспомогательных по отношению к основному производству профессий: это обнаруживается при сопоставлении отраслевого и профессионального распределения рабочих. Машиностроение и металлообработка, например, связаны с привлечением более широкого круга профессий, чем текстильные отрасли. В то же время различна и роль отдельных профессиональных отрядов на производстве. Так, металлисты участвуют в основном во вспомогательном производстве, деревообделочники — тоже, а вот рабочие силовых установок, строители, местнотранспортники, разнорабочие — это рабочие вспомогательного производства.

Металлисты основного производства и печатники — по преимуществу городские отряды рабочего класса, что довольно часто недооценивается при изучении качественных особенностей рабочего класса. Большинство других профессиональных отрядов ЦПР распределяется по разным типам поселений. Ведущая роль городского пролетариата по отношению к рабочим сельской местности в данном районе в значительной степени определялась соотношением профессиональных отрядов. Несомненно, что и в городской и сельской местности некоторые профессиональные отряды, и в первую очередь металлисты, играли ведущую роль. Металлисты Тулы — это городские рабочие основного производства, металлисты Ярославской губернии — городские и отчасти сельские рабочие основного и вспомогательного производства, металлисты Иваново-Вознесенской губернии — в основном рабочие вспомогательного производства. Горнорабочие Тульской губернии, как и все рабочие этого типа, — сельские и к тому же рабочие сезонного производства.

Производство и его размещение определяли и уровень квалификации рабочих отдельных профессий. В целом для ЦПР было характерно преобладание рабочих квалифицированных и полуквалифицированных профессий. Профессии металлистов принадлежат к наиболее квалифицированным по характеру труда, текстильщики характеризуются преобладанием полуквалифицированных профессий. Работа в этих профессиях связана с привлечением женского труда, особенно усилившимся в годы войны. Существенной характеристикой малоквалифицированного труда текстильщиков является их принадлежность к крупному фабрично-заводскому производству, и это отличает их по ряду социальных показателей в лучшую сторону по сравнению даже с более квалифицированными рабочими мелких промышленных предприятий: кожевниками, деревообделочниками, пищевиками.

Различная квалификация рабочих отразилась на размере заработка, выплачиваемого отдельным категориям рабочих. Правда, в ряде мест размер заработка находился в большей зависимости от отрасли в целом, чем от профессиональной квалификации. Заработок рабочего-текстильщика в Ярославской губернии составлял в среднем 187 руб., а рабочего-металлиста — 346 руб., причем у металлистов основного производства — 438 руб. Следует, однако, сразу сказать, что в текстильной промышленности продукты первой необходимости по цене ниже рыночной стоимости получали около половины рабочих, тогда как в машиностроении всего 10%.

Дифференцированность заработной платы по отдельным отраслям более ощутима, чем внутри каждой отрасли. Уравнительные тенденции, существовавшие в первые месяцы Советской власти, несколько сгладили различия в оплате труда рабочих внутри отраслей.

Каким бы ни был уровень заработной платы в условиях 1918 г., как фактор социальной дифференциации он имеет лишь относительное значение. По одному уровню заработной платы, например, нельзя судить о материальном положении отдельных групп рабочих. Нужны еще данные о жилищных условиях, о выдаче продуктов, о натуральной заработной плате, о семейно-бытовых условиях.

Положение рабочих ЦПР в момент проведения переписи было очень тяжелым, несмотря на помощь пролетарского государства. Рост дороговизны опережал рост заработной платы. Даже в Тульской губернии, где в 1918 г. с продовольствием было не так трудно, как в других районах, заработок рабочих не достигал прожиточного минимума. В Тульской губернии средний заработок рабочих составлял около 300 руб., в Иваново-Вознесенской и Ярославской — 250—260 руб. Зато здесь рабочие городов получали на предприятиях продукты первой необходимости (в Ярославской — около половины рабочих, в Иваново-Вознесенской — 18%, в Тульской — около 5%).

Для рабочих ЦПР в большей степени, чем для рабочих Петрограда, характерно проживание в собственных домах. Так, в Ярославской губернии в них проживало 22,6% рабочих, в Иваново-Вознесенской — 47,6, в Тульской — 40,7%. Конечно, в собственных домах больше проживали рабочие сельской местности, но и в городах рабочих, имевших собственные дома, было немало, в том числе в таких крупных, как Тула, Иваново-Вознесенск. В Ярославле было гораздо больше рабочих, живших на частных и заводских квартирах, в казармах для рабочих (41% — на квартирах, 12 — в специальных отдельных помещениях, предоставляемых фабрикой или заводом, и 21,2% — в рабочих казармах). После революции жилищные условия рабочих значительно улучшились. Многие из них получили практически бесплатные квартиры.

После революции значительно улучшились также условия труда рабочих. Практически прекратились сверхурочные работы, были

введены оплачиваемые отпуска: уже в 1918 г. эти отпуска получили от 40 до 60% рабочих в различных губерниях ЦПР. Значительно повысился уровень организованности рабочих. Почти поголовно они являлись членами профсоюзов, большая их часть состояла в больничных страховых кассах. Очень широк был охват рабочих различными кооперативными организациями. Правда, основная масса рабочих еще не была приобщена к активной общественной деятельности. Доля занятых в общественном управлении составляла в Ярославской губернии 3,2%, в Иваново-Вознесенской — 1,5%, в Тульской — 2,0%. Несмотря на частые остановки производства, болезни и участившиеся пропуски рабочих дней, занятость продолжала оставаться относительно высокой. Это видно из числа проработанных за последний месяц, предшествующий переписи, рабочих дней (см. табл. 4).

Таблица 4

Губернии	Количество проработанных дней в месяц							Всего
	до 5	5—10	10—15	15—20	20—25	свыше 25	не указано	
Ярославская	4,1	3,8	10,6	16,5	48,9	13,4	2,7	100
Иваново-Вознесенская .	2,9	7,0	12,6	25,1	43,5	5,4	3,5	100
Тульская	3,7	4,4	7,9	8,8	58,8	4,7	11,7	100

Среднее число дней, проработанных за месяц, в Ярославской губернии составляло — 18,7, в Иваново-Вознесенской — 18,4, в Тульской — 19,4. Эти данные подтверждаются материалами статистики труда. Так, в сентябре 1918 г. средняя продолжительность рабочего времени в Московском промышленном районе составляла 18,9 дней [1].

В то же время некоторое число рабочих работало неполный рабочий день, особенно в текстильных губерниях, где часты были остановки и неполный ход производства. В Иваново-Вознесенской губернии 47,6% рабочих работали неполный рабочий день, в Ярославской — 35, в Тульской — 25%. Довольно частыми были пропуски рабочих дней по болезням, из-за недоеданий и т. д.

Характеризуя производственные показатели, следует прежде всего обратить внимание на тесную зависимость их друг от друга. Производственные показатели здесь взаимосвязаны так же, как и среди рабочих Петрограда. Практически все производственные показатели взаимодействуют в одном и том же направлении, образуя тем самым неразрывное единство [2]. Это единство может быть

[1] «Статистика труда», 1919, № 1—4, стр. 27.

[2] Схему взаимосвязей признаков, характеризующих рабочих Центрального промышленного района, можно представить по материалам Ярославской губернии (см. рис. 3, гл. II). Схемы взаимосвязей признаков по другим губерниям ЦПР оказались настолько идентичными, что нет смысла приводить их в данной главе. Сходство структуры взаимосвязей признаков — следствие высокой социальной однородности пролетариата ЦПР.

сведено к различиям по характеру труда, заключающимся в принадлежности рабочих к разным отраслям, предприятиям и профессиям. Большое влияние оказывала на социальный облик рабочих среда, в которой происходило взаимодействие указанных признаков, а именно местность и тип населенного пункта.

С различиями по характеру труда связаны показатели продолжительности связи с фабрично-заводским производством, с рабочей средой. О распределении рабочих по стажу в должности и профессии в трех выбранных нами для анализа губерниях свидетельствуют данные табл. 5.

Таблица 5

Распределение рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний по стажу в должности и в профессии (в % от общего числа)

Губернии		Стаж в годах					Всего
		до 1	1—4	4—10	свыше 10	не указано	
Ярославская	в должности	13,2	24,3	22,0	33,6	6,9	100
	в профессии	9,7	21,1	18,4	39,5	11,3	100
Иваново-Вознесенская	в должности	11,8	23,4	24,1	34,9	5,8	100
	в профессии	6,4	21,7	23,5	38,8	9,6	100
Тульская	в должности	17,9	38,1	19,1	18,5	6,4	100
	в профессии	12,6	33,0	18,5	17,0	18,9	100

Мы видим, что профессиональный стаж рабочих ЦПР был весьма значительным. Перемещения на производстве были мало характерны для рабочих. В Тульской губернии, где в годы войны производство расширилось почти в 3 раза, наблюдается в это время сильный приток рабочих. Такой же процесс был отмечен среди рабочих Петрограда, но в отличие от последнего в Туле значительного сокращения производства и общего числа рабочих не было.

Сопоставим различия по стажу некоторых профессиональных отрядов рабочего класса ЦПР (см. табл. 6).

Бросается в глаза более длительный стаж работы по специальности у металлистов, текстильщиков и рабочих некоторых других профессий, чем, например, у разнорабочих, местнотранспортников, пищевиков. Как правило, небольшой производственный стаж имели рабочие малоквалифицированных профессий. Квалифицированные рабочие мелких предприятий: кожевники, деревообделочники, печатники, химики также имели значительный стаж, а вот неквалифицированные рабочие мелких предприятий, особенно тех, которые расположены в сельской местности, менее всего были связаны с фабрично-заводским производством. Горнорабочие карьеров Подмосковного бассейна, разбросанных по различным селениям, выступали наименее связанными с промышленностью.

Таблица 6

Распределение рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний по профессиональным группам и стажу (в % от общего числа без учета не давших сведения о стаже и профессии)

Профессиональные группы	губернии*	Стаж в годах до 1	1—4	4—10	свыше 10	Всего
Металлисты	Я.	9,6	25,6	25,8	39,0	100
	И.-В.	13,0	12,9	23,9	50,2	100
	Т.	12,3	47,0	21,1	19,6	100
Текстильщики	Я.	9,0	27,8	26,0	37,2	100
	И.-В.	6,0	25,0	24,8	44,2	100
	Т.	12,3	45,3	37,5	4,9	100
Разнорабочие	Я.	25,4	26,6	20,8	27,2	100
	И.-В.	20,6	44,3	20,6	14,4	100
	Т.	31,4	35,8	21,6	9,1	100
Рабочие силовых установок	Я.	20,0	23,0	20,2	36,8	100
	И.-В.	23,3	26,7	23,3	26,7	100
	Т.	7,6	7,6	15,2	69,6	100
Местнотранспортники	Я.	26,5	31,6	15,7	26,2	100
	И.-В.	35,7	21,4	28,6	14,3	100
	Т.	50,0	50,0	—	—	100
Пищевики	Я.	68,4	15,8	15,8	—	100
Стеклофарфорщики	Я.	2,6	21,4	14,2	61,8	100
Табачники	Я.	13,0	39,0	30,4	17,6	100
Деревообделочники	Я.	1,7	15,7	22,4	60,2	100
	Т.	38,4	30,7	7,6	17,5	100
Горнорабочие	Т.	64,1	23,2	7,6	5,1	100
Кожевники	Я.	18,5	26,0	24,0	31,5	100

* Сокращения: Я.—Ярославская, И.-В.—Иваново-Вознесенская, Т.—Тульская

Рабочие, имеющие преемственность труда на фабриках и заводах, во всех трех губерниях составляли примерно 1/3 от общего их числа. По всей видимости, этот показатель был одинаков для всего ЦПР. Наибольшее число таких рабочих поступило на фабрики и заводы в годы предвоенного промышленного подъема. В первые годы мировой войны их приток был еще значителен, а в Ярославской губернии — даже несколько выше, чем в предшествующий период. В последние годы войны увеличился приток выходцев из деревни, особенно в тех губерниях, в которых производство расширилось. У рабочих со значительным стажем доля потомственных пролетариев меньше, что связано в целом с возрастанием преемственности фабрично-заводского труда по мере развития промышленности и рабочего класса.

Исключение составляли рабочие Тулы. Здесь наиболее интенсивный рост производства приходится как раз на военные годы.

До этого тульская промышленность развивалась медленно, что частично обеспечивало воспроизводство рабочей силы за счет пролетарских семей. Это подтверждается и данными о месте рождения рабочих. Если во многих губерниях, и даже в Петрограде, уроженцы городов составляют незначительную долю среди рабочих, то в Тульской губернии было 42% уроженцев самой Тулы. Представление о доле рабочих второго, третьего и т. д. поколений среди лиц с различным стажем дает табл. 7.

Таблица 7

Распределение рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний по преемственности труда и времени поступления на производство

Губернии	Доля рабочих второго, третьего и т. д. поколений (в %) среди рабочих, поступивших на производство: в 1918 г.	в 1916—1917 гг.	в 1914—1915 гг.	в 1908—1913 гг.	1903—1907 гг.	ранее 1903 г.	Всех рабочих
Ярославская	36,8	29,1	42,0	40,0	35,6	24,1	33,4
Иваново-Вознесенская	34,0	36,5	35,3	37,4	27,1	19,5	30,0
Тульская	34,3	31,6	37,7	45,1	38,9	48,1	38,4

Общее распределение по стажу рабочих, имеющих преемственность на производстве, видно из табл. 8.

Таблица 8

Распределение потомственных рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний по стажу (в % от общего числа потомственных)

Губернии	Стаж в годах до 1	1—4	4—10	свыше 10	Всего
Ярославская	15,0	28,5	26,7	29,8	100
Иваново-Вознесенская	12,8	30,1	30,9	26,2	100
Тульская	17,0	40,3	23,1	19,6	100

Рабочие второго и третьего поколения, как правило, были значительно моложе остальных. Средний возраст всех рабочих в Ярославской губернии 32,7 года, а рабочих второго поколения — 26,9 года, в Иваново-Вознесенской — 31 и 27,8 года.

Более длительная связь с производством рабочих, имеющих преемственность в фабрично-заводском труде, обусловлена ранним приходом на производство. Так, средний возраст поступления на производство всех ярославских рабочих 17,7 года, а рабочих второго поколения — 15,1 года. В Иваново-Вознесенской губернии —

16,5 и 15,6 года, в Тульской — 14,8 и 13,7 года. В Ярославской губернии почти 20% рабочих пришли в промышленность в возрасте свыше 20 лет, в Иваново-Вознесенской — 12%, в Тульской — 7%, тогда как среди рабочих во втором и третьем поколениях доля поздно пришедших на производство ничтожно мала.

Конечно, сам возраст поступления в промышленность связан с особенностями привлечения рабочей силы в условиях капиталистического производства. Так, на профессии текстильщиков привлекаются, как правило, девушки, на специальности металлистов — подростки, обычно затем долго проходившие профессиональную выучку в качестве подсобных рабочих. Поэтому при анализе различных профессиональных отрядов рабочего класса необходимо учитывать некоторые отличия в их связи с фабрично-заводским производством.

Для текстильщиков эта связь практически равнозначна их профессиональному стажу. Для металлистов важен не только стаж в профессии, но и общая продолжительность связи с промышленностью. Металлисты значительно отличаются от остальных рабочих высокой долей рабочих второго и третьего поколений, ранним возрастом поступления и длительностью общей связи с промышленностью. Приобретение металлистом квалифицированной специальности резко выделяет его в остальной рабочей массе.

На длительную связь рабочих с промышленностью указывают данные о прежнем занятии. Число сменивших профессии в процессе работы в промышленности очень невелико. Во всех трех губерниях сменили занятия меньше $1/3$ рабочих. Особенно мало сменивших занятие было среди металлистов (менее 20%). Сменившие занятие, как правило, имели раньше также профессии металлистов, правда, более низкие по квалификации, или же были в прошлом разнорабочими. Тесная взаимосвязь существует между возрастом поступления и сменой профессий. Профессии и занятия меняли большей частью рабочие, поступившие на фабрики и заводы в зрелом возрасте. Те же лица, которые начали работу на предприятиях с детских лет, сохраняли верность приобретенным профессиям.

Характер труда рабочих в значительной мере определяет степень сохранения связи с землей. Еще М. Гильберт обратил внимание на разницу в связи с землей по отраслям производства. Он объяснял ее особенностями географического размещения крупных предприятий каждой отрасли, т. е. их расположением в районах с развитой промышленностью или преимущественно аграрных, в городах или сельской местности, постоянным или сезонным характером производства [3]. Отношение рабочих к земле по отраслям в рассматриваемых губерниях было следующим (см. табл. 9).

[3] См. М. Гильберт. Ук. соч. В сб.: «История пролетариата СССР», 1935, сб. 1, стр. 164.

Таблица 9*

Отношение рабочих к земле (в % от общего числа)

Группы производств	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли — без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	имели связь с землей, но не участвовали в ее обработке	отсутствие связи с землей	Всего
Ярославская губерния						
VII	—	—	—	2,4	97,6	100
VIII	6,0	—	4,0	8,0	82,0	100
IX—X	—	—	—	6,3	93,7	100
XI	13,0	2,3	2,3	8,6	73,8	100
XII	8,1	—	—	8,1	83,8	100
XIII	25,7	—	0,9	3,8	69,6	100
XIV	16,6	—	—	—	83,4	100
XV	11,1	—	—	27,8	61,1	100
XVI	8,1	0,2	2,4	11,6	77,7	100
XVII	7,1	—	—	7,1	85,8	100
XIX	11,2	1,4	0,1	7,8	79,5	100
XX	3.5	—	—	—	96,5	100
XXII	20,9	23,4	—	2,3	53,4	100
XXIII	11,7	—	—	17,5	70,8	100
XXIV	—	—	—	—	100	100
XXVI	16,7	—	—	8,3	75,0	100
Всего	10,5	1,3	1,2	8,5	78,5	100
Иваново-Вознесенская губерния						
IX—X	14,3	—	—	—	85,7	100
XII	23,1	—	7,7	—	69,2	100
XVI	23,4	1,9	0,6	8,5	65,6	100
XIX	18,2	—	—	18,2	63,6	100
Всего	23,1	1,9	0,6	9,0	65,4	100
Тульская губерния						
VIII	75,8	11,2	—	4,8	8,2	100
IX—X	20,4	1,5	0,1	1,6	76,4	100
XVII	50,0	5,3	—	5,3	39,4	100
Всего	25,3	2,2	0,4	1,5	70,6	100

* Расшифровку наименования отраслей см. в табл. 1 данной главы.

В Ярославской губернии менее всего связаны с землей рабочие таких отраслей, как металлообработка и машиностроение, где имелись предприятия по ремонту автомобилей, вагонов и сельскохозяйственных орудий. Не связаны с землей полиграфисты — типичный городской отряд рабочего класса. В VII группе, к которой

был отнесен фарфоровый завод Кузнецова, расположенный в с. Песочное и насчитывавший в 1918 г. около 1000 рабочих, почти не зафиксирована связь с землей. По всей видимости, это следствие не столько характера самого производства, сколько того факта, что этот завод в свое время был переведен вместе с рабочими из Московской губернии. Рабочие хлопчатобумажной и льняной промышленности также характеризуются незначительной связью с землей, и при этом, как правило, лишь формальной: рабочие оставляли свою землю в распоряжение родственников, сельского круга и т. д. При проведении переписи на формальное отношение к земле обычно указывали женщины.

Наиболее тесную связь с землей обнаруживали рабочие пищевой промышленности, кожевенной, деревообрабатывающей, производства одежды и обуви, т. е. тех отраслей, для которых были характерны мелкие предприятия, расположенные как в городе, так и в сельской местности. В этих отраслях сосредоточивались и рабочие, наиболее прочно связанные с собственным хозяйством. Так, применение в собственном хозяйстве наемного труда, в целом ничтожное, большей частью относится к этим отраслям. В пищевой промышленности (картофелетерочные, овощные заводы, мельницы) было сконцентрировано большинство немногочисленных в целом сезонников. Связь с землей сезонных рабочих достигала 85%; примерно 5% сезонников были связаны с кустарничеством. Остальные в свободное от производства время работали по найму.

Для текстильных отраслей Иваново-Вознесенской губернии характерна несколько большая связь с землей, чем для Ярославской. Это следствие того, что в последней текстильное производство в большей мере сосредоточивалось в городах.

Наиболее прочной связью с землей отличались горнорабочие Тульской губернии, что позволяет определить их как полурабочих-полукрестьян, слабо связанных с промышленностью. Данные переписи зарегистрировали у горнорабочих Центра наиболее прочную связь с землей. Это объясняется тем, что на шахтах, учтенных переписью, десятилетиями эксплуатировалось местное малоземельное крестьянство.

О роли крупного производства в разрыве связей с крестьянством можно судить по распределению рабочих различных по размеру предприятий в зависимости от их связи с землей (см. табл. 10).

Мы видим, что на мелких предприятиях были наиболее значительны все формы связи с землей. Гораздо меньше рабочих, связанных с землей, на средних по размеру предприятиях, т. е. как раз на машиностроительных заводах. Предприятия свыше 1000 рабочих — это текстильные фабрики. По мере увеличения числа рабочих на них доля тех, кто сохранял наиболее прочные связи с землей, уменьшается.

Рабочие Иваново-Вознесенской губернии по их отношению к земле отличались не столько в зависимости от размеров пред-

Таблица 10

Распределение рабочих Ярославской губернии по связи с землей в зависимости от размера предприятия (в % от общего числа)

Предприятия по числу рабочих	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли — без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	имели связь с землей, но не участвовали в обработке	отсутствие связей с землей	Всего
До 30	37,0	3,7	3,7	14,8	40,8	100
31— 100	21,9	2,6	0,6	5,2	69,7	100
101— 500	7,5	3,8	0,9	6,6	81,2	100
501—1000	12,7	4,6	—	5,8	76,9	100
1001—2500	14,9	0,8	4,1	4,4	75,8	100
2500—5000	9,9	0,6	0,3	7,7	81,5	100
ЯБМ	3,6	—	0,5	14,0	81,9	100
Всего	10,5	1,3	1,2	8,5	78,5	100

приятий (почти все текстильные фабрики губернии были крупными), сколько от принадлежности к типу населенного пункта. Та же картина характерна и для Ярославской губернии. Отношение к земле рабочих этих двух губерний в зависимости от типа поселения видно из табл. 11.

Таблица 11

Распределение рабочих Ярославской и Иваново-Вознесенской губерний по связи с землей в зависимости от типа поселения (в % от общего числа)

Поселения	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли — без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие связей с землей	Всего
Ярославская губерния						
Ярославль	5,0	—	0,3	12,2	82,5	100
Прочие города	7,0	0,3	0,3	5,8	86,6	100
Поселки, села, деревни и т. д.	17,7	3,2	2,3	6,3	70,5	100
Иваново-Вознесенская губерния						
Иваново-Вознесенск .	10,6	1,6	1,1	9,7	77,0	100
Прочие города	21,4	1,5	0,2	6,6	70,3	100
Поселки, села, деревни и т. д.	29,6	1,8	0,8	9,6	58,2	100

Теперь более отчетливо проступают причины различий в отношении к земле рабочих этих губерний. Различия в отношении к земле рабочих самого Ярославля и Иваново-Вознесенска не столь существенны. Более ощутимы расхождения в других городах и в сельской местности. Отсюда можно яснее представить себе роль крупных фабрично-заводских и торговых центров в отделении рабочего класса от земли.

В целом же промышленное развитие в двух губерниях захватило как город, так и сельскую местность. А вот в Тульской губернии промышленное развитие еще мало коснулось сельских районов. В этом отношении Тульская губерния близка к непромышленным губерниям.

Отношение к земле некоторых профессиональных отрядов рабочих, общих для Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний, было следующим (см. табл. 12).

Таблица 12

Распределение рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний по связи с землей в зависимости от профессиональных групп (в %)

Профессиональные группы	Губернии	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли: без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие связей с землей	Всего
Металлисты	Я.	4,8	1,5	3,0	1,5	89,2	100
	И.-В.	26,1	—	—	8,7	65,2	100
	Т.	17,5	1,5	—	1,4	79,6	100
Текстильщики	Я.	8,9	0,9	1,4	8,5	80,3	100
	И.-В.	23,4	1,3	0,6	9,4	65,3	100
	Т.	56,2	3,1	—	3,1	37,6	100
Разные рабочие	Я.	13,5	0,5	1,6	10,0	74,4	100
	И.-В.	14,1	—	5,1	5,1	75,7	100
	Т.	30,7	3,9	—	4,6	60,8	100
Местнотранспортники	Я.	8,6	—	—	13,0	78,4	100
	И.-В.	8,3	—	8,3	—	83,4	100
Рабочие силовых установок	Я.	13,6	—	1,4	12,0	73,0	100
	И.-В.	14,8	3,7	—	11,1	70,4	100
	Т.	10,9	—	—	15,6	73,5	100
Пищевики	Я.	38,0	—	—	4,8	57,2	100
	Т.	62,6	—	—	—	37,4	100

Кроме указанных в таблице, общим профессиональным отрядом для данных губерний были печатники, чаще всего вообще не

имевшие связи с землей. Менее всего были связаны с землей металлисты, за исключением Иваново-Вознесенской губернии, где в этой профессиональной группе большинство составляли рабочие вспомогательного производства. Для многих профессий крупного производства (текстильщиков, разнорабочих, рабочих силовых установок) характерно неучастие в обработке земли. Это еще раз подтверждает вывод о роли крупного фабрично-заводского производства в отрыве от земледелия недавних выходцев из деревни.

На отношение к земле оказывали влияние особенности привлечения рабочей силы в разные годы (см. табл. 13). В 1917—1918 гг.,

Таблица 13

Распределение рабочих Ярославской, Иваново-Вознесенской и Тульской губерний по связи с землей в зависимости от стажа в профессии (в % к итогу)

Стаж в годах	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли: без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	имели связь с землей, но не участвовали в ее обработке	отсутствие связей с землей	Всего
Ярославская губерния						
До 1	13,0	—	—	8,0	79,0	100
1—4	11,2	1,3	1,7	7,6	78,2	100
4—10	10,7	2,8	0,9	7,4	78,2	100
Свыше 10	8,1	1,0	1,4	11,3	78,2	100
Иваново-Вознесенская губерния						
До 1	18,8	3,3	0,8	8,4	68,7	100
1—4	28,5	2,0	2,0	5,5	62,0	100
4—10	24,8	0,7	0,3	7,3	66,9	100
Свыше 10	19,6	2,2	1,1	10,6	66,5	100
Тульская губерния						
До 1	40,0	5,6	0,6	3,6	50,2	100
1—4	23,5	2,4	0,8	1,1	72,2	100
4—10	16,4	0,6	0,3	4,7	78,0	100
Свыше 10	15,3	—	0,3	3,6	80,8	100

как правило, принимались на работу выходцы из пролетарских семей. Зато в годы первой мировой войны на фабрики и заводы пришли тысячи недавних крестьян, сохранивших связь с деревней. Исключение здесь составляет Тульская губерния. Развитие оборонной и топливной промышленности потребовало вовлечения в сферу промышленного труда в 1917—1918 гг. новых контингентов рабочих, пришедших из деревни.

Данные табл. 13 показывают, какое влияние оказывала продолжительность работы на производстве на разрыв хозяйственных связей с деревней.

Наиболее прочная связь с собственным хозяйством, зафиксированная переписью, — это уход с производства на полевые работы.

Общее число уходивших на полевые работы, зарегистрированное переписью, было минимальным для всех рассматриваемых губерний [4]. В Ярославской губернии постоянно уходили на полевые работы, 1,0% пролетариев, в 1917 г.—1,8%, в 1918 г.—3,9%; в Иваново-Вознесенской — соответственно 0,5; 0,6; 2,8%; в Тульской — 2,2; 1,6; 2,5%. Число уходивших на полевые работы из-за тяжелого положения в промышленности и голода значительно увеличилось в 1918 г.

Среди уходивших на полевые работы зарегистрированы совершенно определенные категории рабочих. Это почти всегда, во-первых, рабочие, имевшие какое-то отношение к земле, во-вторых, работавшие на мелких предприятиях, в-третьих, — менее квалифицированные рабочие, в-четвертых, многие рабочие-сезонники. Кроме того, на полевые работы уходили рабочие, как правило, имевшие в деревне семью или дом.

Приведем некоторые фактические данные об уходивших на полевые работы. В Ярославской губернии в пищевой промышленности уходило на полевые работы постоянно 7,0%, в 1917 г.— 10,9 и в 1918 г.—13,9% рабочих, в производстве одежды и обуви постоянно 6,0%, в 1917 г.— 7,0 и в 1918 г.— 11,7% рабочих. Как раз предприятия этих отраслей являются самыми мелкими в фабрично-заводской промышленности. С предприятий размером до 30 рабочих уходили на полевые работы постоянно 11,2%, в 1917 г. — 14,3, в 1918 г. — 14,3% от общего числа всех занятых. На предприятиях с числом рабочих 31—100 постоянно уходили на полевые работы 4,1%, в 1917 г.—6,8, в 1918 г.—9,4% всех занятых. Среди рабочих машиностроения и металлообработки постоянно уходивших на полевые работы не было, а в 1917 и 1918 гг. их доля составила всего 1,6%. Среди рабочих текстильных фабрик доля уходивших составляла: постоянно — 0,3%, в 1917 г. — 0,4, в 1918 г. — 3,1%, т. е. была ниже средней по губернии. Примерно таким же было положение с уходом на полевые работы рабочих текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии.

---

[4] В центральных промышленных губерниях доля лиц, участвовавших в полевых работах, была, по всей видимости, выше, чем зарегистрировала перепись, так как многие рабочие могли участвовать в них, не прерывая труда в фабрично-заводской промышленности. Об этом говорят, в частности, многочисленные жалобы администрации предприятий на прогулы рабочих в период весенних и осенних полевых работ. По данным статистики профсоюзов весной невыход в связи с полевыми работами поднимался до 30% в неделю («Металлист», 1920, № 8—9, стр. 220). На хозяйственные работы употреблялись также праздники и выходные.

По профессиям наиболее активными в уходе на полевые работы в Ярославской губернии были швейники (17,7; 11,8; 23,6%), пищевики (14,3; 19,1; 23,9%), рабочие силовых установок (3,1; 8,5; 9,9%). Среди последних на полевые работы чаще всего уходили кочегары мелких промышленных предприятий. В Тульской губернии на полевые работы уходили многие горнорабочие. По нашим данным, здесь и до революции и после революции таких рабочих было около 30%. Среди металлистов доля постоянно уходивших на полевые работы составляла всего 0,6%.

Примерно таким же образом обстоит дело и с другими формами связи с деревней. Так, в Ярославской губернии доля рабочих, оставивших семьи в деревне, наиболее значительной была у швейников (35,0%), кожевников (21,8%), пищевиков (19,0%), деревообделочников (15,2%) и строителей (14,2%). А всего семьи жили отдельно у 7,1% рабочих. В Иваново-Вознесенской губернии отдельно жили семьи у 8,4% текстильщиков — столько же, сколько и у всех рабочих. В Тульской губернии отдельно жили семьи у 16% рабочих, причем у металлистов — 12, у горнорабочих — 2,8%.

Доля рабочих, имевших собственные дома далеко от фабрик и заводов, в Ярославской губернии была 10,1%, в Иваново-Вознесенской — 18,9%, в Тульской — 17,0%. Это соотношение будет более ясным, если мы учтем процент рабочих, имевших собственные дома и проживавших в них. В Ярославской губернии собственные дома имели 30,1% рабочих, а жили в них только 22,6% рабочих, в Иваново-Вознесенской — 62,1 и 47,6%, в Тульской — 53 и 40,7%. Значит, оставили свои дома соответственно по трем губерниям — 7,5, 14,5 и 12,3% рабочих.

Доля семей, живущих отдельно, после революции несколько увеличилась: рабочие отправляли своих родственников в деревню вследствие продовольственного кризиса в городах. Однако по сравнению с Петроградом в ЦПР доля таких рабочих была невелика. В Ярославской губернии отправили в деревню семьи только 0,6% рабочих, в Иваново-Вознесенской — 0,4, в Тульской — 0,2%.

Сопоставление признаков, дающих производственную характеристику рабочего класса и его отношения к крестьянской среде, с рядом демографических показателей позволяет конкретизировать многие социальные связи внутри рабочего класса.

При анализе демографических признаков выявляется целый ряд естественных связей, не требующих специального исследования. Например, связь между возрастом и стажем рабочих говорит о том, что чем больше их возраст, тем больше их стаж. Или возьмем связь возраста и возраста первоначального поступления на предприятия: чем старше рабочие, тем больше вероятность встретить между ними лиц, пришедших в промышленность в зрелом возрасте. Естественна также связь между возрастом и семейным положением: чем старше опрошенные, тем больше вероятность появления семейных и многосемейных рабочих. И тем не менее

многие связи демографических признаков заслуживают самого внимательного рассмотрения.

В Ярославской и Иваново-Вознесенской губерниях обращает на себя внимание большое число женщин среди рабочих. В первой они составляли 49,3% рабочих, во второй—37,2, тогда как в Тульской — только 10,2%. Это объясняется преобладанием в Ярославской и Иваново-Вознесенской губерниях текстильных отраслей, характеризующихся привлечением главным образом женского труда. В Ярославской губернии доля женщин среди текстильщиков составляла 71,5%, в Иваново-Вознесенской — 62,5, в Тульской — 72%. В Иваново-Вознесенской губернии, где текстильное производство было практически единственной отраслью, мужчин среди текстильщиков больше. Таким образом, ивановские ткачи — более мужской отряд рабочего класса, чем текстильщики других районов страны. Металлисты во всех губерниях почти полностью состояли из мужчин. Несколько возрастает доля женщин среди пищевиков, химиков, разнорабочих. Женскими по составу кроме текстильщиков были профессии табачников.

Преобладание женщин наложило отпечаток на уровень образования рабочих Ярославской и Иваново-Вознесенской губерний. Известно, что в этом отношении женщины в дореволюционной России сильно отставали от мужчин. Уровень образования среди рабочих и работниц в рассматриваемых губерниях был следующим (см. табл. 14).

Таблица 14

Распределение рабочих по образованию в зависимости от пола (в %)

Пол	Образование: низшее общее, законченное	Образование: низшее общее, незаконченное	Образование: незаконченное среднее	Образование: низшее профессиональное, законченное	Образование: низшее профессиональное, незаконченное	Образование: прочее	Самообразование	Неграмотные рабочие*	Итого
Ярославская губерния									
Мужчины	35,4	28,5	2,3	2,3	0,6	0,2	10,1	20,6	100
Женщины	10,7	18,4	3,4	—	—	—	2,8	64,7*	100
Все рабочие	24,8	21,3	1,8	1,2	0,2	0,2	7,2	43,3	100
Иваново-Вознесенская губерния									
Мужчины	35,8	31,8	—	0,5	—	—	7,4	24,5	100
Женщины	14,7	19,5	0,5	—	—	—	2,4	62,9	100
Все рабочие	17,9	21,8	0,3	0,2	—	—	5,9	53,9	100
Тульская губерния									
Мужчины	35,4	32,8	0,3	3,0	—	1,3	5,5	21,7	100
Женщины	20,0	14,4	1,1	—	—	—	2,2	62,3	100
Все рабочие	33,5	31,7	0,4	2,7	—	1,2	5,2	24,8	100

* Включая лиц, не указавших об образовании.

Данные таблицы показывают, что различия по губерниям обусловлены более низким образованием женщин.

Особенностью женского труда является также сравнительно поздний приход на производство. Так, в Ярославской губернии средний возраст поступления на предприятия мужчин был 16,0 лет, женщин—18,1 года; в Иваново-Вознесенской: мужчин—14,8 года, женщин – 16,3 года; в Тульской: мужчин — 14,3 года, женщин — 20,7 года.

Очень интересны связи с другими показателями такого признака, как возраст. Дело в том, что возраст кроме обычной демографической характеристики дает представление о длительности пребывания в рабочей среде. При тесной взаимосвязи возраста и стажа рабочих во многих случаях возрастные распределения позволяют судить о важных социальных характеристиках рабочих.

Приведем табл. 15, характеризующую соотношение возраста и связей с землей. Согласно таблице, наиболее связаны с землей молодые рабочие от 16 до 20 и 21—25 лет, а в Тульской губернии также и в возрасте 26—30 лет. Средняя длительность пребывания на производстве рабочих первой возрастной категории 3—4 года, второй — 6—7 лет и третьей — 9—10 лет. Таким образом, часть молодых, не успевших пройти длительной школы крупного производства, рабочих еще не порвала связей с землей.

Однако этот факт заставляет несколько по-иному взглянуть на само отношение к земле. Дело в том, что для молодого рабочего оно не обязательно связано с личным участием в полевых работах, не обязательно он должен быть владельцем земли и главой семьи. Такие рабочие поступали на производство очень рано и были прочно к нему привязаны. Интересно, что с увеличением возраста рабочих среди них становится больше лиц, не участвовавших в обработке земли. Таким образом, при увеличении длительности связи с промышленностью хозяйственные связи, а также и старые семейные связи слабели.

Особенно четко прослеживается связь отношения к земле с семейным положением рабочих. В Ярославской губернии среди рабочих, имевших какое-либо отношение к земле, 46,6% еще не обзавелись собственной семьей, а среди остальных рабочих—32,4%. В Иваново-Вознесенской губернии — соответственно 50 и 33,2%. В Тульской губернии доля рабочих, не вступивших в браки, среди связанных и не связанных с землей одинакова — 37%. Изучение составов семей рабочих в связи с их отношением к земле показывает следующую картину (см. табл. 16).

Данные таблицы наглядно демонстрируют, что наиболее связанными с землей оказываются младшие члены многочисленных по составу семей. Среди связанных с землей зарегистрирован наибольший процент лиц, семьи которых жили отдельно. Число рабочих и работниц, живущих в одиночку на квартирах и в казармах для рабочих, особенно велико в текстильных губерниях. Как правило, это были наиболее молодые по возрасту рабочие и работницы.

Таблица 15

Распределение рабочих по связи с землей в зависимости от возраста (в %)

Возраст	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли — без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие связей с землей	Всего
Ярославская губерния						
До 15 вкл.	5,3	—	—	—	94,7	100
16—20	16,8	0,4	0,8	7,8	74,2	100
21—25	13,8	1,7	2,2	5,3	77,0	100
26—30	7,6	1,0	1,5	9,0	80,9	100
31—40	7,0	2,3	0,8	11,9	78,0	100
42—50	5,7	1,4	2,1	12,9	77,9	100
Свыше 50	7,7	2,4	3,6	15,7	70,6	100
Иваново-Вознесенская губерния						
До 15 вкл.	17,6	—	—	11,8	70,6	100
16—20	33,3	2,0	0,9	6,8	57,0	100
21—25	32,0	1,3	—	5,3	61,4	100
26—30	20,0	1,4	—	6,2	72,4	100
31—40	16,4	1,9	1,4	12,7	67,6	100
41—50	23,1	3,1	1,3	11,3	61,2	100
Свыше 50	19,1	1,5	—	14,7	64,7	100
Тульская губерния						
До 15 вкл.	50,0	16,6	—	—	33,4	100
16—20	29,3	1,3	0,5	1,3	67,6	100
21—25	32,1	1,6	—	2,2	64,1	100
26—30	31,5	2,5	—	2,5	63,5	100
31—40	24,7	4,1	0,4	3,7	67,1	100
41—50	20,3	1,1	—	1,1	77,5	100
Свыше 50	10,2	1,8	—	—	88,0	100

Молодежь значительно отличалась от остальных рабочих по уровню образования. Например, количество неграмотных среди пролетариев Ярославской губернии по возрастам распределялось следующим образом: среди рабочих до 15 лет было всего 8,3% неграмотных, от 16 до 20 лет — 27, от 21 года до 30 лет — 30,5, от 31 года до 45 лет — 32, от 46 до 60 лет — 47 и свыше 60 лет — 80%. Молодые рабочие, как правило, имели более высокий уровень образования. Уровень образования был связан с местом рождения, так как выходцы из городов были более грамотны, чем выходцы из деревни.

Значительная связь наблюдается между местом рождения рабочих и их социальной характеристикой. Дело в том, что урожен-

Таблица 16

Распределение рабочих по связи с землей в зависимости от семейного положения (в %)

Количество человек в семье	Отношение к земле: Ярославская губерния — участие рабочих или членов их семей в обработке земли	неучастие в обработке земли	отсутствие связей с землей	Иваново-Вознесенская губерния — участие рабочих или членов их семей в обработке земли	неучастие в обработке земли	отсутствие связей с землей	Тульская губерния — участие рабочих или членов их семей в обработке земли	неучастие в обработке земли	отсутствие связей с землей
Одиночки	12,1	29,2	45,6	8,1	20,0	33,3	7,3	33,3	27,0
2—3	13,2	21,2	22,8	11,4	31,1	25,3	14,5	24,0	28,0
4—5	22,0	24,1	16,6	20,7	21,1	20,4	22,3	17,1	18,2
6—8	18,4	11,0	8,4	29,3	14,4	12,0	26,7	12,5	14,6
9 и больше	4,0	—	0,9	11,3	—	1,9	7,4	—	2,7
Семьи с невыясненным составом, живущие отдельно	22,3	5,8	2,6	11,8	7,4	3,0	12,9	7,7	2,8
Семьи с невыясненным составом, живущие вместе	8,0	8,7	3,1	7,4	6,0	4,1	8,9	5,4	6,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

цы городов, и в первую очередь выходцы из рабочего класса, значительно отличались от других рабочих. Правда, такие рабочие не составляли большинства в основной массе. В Ярославской губернии уроженцев городов было всего 15,8%, в Иваново-Вознесенской и того меньше — 1,1, зато в Тульской губернии их доля возрастала до 43,7%. Больше всего потомственных горожан было среди металлистов: в Ярославской губернии, например,—26,1%. Из числа машиностроителей Ярославля и Рыбинска уроженцы города составляли 33%. В Туле, где рабочие на 3/4 состояли из металлистов, наибольшее число местных уроженцев — около 53%. Текстильщики в подавляющем числе случаев были выходцами из деревень.

Примерно так же выглядит и география места рождения рабочих. Выходцы из близлежащих губерний, а точнее, из сельской местности близлежащих территорий составляли большинство рабочих ЦПР. Только в Ярославской губернии, где находились эвакуированные предприятия, были зарегистрированы выходцы из Петрограда, Прибалтики, Белоруссии. Здесь же наблюдался и несколько более пестрый национальный состав рабочих. Если в Иваново-Вознесенской губернии рабочих нерусской национальности было менее 1% общего числа, в Тульской — 1,2, то в Ярославской губернии — 7,8%.

Анализ приведенных цифр показал, что рабочие Центрального промышленного района были типичным отрядом фабрично-заводского пролетариата России, достигшим к моменту революции высокого уровня развития. Рост и укрепление позиций крупного производства сыграли свою роль в привлечении в промышленность громадных масс сельского населения района и в отделении его от сельскохозяйственных занятий. Тем не менее специфика складывания промышленных кадров в данном районе, характеризуемая тесной связью с местным рынком рабочей силы, оказывала влияние на сохранение традиционных связей с деревней. Хозяйственные, семейные и родственные связи в ЦПР были более прочными, чем в Петрограде. Несомненно, что большую роль в сохранении этих связей играло размещение производства в непосредственной близости от сельской округи. Это позволяло вовлекать в промышленное производство высвобождающуюся в земледелии рабочую силу, которую составляли, как правило, младшие члены крестьянских семей. Совершенно очевидно, что в образовании промышленных кадров прежде всего участвовали пролетарии и полупролетарии деревни. По прошествии ряда лет работы на фабриках и заводах крестьянская молодежь вливалась в состав кадровых рабочих, для которых работа в промышленности была уже единственным источником существования.

Отголоски представлений о рабочих центральных губерний как о неразвитом отряде российского пролетариата большей частью основываются на данных земской и официальной статистики того времени, когда происходил процесс формирования рабочего класса. Уже источники периода империализма, на которые обращал внимание В. И. Ленин, совершенно определенно отвечают на вопрос, куда ведет развитие крупного капиталистического производства в России, дают представление о громадных качественных изменениях в составе рабочего класса. Именно последние 2—3 десятилетия дореволюционного периода были характерны ускоренной пролетаризацией.

Особенно наглядно демонстрируют нам эти качественные изменения данные профессиональной переписи 1918 г. Значительный стаж работы в промышленном производстве приводил к быстрому отрыву от земледелия выходцев из деревни, пополнявших ряды рабочего класса. Рабочих, рассматривавших свое пребывание в промышленности как временное, как дополнительный источник дохода, в фабрично-заводской промышленности практически не было. Таких рабочих, по всей видимости, можно найти в других сферах народного хозяйства.

В годы первой мировой войны наибольшие изменения произошли в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, где увеличилась доля выходцев из деревни. Во всех отраслях промышленности, особенно текстильной, возросло число женщин и подростков, пришедших на фабрики и заводы вместо мобилизованных на фронт рабочих. Некоторые исследователи считают, что в годы войны на производстве увеличилось число выходцев из деревни, связанных с землей[5]. Следует, однако, учесть, что рост выходцев из деревни не сопровождался в эти годы укреплением связей с землей, так как ввиду мобилизаций в среде малоземельного крестьянства на производство устраивались все трудоспособные члены семьи. Такие лица постепенно теряли связь с землей[6].

После революции качественный состав рабочего класса, с одной стороны, сильно усереднился в связи с отрывом от производства многих передовых рабочих и уходом чуждых для рабочего класса элементов. С другой стороны, некоторая часть рабочих в связи с общим ухудшением положения в стране, остановками и перерывами производства возобновила хозяйственные связи с деревней. Однако в рассматриваемый момент, так же как и в Петрограде, в Центральном промышленном районе сохранились основные кадры пролетариата.

Наиболее развитым отрядом пролетариата в ЦПР, как показывает анализ данных переписи, были городские металлисты основного производства, т. е. металлообработки и машиностроения, имевшие значительный стаж в промышленности и зачастую потомственную принадлежность к рабочей среде. Металлисты вспомогательного производства на крупных заводах и фабриках также отличались от других рабочих более длительным стажем и разрывом

[5] См. О. И. Шкаратан. Социальная структура рабочего класса СССР, стр. 202.

[6] См., например, «Статистика труда», 1918, № 2—3, стр. 25.

связи с деревней. Роль передовых по отношению к другим рабочим выполняла также наиболее квалифицированная часть и других профессиональных отрядов крупного производства. Передовые рабочие характеризовались более высоким уровнем заработной платы, так как у них была квалификация выше среднего уровня. Они имели более высокий уровень образования, чаще вовлекались в общественную работу. Эти рабочие практически порвали связи с крестьянским хозяйством и полностью усвоили пролетарскую психологию.

Наиболее крупным профессиональным отрядом ЦПР были текстильщики. В свое время отношение между металлистами и текстильщиками В. И. Ленин определял как отношение передового слоя к основной рабочей массе. Текстильщиков характеризовал длительный стаж работы в промышленности, отсутствие прочных хозяйственных связей с деревней.

Наиболее низкие социальные показатели имели рабочие некоторых специфических для фабрично-заводской промышленности производств, близких по типу к мелким кустарным заведениям. Они работали главным образом на неквалифицированных должностях и частью на сезонных предприятиях. Значительная часть их была связана с землей, и многие уходили на полевые работы в собственные хозяйства. Эти рабочие считали свое пребывание на производстве временным, рассматривая его как важное подспорье в получении дохода.

В трудные годы революции и гражданской войны рабочие ЦПР показали высокую революционную сознательность, стойкость и выдержку. Именно Петроград и Центр оказались неприступными твердынями пролетарской власти в годы гражданской войны и сдержали натиск контрреволюции.

ГЛАВА V

РАБОЧИЕ ПРИУРАЛЬЯ

В исторической литературе нет единства в оценке социального облика рабочих Урала. В свое время народническая и буржуазная историография считала, что пролетариата как такового на Урале не было, что занятые в промышленности представляли собой так называемых «полурабочих-полукрестьян». Отголоски этих представлений нередко можно было встретить у советских историков и особенно в работах, написанных до середины 30-х гг. В настоящее время утвердилось мнение, что к моменту Октябрьской революции уральские рабочие стали такими же пролетариями, как их собратья в Центре и на Юге страны.

Материалы переписи отчасти позволяют рассмотреть вопрос о специфике уральского пролетариата, его структурных особенностях в связи с изучением пролетариата всей республики.

Уральский район в нашей выборке представлен материалами Вятской губернии, хотя эта губерния в 1918 г. соединяла в себе черты хозяйственного развития не только Урала, но также Севера и Центра. Основное место в структуре промышленного производства губернии занимал комплекс заводов по обработке металла и производству машин и вооружения, расположенных в Сарапульском уезде (города Ижевск и Воткинск), тесно связанных по своему характеру с уральской промышленностью. Производство здесь приняло особенно большие масштабы в годы мировой войны. В период демобилизации промышленности весной 1918 г. многие металлообрабатывающие заводы Урала, связанные с производством пушек, снарядов и других видов оружия остановились, однако сумели быстро перестроиться. Поэтому здесь было меньше безработных, чем в Центре страны. Промышленная перепись зафиксировала на 31 августа 1918 г. в металлообработке и машиностроении более 23 тыс. рабочих. Ко времени проведения профессиональной переписи Сарапульский уезд оказался в прифронтовой полосе и в районе боевых действий.

В результате этого всех рабочих металлообработки и машиностроения переписать не удалось. В перепись вошел Ижевский оружейный завод, на котором число рабочих по оценке промышленной переписи составляло свыше 5000 человек. Однако вследствие

Таблица 1

Распределение рабочих Вятской губернии по размеру предприятий в зависимости от отрасли промышленности (в %)

Отрасли промышленности	Предприятия по числу рабочих										Итого по каждой отрасли	Доля рабочих данной отрасли в промышленности губернии
	до 30		31—100		101—500		501—1000		свыше 1000			
	А*	Б**	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б		
Горная и горнозаводская	1,1	6,3	6,5	13,4	33,7	5,0	58,7	71,1	—	—	100	13,0
Металлообработка и машиностроение	0,6	6,2	3,4	13,4	2,2	1,7	—	—	93,1	84,0	100	31,0
Кожевенная	5,6	56,2	11,7	42,0	68,6	54,8	14,1	28,9	—	—	100	27,1
Текстильная, производство обуви и обмундирования	—	—	8,5	8,9	27,7	5,7	—	—	63,8	16,0	100	8,2
Производство спичек и лесопильные заводы	13,9	31,3	19,4	15,6	66,7	10,0	—	—	—	—	100	6,0
Производство бумаги	—	—	—	—	100	14,9	—	—	—	—	100	6,3
Производство стекла	—	—	—	—	100	7,9	—	—	—	—	100	5,0
Прочие	—	—	100	6,7	—	—	—	—	—	—	100	3,4
Итого по каждой группе предприятий		100		100		100		100		100		100
Удельный вес каждой группы предприятий	2,8		7,8		41,8		13,2		34,4		100	

* А — удельный вес рабочих, занятых на предприятии данного размера среди всех рабочих отрасли.
** Б — удельный вес рабочих данной отрасли от всех рабочих, занятых на предприятиях этого типа.

эвакуации профессиональной переписью удалось охватить лишь несколько более 3,5 тыс. рабочих Ижевского завода [1].

Они в основном определяли социальный облик пролетариата Вятской губернии.

Для нас особый интерес представляет изучение рабочих горных заводов в Глазовском и Слободском уездах губернии. Среди них крупнейшими были Омутнинский, Песковский, Кирсинский. Число рабочих на горных заводах в 1918 г. также сократилось, но все же по оставшимся на производстве можно получить представление о рабочих металлургической промышленности.

Из других отраслей производства Вятской губернии следует отметить сильно развитую кожевенную промышленность. Здесь было довольно много фабрик по производству обмундирования и обуви, имелись стекольные заводы, спичечные и писчебумажные фабрики.

Характер промышленности в Вятской губернии, как видим, мало чем отличался от других районов страны, хотя отсталость местной производственно-технической базы оказывала несомненное влияние на уровень промышленного производства. Следует упомянуть, что накануне и в годы войны отсталые отношения в уральской промышленности стали быстро разрушаться под влиянием проникновения финансового капитала. Быстро увеличивалась концентрация производства, росла производительность труда. Эти изменения частично отразила промышленная и профессиональная перепись на примере Вятской губернии.

О структуре промышленного производства в Вятской губернии и о его концентрации можно судить по данным табл. 1.

Основная масса рабочих губернии была сосредоточена на средних по размеру предприятиях, которые оказались наиболее устойчивыми в трудных для промышленности условиях гражданской войны. Общее число рабочих в Вятской губернии, согласно профессиональной переписи (без учета захваченных врагом территорий), — 14912.

О профессиональном составе рабочих губернии дает представление табл. 2.

Таким образом, в профессиональной структуре основное место принадлежало металлистам, затем шли кожевники и рабочие, не имевшие постоянной квалификации. Металлисты были ведущим отрядом прежде всего в металлообработке и машиностроении. На Ижевском заводе они составляли 55,1% от общего числа рабочих, разнорабочие — 40,1, рабочие строительных специальностей — 2,4, рабочие силовых установок — 1,2, деревообделочники — 0,6,

[1] Промышленная перепись дает оценку по состоянию на 31 августа 1918 г. Однако между критическим днем переписи и временем ее фактического проведения лежит период Ижевского контрреволюционного мятежа и ожесточенных боевых действий. Ижевск был освобожден Красной Армией в годовщину Великого Октября. В этот период происходила эвакуация и реэвакуация Ижевского завода.

Таблица 2

Распределение рабочих Вятской губернии по профессиональным группам в зависимости от отрасли производства (в %)

Отрасли промышленности	Профессиональные группы: горнорабочие	металлисты	деревообделочники	писчебумажники	текстильщики	швейники	кожевники	химики	стеклофарфорщики	строители	местнотранспортники	рабочие силовых установок	разнорабочие	прочие	всего
Горная и горнозаводская	40,8	17,3	2,7	—	—	—	—	—	—	6,8	1,4	2,7	25,7	2,6	100
Металлообработка и машиностроение	—	54,2	1,7	—	—	—	—	—	—	2,3	0,6	1,1	40,1	—	100
Кожевенная	—	2,6	3,8	—	—	—	73,3	—	—	—	0,6	1,9	16,6	1,2	100
Текстильная, производство одежды и обуви	—	6,3	—	—	8,3	14,6	37,5	—	—	2,1	—	2,1	29,1	—	100
Производство спичек и лесопильные заводы	—	7,0	56,2	—	—	—	—	7,0	—	—	3,5	7,0	19,3	—	100
Производство стекла	—	5,3	—	—	—	—	—	—	68,3	5,3	—	5,3	15,8	—	100
Производство бумаги	—	2,8	—	66,7	—	—	—	2,8	—	—	2,8	5,6	19,3	—	100
По всем отраслям	1,4	25,5	8,0	4,2	0,6	1,2	23,1	0,7	2,4	1,9	1,0	2,3	26,9	0,8	100

возчики и грузчики — 0,6%. Металлисты были ведущим отрядом также на горных заводах и достаточно широко представлены в других отраслях производства.

Необходимо отметить ухудшение профессионально-квалификационного состава рабочих губернии в связи с процессами, происходившими в промышленности в предшествующий переписи период.

По традиции внутри уральского пролетариата выделяют постоянных и вспомогательных рабочих. Последняя категория с трудом прослеживается в составе рабочих Вятской губернии. По мнению некоторых исследователей, общее число вспомогательных рабочих вообще трудно учесть [2]. Несомненно, что зарегистрированные переписью лица представляли постоянно занятых на заводах рабочих.

Размещение производства в Вятской губернии было довольно своеобразным и отличным от других районов страны. В губернском центре оказалось всего 3,3% рабочих. Слабо развитыми в промышленном отношении были и другие города губернии, за исключением Ижевска и Воткинска. Основная масса рабочих была сосредоточена в сельских районах. Металлургические заводы, расположенные в сельской местности, были типично уральскими по своим производственным показателям, по особенностям привлечения и формирования промышленных кадров.

Отчасти вопрос об источниках формирования кадров промышленности Вятской губернии можно проследить по данным о месте рождения рабочих. В своем большинстве рабочие Приуралья местного происхождения [3]. 84,2% их родились в Вятской и Пермской губерниях. Потомственные горожане составляли здесь всего 9,4%. Среди рабочих самой Вятки 74% уроженцев Приуралья, 5,3 — выходцев из губерний Средней Волги, 10,5 — из северных губерний, 10,3% — из западных губерний Белоруссии, Польши, Литвы и Прибалтики. Последние были большей частью беженцы и эвакуированные, находившиеся здесь с начала первой мировой войны [4].

Среди рабочих других городов 77,1% местных уроженцев, 7,0 — выходцев из поволжских губерний, 2 — из центральных губерний, 2 — из северных и северо-западных губерний и 8,6% — из западных. Выходцы из западных районов страны были сосредоточены преимущественно на Ижевском заводе.

В сельской местности, в том числе на горных заводах, большинство занятых было местного происхождения. 91% рабочих

---

[2] См. В. В. Адамов. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала. В кн.: «Рабочий класс и рабочее движение в России», стр. 177.

[3] В литературе, посвященной рабочим Урала, большое место отводится соотношению местного и пришлого населения. В нашем случае данные указывают только на уральское происхождение.

[4] Уже в 1915 г. в Вятской и Пермской губерниях находилось 100 тыс. беженцев. См. М. Гильберт. Ук. соч. В сб.: «История пролетариата», 1934, сб. 3, стр. 208.

сельской местности родились в Вятской и Пермской губерниях, 4 — в поволжских губерниях, 2,4 — в центральных губерниях, 1,7% — в западных и северо-западных губерниях. На горных заводах местные уроженцы составляли от 90 до 96%. Уроженцев городов было больше всего на Ижевском заводе — 16%. По профессиям наибольшим числом местных уроженцев отличались горнорабочие и рабочие силовых установок (100%), затем шли кожевники — 91%, деревоотделочники — 87, разнорабочие — 84, металлисты — 78%, причем среди последних металлисты горных заводов были почти полностью местными уроженцами.

Уроженцев городов Вятской губернии в большинстве своем отличала потомственная принадлежность к рабочей среде, тесная связь с промышленностью, сравнительно высокий уровень профессиональной квалификации. Это выражалось, в частности, в более высокой оплате их труда. Если уроженцы деревни получали в среднем 277 руб., то потомственные горожане — 378 руб.

По размеру заработка можно в некоторой степени судить о профессионально-квалификационных различиях среди рабочих. Если средний размер заработка по губернии составлял без малого 300 руб. (только в денежном выражении), то в металлообработке и машиностроении рабочие получали в среднем 345, в кожевенной промышленности — 346, в текстильной, обувной и швейной — 276, в писчебумажной, деревообрабатывающей и спичечной — 255, в горнозаводской — 254, в стекольной — 167 руб.

Наиболее высокооплачиваемыми были рабочие силовых установок. В среднем они зарабатывали 367 руб., кожевники — 346, металлисты — 308 (причем на Ижевском заводе — свыше 360, а на горных заводах — 270 руб.), текстильщики и швейники — 300, рабочие строительных специальностей — 264, разнорабочие — 259, горнорабочие — 250, писчебумажники — 246, химики — 233, деревоотделочники — 227, грузчики и возчики — 200, стеклофарфорщики — 133 руб.

Рабочие Вятки получали в среднем 335 руб., других городов — 334, а сельских районов — 267 руб. Таким образом, размер заработной платы в сельской местности был несколько ниже и различия в оплате были обусловлены не только характером труда рабочих. Ставки на многих заводах сельской местности были в это время спекулятивными, в зависимости от цен на продукцию этих предприятий на вольном рынке.

Принадлежность обследованных к той или иной отрасли производства, уровень их профессиональной подготовки были связаны с длительностью пребывания в рабочей среде. Новые пополнения в Вятской губернии, как правило, поступали на фабрики и заводы в сравнительно высоком возрасте — 17,3 года. Очень рано приходили на производство рабочие горнозаводской промышленности — средний возраст вновь поступивших здесь был 14,8 года.

Ижевский завод, напротив, отличался поздним возрастом новых пополнений прежде всего за счет большого числа бывших

солдат и беженцев, являвшихся главным образом разнорабочими. Средний возраст поступления на работу у разнорабочих составлял 19,4 года, у стеклофарфорщиков — 12,2, у горнорабочих — 14,9, у писчебумажников — 15,5, у деревоотделочников — 16,0, у металлистов — 16,3, строителей — 16,4, текстильщиков и швейников — 16,6, кожевников — 17,2, рабочих силовых установок — 18,2 года.

Возрастной состав был также неодинаков. Наиболее старым оказался контингент рабочих горнозаводской промышленности: средний возраст составлял у них 35,1 года (против 31 года в целом по губернии). Учитывая ранний приход на производство рабочих горных заводов, можно сказать, что они имели наиболее продолжительную связь с промышленностью. Рабочие других отраслей были значительно моложе. Правда, на Ижевском заводе средний возраст рабочих составлял 33,6 года, но здесь отмечен и более поздний приход на производство.

На всех фабриках и заводах Вятской губернии в 1918 г. было много молодежи. На Ижевском заводе половина рабочих находилась в возрасте до 30 лет, а в кожевенной промышленности — даже 60%. Много молодежи было также в стекольной и писчебумажной промышленности. По профессиям выше, чем в среднем по губернии, был возраст металлистов, рабочих строительных специальностей и силовых установок.

Наиболее продолжительный стаж был у тех, кто имел достаточную профессиональную подготовку. Это особенно наглядно выступает при сравнении стажа в должности и профессии. Соответствующие показатели по отраслям выглядят следующим образом (табл. 3).

Данные таблицы показывают существенные расхождения по стажу в должности и профессии. Дело в том, что в годы войны и революции необычайно усилился процесс перемещений как среди всех категорий населения, так и среди рабочих. Не во всех районах страны этот процесс проявился в одинаковой мере. В Вятской губернии, как и в Петрограде, он был значительным. На фабриках и заводах в производство вовлекались все новые категории лиц. В их числе были и такие, которые после недолгого пребывания на производстве оставляли его, создавая тем самым условия для еще большей текучести рабочей силы. После революции зарегистрировано особенно много лиц, недолго работавших в последней должности. Однако анализ их профессионального состава и подготовки показывает, что многие из них уже работали на фабриках и заводах и имели профессиональные навыки. Металлисты составляли среди них 17,9%, деревоотделочники — 8,8, писчебумажники — 5,5, кожевники — 28,8%. Разнорабочих было только 25,8%, т. е. даже несколько меньше, чем в среднем по губернии. Возраст прихода в промышленность рабочих со стажем в должности менее года был наиболее поздний: 26,6% впервые поступили на предприятия уже старше 20 лет. По всей видимости, среди последних нахо-

Таблица 3

Распределение рабочих Вятской губернии по стажу в должности и профессии в зависимости от отрасли (в %)

Отрасли промышленности		Стаж в годах					Итого
		до 1	1—4	4—10	свыше 10	неустановл.	
Горная и горнозаводская	в должности	27,0	21,6	17,6	24,3	9,5	100
	в профессии	5,4	18,9	20,3	45,9	9,5	100
Металлообработка и машиностроение	в должности	33,5	28,0	15,4	18,2	4,9	100
	в профессии	13,0	18,5	19,0	34,8	14,7	100
Кожевенная	в должности	56,7	21,7	12,1	7,0	2,5	100
	в профессии	10,8	24,2	23,6	37,6	3,8	100
Текстильная, производство одежды и обуви	в должности	41,7	31,3	22,8	2,1	2,1	100
	в профессии	6,2	22,9	37,6	20,8	12,5	100
Производство спичек и лесопильные заводы	в должности	45,8	20,3	11,8	13,6	8,5	100
	в профессии	15,3	18,6	23,8	25,4	16,9	100
Производство бумаги	в должности	52,8	25,0	8,3	11,1	2,8	100
	в профессии	25,0	25,0	13,9	36,1	—	100
Производство стекла	в должности	10,5	31,6	31,6	21,0	5,3	100
	в профессии	5,3	31,6	21,5	36,3	5,3	100
Итого	в должности	41,2	24,9	15,2	10,2	8,5	100
	в профессии	12,0	21,5	22,4	35,4	8,7	100

дилась часть бывших солдат, еще не связанных с промышленностью.

Для горнозаводской промышленности должностные перемещения были характерны в меньшей степени. В основном сохранился костяк старых рабочих, давно овладевших своими специальностями. В других отраслях также было много лиц, имевших производственные навыки. Это может быть доказано сравнением профессиональной подготовки и профессионального стажа без учета должностных перемещений. Среди рабочих с профессиональной подготовкой менее года было 40% лиц, не имевших никакой специальности, а среди тех, кто приобрел профессии в годы войны, — уже 22%. В дальнейшем при возрастании продолжительности профессиональной подготовки доля разнорабочих остается примерно на одном уровне. Зато постоянно возрастает доля металлистов и рабочих других квалифицированных специальностей. Длительность профессиональной подготовки у рабочих, занятых на различных должностях, была следующей (табл. 4).

Из данных таблицы следует, что самый большой стаж у горнорабочих, металлистов, рабочих строительных специальностей и силовых установок. По-видимому, они составляли наиболее постоянный контингент на предприятиях Вятской губернии в 1918 г.

Длительность профессиональной выучки в данном районе мало

Таблица 4

Распределение рабочих Вятской губернии по стажу в зависимости от профессии (в %)

Профессиональные группы	Стаж в годах					Итого
	до 1	1—4	4—10	свыше 10	не указ.	
Горнорабочие	—	12,5	37,5	50,0	—	100
Металлисты	8,2	22,4	21,1	40,1	8,2	100
Деревоотделочники	10,9	13,0	21,7	41,3	13,1	100
Писчебумажники	33,3	37,5	8,3	20,9	—	100
Текстильщики и швейники	9,1	27,4	54,5	—	9,0	100
Кожевники	10,5	25,6	27,8	33,1	3,0	100
Стеклофарфорщики	7,1	35,8	21,4	28,6	7,1	100
Строители	9,1	—	9,1	81,8	—	100
Рабочие силовых установок	—	15,4	38,5	46,1	—	100
Разнорабочие	16,8	19,4	19,4	30,2	14,2	100

зависела от концентрации производства. На разных по числу рабочих предприятиях сохранялось известное число лиц, имевших долговременную профессиональную подготовку, но наиболее стабильным оказался состав кадров на горных заводах, где около трети занятых трудились неизменно на одних и тех же местах свыше 10 лет. Для сравнения укажем, что такой постоянный контингент на Ижевском заводе составлял лишь 20%.

Приобретение профессии и длительный стаж работы в ней связаны с увеличением размеров заработка. Рабочие с профессиональной подготовкой до 1 года в среднем получали 282 руб., от 1 года до 4 лет — 247, 4—10 лет — 288, свыше 10 лет — 316 руб.

Размер заработной платы вообще тесно зависел от возраста рабочих, но было бы неверно толковать эту зависимость как чисто демографическую, так как возрастные различия тесным образом связаны с профессионально-квалификационными. Профессиональное обучение на заводах Урала происходило в течение длительного времени. Поэтому среди молодежи был весьма распространенным тип рабочего «на подхвате», «мальчика на побегушках» и т. д.

Особенного внимания в условиях Приуралья заслуживает рассмотрение такого фактора, как преемственность труда в промышленности. Доля рабочих во втором, третьем и более поколениях здесь была большей, чем во всех других районах, взятых нами для анализа. Особено велика она была в горнозаводской промышленности — 90%. Это означает, что воспроизводство рабочей силы на горных заводах Приуралья в течение длительного времени осуществлялось за счет пролетарской среды. Это типично уральское явление, указывавшее на то, что рабочие замкнутых горнозаводских округов из поколения в поколение трудились на одних и тех же предприятиях.

По-видимому, подобная специфика формирования промышленных кадров отчасти была характерна и для других отраслей, потому что в металлообработке и машиностроении доля потомственных рабочих также составляла более половины от общего числа (51,7%), а на Ижевском оружейном заводе даже 54,5%. Высока была доля преемственности в таких производствах, как бумажное (69,4%), стекольное (43,1), в других отраслях она оказалась ниже: в кожевенной — 21%, в спичечной — 17, в текстильной, швейной и обувной — 9,5%. Основную массу приходивших впервые на предприятия здесь составляли младшие члены крестьянских семей.

Все горнорабочие были потомственными пролетариями, среди металлистов оказалось 60,2% принадлежавших к младшим поколениям рабочих, писчебумажников — 58,3, строителей — 57,1, стеклофарфорщиков — 57,1, разнорабочих — 36,1, рабочих силовых установок — 30,9, деревоотделочников — 26,1, кожевников — 20,3, рабочих местного транспорта — 16,7%. Как видим, именно те профессии, которые представлены в горнозаводской промышленности, имели высокий уровень преемственности. Совершенно очевидно, что преемственность в труде в условиях Урала с традиционной приверженностью к определенным заводам не играла такой существенной роли, как в центральном районе страны.

В отличие от других районов страны, рабочие Вятской губернии, пришедшие на заводы вслед за старшими членами семьи, незначительно отличались по возрасту от остальных рабочих. Это указывает на длительность процесса формирования кадров промышленности за счет собственно пролетарской среды. Общим, однако, для тех и других районов было раннее поступление на заводы и фабрики потомственных рабочих.

В Вятской губернии 62% из них пришли на производство до 15 лет, тогда как среди остальных рабочих доля поступивших на производство в таком раннем возрасте составляла только 51%.

Анализ рабочих Вятской губернии был бы неполным без рассмотрения их отношения к земле, к собственному хозяйству, к непролетарским слоям населения. Общее число рабочих, которые показали себя так или иначе связанными с землей — 23%, причем доля участвовавших в обработке земли самостоятельно или с помощью родственников составляла 20%, доля применявших в хозяйстве наемный труд — 1,4, сдававших землю в аренду — 0,3, совсем не участвовали в обработке — 1,2%. Связь с землей рабочих Вятской губернии в 1918 г. по сравнению с дореволюционным временем несколько возросла (на 2,5%). Однако большинство указали на отсутствие у них связи с землей.

В основном связанными с землей были рабочие сельской местности. Если в Вятке было 5,3% рабочих, связанных с землей, в других городах — 19,2, то в сельских промышленных пунктах — 28,2%. Связь с землей в зависимости от характера производства была следующей (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение рабочих Вятской губернии по связи с землей в зависимости от отрасли (в %)

Отрасли промышленности	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли: без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	имели землю, но не участвовали в ее обработке	отсутствие связей с землей	Итого
Производство стекла	15,8	5,3	—	—	78,9	100
Горная и горнозаводская	5,4	—	—	—	94,6	100
Металлообработка и машиностроение	15,2	1,1	—	1,8	81,9	100
Производство спичек и лесопильные заводы	42,4	2,1	—	—	53,5	100
Кожевенная	20,4	1,9	1,9	1,3	74,5	100
Текстильная, производство одежды и обуви	31,2	—	—	—	68,8	100
Производство бумаги	33,3	—	—	5,6	61,1	100
Всего	20,0	1,4	0,3	1,2	77,1	100

В горнозаводской промышленности насчитывалось очень мало лиц, имевших земельные наделы. Причем рабочие, владевшие небольшими участками земли, леса, сенокосов, имевшие огороды, лошадей, коров и мелкий скот, не считали себя связанными с землей, так как не относили себя к крестьянству. Все атрибуты личного подсобного хозяйства они считали органически присущими заводскому рабочему, а зачастую рассматривали все, что они имеют, как средство работы на заводе. Многие рабочие имели землю, ничего не дающую, которая никак не могла прокормить рабочие семьи. Большинство заводских поселений Урала нуждалось в привозном хлебе. Слабой оказалась связь с землей и у представителей многих профессий, занятых в горнозаводской промышленности, в частности у собственно горнорабочих (рудокопов и др.). Среди металлистов 10,9% имели наделы (собственные или ближайших родственников), причем это были в основном металлисты Ижевского завода. На этом заводе 16,2% рабочих (или их семьи) участвовали в обработке земли, сверх того 1,2% обрабатывали землю с частичным применением наемного труда. 80,8% рабочих на заводе вообще не имели отношения к земле. Наиболее связанными с землей были рабочие спичечной промышленности и лесопильных заводов. Даже в основном производстве 37% деревообделочников были связаны в той или иной форме с землей. Далее шли кожевники (общая связь с землей — 24,1%), разнорабочие (22%).

Зависимость связи с землей от возраста рабочих в значитель-

ной степени определялась длительностью стажа в промышленности (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение рабочих Вятской губернии по связи с землей в зависимости от возраста (в %)

Возраст	Отношение к земле					Всего
	участие рабочих или их семей в обработке земли		сдача земли в аренду	имели землю, но не участвовали в ее обработке	отсутствие земли	
	без применения наемного труда	с применением наемного труда				
До 15 лет	—	—	—	—	100	100
16—20 »	18,9	1,6	—	—	79,5	100
21—25 »	18,3	—	—	1,2	80,5	100
26—30 »	31,9	1,4	—	2,8	63,9	100
31—35 »	22,0	1,7	—	—	76,3	100
36—40 »	22,2	3,2	1,6	3,2	69,8	100
41—45 »	21,4	—	—	—	76,2	100
46—50 »	20,0	—	—	5,0	75,0	100
51—60 »	19,4	—	2,8	—	77,8	100
Свыше 60 »	17,6	5,8	—	—	76,6	100

Мы видим, что наиболее прочными связями с землей отличались рабочие в возрасте от 26 до 30 лет. Чем моложе или старше рабочие, тем меньше их участие в обработке земли. Такие формы связи, как оставление земли без обработки, сдача ее в аренду, возрастают у старших возрастных групп. Это общая закономерность для рабочего класса, поскольку именно в такой форме фиксируется в основном разрыв связей с землей.

Примерно такую же закономерность показывают данные о связи с землей рабочих с различным профессиональным стажем (табл. 7).

Таблица 7

Распределение рабочих Вятской губернии по связи с землей в зависимости от профессионального стажа (в %)

Стаж в годах	Отношение к земле					Всего
	участие рабочих или членов их семей в обработке земли		сдача земли в аренду	имели землю, но не участвовали в ее обработке	отсутствие земли	
	без применения наемного труда	с применением наемного труда				
До 1	15,9	—	—	2,9	81,2	100
1— 4	21,0	—	0,8	0,8	77,4	100
4—10	21,7	2,3	0,8	0,8	74,4	100
Свыше 10	17,6	2,0	1,5	—	78,9	100

Весьма существенны различия в отношении к земле между потомственными пролетариями и остальными рабочими. Среди первых только 9,1% участвовали в обработке земли, 1,7% применяли в хозяйстве наемный труд. Из числа рабочих первого поколения 27,2% принимали участие в обработке (сами или члены их семей), 2,3 — эксплуатировали чужой труд, 0,8 — сдавали землю в аренду. Среди рабочих, хозяйственно связанных с деревней, было отмечено наибольшее число лиц, указавших о перемене занятия в процессе своей трудовой деятельности (36,5%), а среди не имевших земли — всего 16%. Причем 13% сменивших занятие из связанных с землей недавно занимались крестьянским трудом.

Наиболее важным проявлением связи с землей было участие в полевых работах. Естественно, что большей частью оно было характерно для лиц, связанных с землей, хотя в трудных условиях 1918 г. на полевые работы уходили и рабочие, не имевшие наделов (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение рабочих Вятской губернии по участию в полевых работах в зависимости от связи с землей (в процентах от общего числа имевших и не имевших земли)

Участие в полевых работах	Отношение к земле		Всего
	имевшие землю	не имевшие земли	
Постоянное	15,2	4,8	7,1
В 1917 г.	13,2	3,2	5,9
В 1918 г.	25,2	5,6	9,8

Доля обследованных, участвовавших в полевых работах, в 1918 г. значительно возросла в связи с ухудшением продовольственного положения в стране. Проследив соответствующие показатели для различных категорий, мы приходим к выводу, что в полевых работах, как правило, участвовали рабочие сельской местности. Если из городов постоянно уходили 4,3%, в 1917 г. — 1,9, в 1918 г. — 9,4% рабочих, то в сельской местности соответственно — 10,1, 9,4 и 14,8%. Уход на полевые работы зависел от характера производства (см. табл. 9).

Таблица 9

Распределение рабочих Вятской губернии по участию в полевых работах в зависимости от отрасли производства (в процентах от общего числа рабочих данной отрасли)

Отрасли промышленности	Участие в полевых работах		
	постоянное	1917 г.	1918 г.
Стекольная	—	5,3	5,3
Горнозаводская	17,6	10,8	12,2
Металлообработка и машиностроение	1,1	1,1	1,7
Производство спичек и лесопильные заводы	22,0	11,8	22,0
Кожевенная	2,0	3,2	11,5
Текстильная, швейная, обувная	6,3	8,3	10,4
Производство бумаги	19,4	16,7	22,2

Среди постоянно уходивших на полевые работы оказались рабочие горнозаводской промышленности, бумагоделательной, деревообрабатывающей и химической, т. е. тех производств, которые в значительной своей части были размещены в сельской местности. При этом следует учесть, что занятые в первых двух отраслях показали себя в большинстве случаев не имеющими земли, и, по-видимому, их участие в полевых работах не было связано с обработкой наделов. Отчасти они работали по найму, отчасти на собственных огородах или просто помогали своим родственникам.

На Ижевском заводе положение было несколько иным. До революции здесь уходили на полевые работы 1,2% занятых, а в 1918 г. — 1,8%. Очевидно, что рабочие этого крупного предприятия не имели возможности участвовать даже в обработке собственных наделов. Для этого было необходимо увольнение с производства.

Таким образом, уход на полевые работы был характерен для тех производств, которые до революции не принадлежали по своему характеру к развитой капиталистической индустрии, где преобладали небольшие предприятия с неровным производственным циклом. Об этом говорят также данные об уходе на полевые работы в связи с профессиональной принадлежностью обследованных. Чаще всего уходили в 1918 г. на полевые работы писчебумажники — 29,2%, деревоотделочники — 26, рабочие силовых установок — 23, горнорабочие — 12,5, кожевники — 7,7, разнорабочие — 7,0, металлисты горных заводов — 6,8%.

Надо отметить, что в трудных условиях разрухи и голода участие в полевых работах было важным дополнительным источником существования для пролетариев Вятской губернии. Об этом свидетельствует зависимость участия в работах от размера заработной платы. У участвовавших в полевых работах средний заработок достигал всего 244 руб. Среди них примерно 40% составляли лица до 20 лет, поступившие на производство в годы войны. Если среди рабочих со стажем в профессии до 1 года постоянно уходили на полевые работы 7,1%, то со стажем от 1 до 4 лет — 10,5%. Для рабочих с большим профессиональным стажем процент соответственно понижался: от 4 до 10 лет — 6,2%, свыше 10 лет — 4,9%. После революции доля рабочих, уходивших на полевые работы, несколько возросла: среди рабочих со стажем до одного года было 8,7% уходивших на полевые работы, от 1 до 4 лет — 15,3, от 4 до 10 лет — 7,6, свыше 10 лет — 7,3%.

Участие в полевых работах в условиях Приуралья было характерно и для потомственных рабочих, хотя и в несколько меньшей степени.

Заслуживают внимательного рассмотрения такие формы связи с деревней, как наличие собственного дома, разрыв привычных семейно-родственных связей. Рабочие Вятской губернии довольно часто имели собственные дома и проживали в них. Это вполне понятно, если вспомнить специфику провинциальных городов и

фабрично-заводских поселений дореволюционной России. Небольшие деревянные дома, находившиеся в личной собственности, составляли здесь основной жилой фонд. Местные рабочие, т. е. притавляли здесь основной жилой фонд. Местные рабочие, т. е. пришедшие на производство непосредственно из окружающих фабрики и заводы селений, чаще других жили в собственных домах. Пришлые рабочие могли «отстраиваться» или приобретать собственные дома. Но такая возможность практически была мало реальна, поэтому по количеству рабочих, живших в собственных домах и на казенных или частных квартирах, можно судить о соотношении местного и пришлого элемента на фабриках и заводах. В Вятской губернии владельцы собственных домов составляли почти половину рабочих, что говорит о преобладании местных уроженцев. По характеру поселений отношение к жилью было следующим (табл. 10).

Таблица 10

Распределение рабочих Вятской губернии по типу жилья в зависимости от места проживания (в процентах от общего числа рабочих каждой группы поселений)

Тип поселения	Жилищные условия							
	имели собственные дома				жили в собственных домах	проживали на государственных и частных квартирах	жили в рабочих казармах	не установлено
	всего	в том числе						
		при заводах	в окрестностях завода	в другом месте				
Вятка	5,3	—	—	5,3	—	79,0	10,5	10,5
Прочие города губернии	51,5	26,7	11,6	13,2	41,2	54,7	1,6	1,9
Сельские поселения	48,8	16,8	16,5	15,5	46,0	40,0	12,1	2,0
Всего	48,6	20,7	13,8	14,1	42,6	47,8	7,3	2,3

Наиболее связаны с собственными домами были рабочие сельской местности. Многие из них ходили на работу издалека. В небольших городах доля лиц, живших в собственных домах, была также значительной, но одновременно было больше рабочих, оставивших свои дома в деревне. На государственных и частных квартирах в городах жило большинство рабочих.

В отраслевом разрезе жилищные условия рабочих были также весьма различными (см. табл. 11).

Наибольшее число рабочих, владевших собственными домами, было зарегистрировано в горнозаводской промышленности, причем дома их были расположены недалеко от заводов. Подобная картина очень характерна для горнозаводских поселений Урала. В ряде случаев преодоление привязанности к своему заводу в годы гражданской войны рассматривалось как немаловажное обстоятельство в формировании кадрового пролетариата на Урале. Многие рабочие в металлообработке и машиностроении имели собственные дома, но в значительном числе в них уже не жили. На спи-

Таблица 11

Распределение рабочих Вятской губернии по типу жилья в зависимости от отрасли производства (в % от общего числа рабочих каждой отрасли)

Отрасли промышленности	Жилищные условия							
	имели собственные дома				жили в собственных домах	проживали на государственных и частных квартирах	жили в рабочих казармах	не установлено
	всего	в том числе						
		при заводах	в окрестностях заводов	в другом месте				
Производство стекла	21,5	—	—	21,5	10,5	79,0	—	10,5
Горнозаводская	70,8	62,5	6,9	1,4	80,8	19,2	—	—
Металлообработка и машиностроение	55,0	34,2	7,9	15,7	43,3	53,9	0,6	2,2
Производство спичек и лесопильные заводы	57,6	10,2	25,4	22,0	42,4	49,2	6,8	1,7
Кожевенная	36,3	4,5	14,0	17,8	31,8	47,1	19,1	2,9
Текстильная, производство одежды, обуви	37,5	—	29,2	8,3	41,7	41,7	10,4	6,2
Производство бумаги	36,1	2,8	25,0	8,3	36,1	63,9	—	—

чечных фабриках и лесопильных заводах отмечалась наибольшая доля рабочих, оставивших собственные дома или же добиравшихся к месту работы издалека (свыше 10 км). Самый высокий процент живущих в собственных домах зарегистрирован среди таких профессий, как горнорабочие — 75%, строители — 63,6, деревоотделочники — 50%. Чаще других оставляли свои дома деревоотделочники — 24%, разнорабочие — 17%.

Среди лиц со стажем в профессии до 1 года 10,1% имели дома далеко от места работы, от 1 года до 4 лет — 12,1, от 4 до 10 лет — 14,8, свыше 10 лет — 15,6%. Собственные дома вблизи заводов имели большей частью потомственные рабочие. Среди владельцев собственных домов, проживавших при заводах, 75% были потомственными рабочими, тогда как среди владельцев домов, находившихся в окрестных селениях, было 32,1% таких рабочих, а среди имевших дома далеко от места работы — всего 11,1%.

Интересны данные о собственных домах в связи с соотношением рабочих к земле и участием их в полевых работах. 82,6% рабочих, которые обрабатывали землю сами или с помощью членов семей, имели собственные дома. Из рабочих, которые не имели земли, только 38,8% жили в собственных домах.

На полевые работы уходили главным образом те лица, которые проживали в домах, находившихся в окрестностях заводов. Об этом говорят данные табл. 12.

На полевые работы уходила также значительная часть лиц, живших в казармах, а мы знаем, что в основном в казармах жили рабочие, дома которых размещались далеко от места работы.

Таблица 12

Участие рабочих Вятской губернии в полевых работах в зависимости от типа жилья и места проживания (в процентах от общего числа каждой группы)

Жилищные условия	Участие в полевых работах		
	постоянное	в 1917 г.	в 1918 г.
Имели собственные дома			
при заводах	5,0	2,5	5,0
в окрестностях заводов	22,8	11,4	22,8
в другом месте	6,2	7,4	14,8
Не имели домов	3,7	5,0	6,7
Жили в собственных домах	13,0	8,9	12,6
Проживали на государственных и частных квартирах	1,9	2,3	4,2
Жили в казармах	9,5	14,3	21,4

Существенно дополняют представления о связи рабочих с деревней сведения о том, где в момент переписи находились их семьи: проживали они вместе или отдельно. Доля рабочих, оставивших свои семьи, составляла 11,1%. Большинство из них работали на Ижевском заводе и в кожевенной промышленности. Это были младшие члены крестьянских семей, ушедшие в свое время в промышленность, но еще сохранившие родственные связи в деревне. Многие из них не имели еще достаточно прочного положения на производстве, т. е. у них не было квалифицированной профессии и стажа; 40% их были разнорабочими и около половины имели стаж менее 4 лет. Рабочие, жившие отдельно от семьи, по вполне понятным причинам не имели преемственности на фабриках и заводах. 55% их были зарегистрированы как участвовавшие в обработке земли, хотя на полевые работы среди них постоянно уходили только 3,3%, в 1917 г. — 6,7, в 1918 г. — 12,1%.

Социальная характеристика пролетариата Вятской губернии была бы неполной без анализа демографических особенностей отдельных групп рабочих. В силу характера производства и особенностей привлечения рабочей силы в различные отрасли в промышленности Приуралья преобладали мужчины (82,1%). Выше всего доля женщин была в писчебумажной промышленности — 38,9%, в текстильной и швейной — 29,2, химической и деревообрабатывающей — 23,7%. Больше всего женщин было на предприятиях Вятки — 68,4%. На Ижевском оружейном заводе было всего 15% женщин.

Типично женскими в губернии были профессиональные отряды текстильщиков и швейников — 55,6% женщин, писчебумажников — 54,2%. Меньше всего женщин было среди металлистов — менее 3%. Средний заработок женщин по своему размеру уступал заработку мужчин (265 руб. против 311).

Одной из особенностей привлечения женского труда в промышленности был их поздний по сравнению с мужчинами приход на производство. 40,7% работниц поступили на предприятия в возрасте старше 20 лет. Женщины на фабриках и заводах Вятской губернии были в среднем моложе мужчин. Об этом говорит анализ возрастной пирамиды рабочих Вятской губернии (рис. 10).

Рис. 10. Возрастная пирамида рабочих Вятской губернии

Наглядно виден недостаток на производстве мужчин в возрасте от 21 года до 25 лет. Эта возрастная группа более всего пострадала от мобилизаций и от потерь на фронтах в годы империалистической войны. Недостаток в рабочей силе компенсировался за счет широкого привлечения женщин. Работницы были моложе мужчин. Этот вывод подтверждается и при сравнении стажа женщин и мужчин. Только 20,3% женщин имели стаж в профессии свыше 10 лет, 23,3 приобрели свои профессии в годы предвоенного промышленного подъема, 18,4 — в годы мировой войны и 22,3% — практически не имели стажа работы в своих профессиях. Более активное привлечение женщин в промышленность происходило в последние два-три года, предшествующие переписи. У 47,6% работниц стаж на последнем месте работы не достигал и года, 31,1% вступили в должность в годы войны.

Женщины, привлекавшиеся на производство, гораздо чаще, чем мужчины, происходили из рабочих семей. Среди работниц было 44,7% потомственных. Гораздо реже, чем мужчины, они жили отдельно от своих семей. В связи с этим среди них было меньше принимавших участие в обработке земли — всего 7,8%. Правда, в полевых работах женщины участвовали чаще, чем мужчины, хотя и не указывали о своей связи с землей. До революции в полевых работах участвовало 8,8% работниц, а в 1918 г.—9,7%.

Рабочие и работницы Вятской губернии значительно различались по уровню образования (см. табл. 13).

В целом по уровню образования рабочие Вятской губернии мало отличались от пролетариев остальных районов страны.

Наиболее высоким здесь был уровень образования у металлистов, рабочих, занятых на силовых установках, самым низким — у деревоотделочников, возчиков, грузчиков, строителей и разнорабочих, т. е. лиц невысокой профессиональной квалификации (см. табл. 14).

Как и по всей стране, уровень образования рабочих в губернии зависел от возраста (см. табл. 15).

Таблица 13

Распределение рабочих Вятской губернии по уровню образования в зависимости от пола (в %)

Пол	Образование						Не указано об образвании	Итого
	начальное (низшее)		средее	низшее профессиональное	прочее	самообразование		
	законченное	незаконченное						
Мужчины	39,8	21,1	0,2	1,3	0,4	3,4	33,8	100
Женщины	13,6	30,1	—	—	1,0	—	55,3	100
Всего	35,1	22,7	0,2	1,0	0,5	2,8	37,7	100

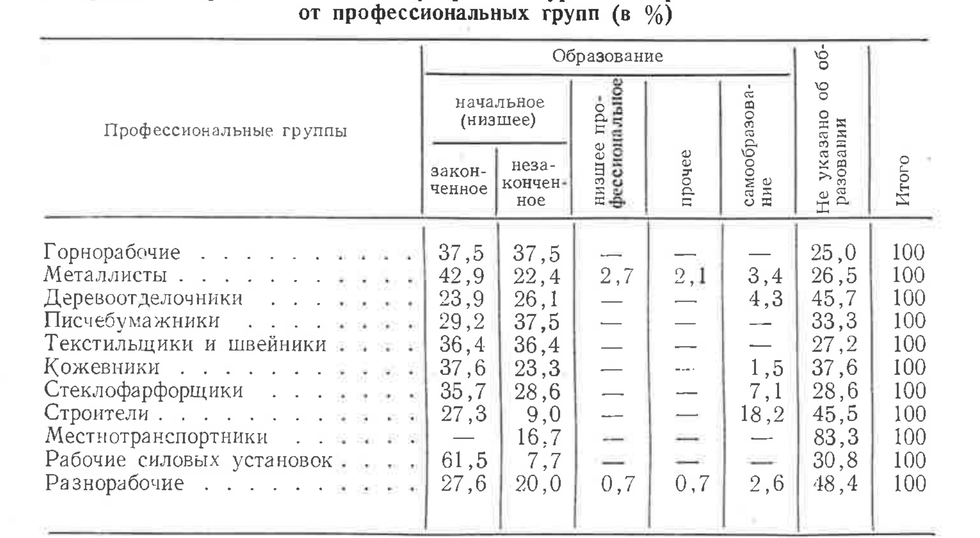

Таблица 14

Распределение рабочих Вятской губернии по уровню образования в зависимости от профессиональных групп (в %)

Профессиональные группы	Образование					Не указано об образовании	Итого
	начальное (низшее)		низшее профессиональное	прочее	самообразование		
	законченное	незаконченное					
Горнорабочие	37,5	37,5	—	—	—	25,0	100
Металлисты	42,9	22,4	2,7	2,1	3,4	26,5	100
Деревоотделочники	23,9	26,1	—	—	4,3	45,7	100
Писчебумажники	29,2	37,5	—	—	—	33,3	100
Текстильщики и швейники	36,4	36,4	—	—	—	27,2	100
Кожевники	37,6	23,3	—	—	1,5	37,6	100
Стеклофарфорщики	35,7	28,6	—	—	7,1	28,6	100
Строители	27,3	9,0	—	—	18,2	45,5	100
Местнотранспортники	—	16,7	—	—	—	83,3	100
Рабочие силовых установок	61,5	7,7	—	—	—	30,8	100
Разнорабочие	27,6	20,0	0,7	0,7	2,6	48,4	100

Большое значение для характеристики социального облика рабочих Приуралья имеет анализ их семейного положения. Оно теснейшим образом связано с возрастом. Молодые рабочие, как правило, собственной семьи не имели и жили либо со старшими родственниками, либо в одиночку. От семейного положения рабочих во многом зависит их отношение к земле (см. табл. 16).

Наименее связанными с землей были одиночки. В этом рабочие Приуралья несколько отличались от пролетариев остальных губерний, взятых нами для анализа, где одиночки выступали в качестве категории, наиболее связанной с землей. Максимальная связь с землей была зарегистрирована у многосемейных и у тех, чьи

10 Зак. 569

Таблица 15

Распределение рабочих Вятской губернии по уровню образования в зависимости от возраста (в %)

Возраст	Образование					Не указано об образовании	Итого
	начальное (низшее)		низшее профессиональное	прочее	самообразование		
	законченное	незаконченное					
До 20 лет	42,2	31,1	0,6	0,6	0,6	24,9	100
21—30 »	42,2	20,8	1,9	—	1,9	33,2	100
31—40 »	35,2	23,0	1,7	—	3,3	36,8	100
41—50 »	26,1	18,3	—	—	4,9	52,4	100
51—60 »	19,4	8,3	—	—	8,3	64,0	100
Свыше 60 »	—	11,2	—	—	5,6	83,2	100

Таблица 16

Распределение рабочих Вятской губернии по отношению к земле в зависимости от семейного положения (в %)

Семьи по количеству человек	Отношение к земле					Итого
	участие рабочих или членов их семей в обработке земли		сдача земли в аренду	неучастие в обработке земли	отсутствие всякой связи с землей	
	без применения наемного труда	с применением наемного труда				
Одиночки	10,4	—	—	0,5	89,1	100
2—3	18,7	1,9	—	1,0	78,4	100
4—5	17,9	1,0	—	1,9	79,2	100
6—8	22,7	4,0	—	—	73,3	100
9 и более	18,2	—	—	—	81,8	100
Семьи живут отдельно (количество членов не установлено)	51,7	3,3	3,3	5,0	36,7	100

семьи жили отдельно. Многосемейные рабочие проживали в основном в небольших городах и в сельских населенных пунктах. В г. Вятке было зарегистрировано наибольшее число одиночек—63,2%.

Наибольшее число одиноких оказалось среди профессий с преобладанием женского и молодежного труда: у текстильщиков — 63,6%, писчебумажников — 54,2, кожевников — 43,6%. Женщины-работницы, как мы уже говорили, были в основном молодыми и незамужними.

Немногочисленные семьи были характерны для городских металлистов; большие семьи — 6—8 человек — для металлистов горнозаводской промышленности и для кожевников сельской местности.

Интересно проследить связь между семейным положением рабочих Вятской губернии и уходом на полевые работы (табл. 17).

Таблица 17

Распределение рабочих Вятской губернии по участию в полевых работах в зависимости от семейного положения (в % от общего числа рабочих каждой группы)

Участие в полевых работах	Семьи по количеству человек					Семьи живут отдельно (количество членов не установлено)
	одиночки	2—3	4—5	6—8	9 и более	
Постоянное	7,0	8,5	5,9	5,5	18,2	3,3
В 1917 г.	6,5	5,0	4,0	5,3	9,0	6,7
В 1918 г.	11,1	12,3	5,0	5,3	9,0	13,3

Среди постоянно уходивших на полевые работы большинство составляли, с одной стороны, одиночки и малосемейные, с другой — многосемейные. Следовательно, уход был вызван как родственными отношениями, так и необходимостью дополнительного заработка. Подобное положение сохранилось и в последующие годы. В трудных условиях 1918 г. резко увеличился уход на полевые работы рабочих, живших отдельно от семьи. Совершенно очевидно, что это было прежде всего связано с родственными отношениями. Большинство рабочих, семьи которых жили отдельно, одновременно указали и на то, что их дома находились далеко от места работы. 63,3% этих рабочих имели дома на расстоянии свыше 10 км.

Несколько слов нужно сказать об общественной активности рабочих Вятской губернии. Всего в сфере общественного управления было занято 4% рабочих. Большую общественную активность проявляли кадровые квалифицированные рабочие, имеющие длительный производственный стаж и более высокий, чем у остальных рабочих, уровень образования.

Взаимосвязи всех показателей, дающих в совокупности характеристику социального облика рабочих Вятской губернии, предстают следующим образом (см. рис. 11).

Показатели на схеме сгруппированы по тому же принципу, который был принят при анализе рабочих других губерний. Система взаимосвязей на данной схеме мало чем отличается от предыдущих. Это указывает на постоянство воздействия одних и тех же факторов на социальный облик рабочего класса. Несмотря на сложность и переплетение различных отношений внутри рассматриваемой совокупности, характер основных взаимосвязей мало изменяется по сравнению с рабочими других губерний.

Для рабочих Вятской губернии различия по характеру труда являются также основными.

Приведенные данные показывают сохранение огромного разнообразия форм связи рабочих с деревней. Однако не следует преувеличивать роли этого фактора в характеристике облика рабочих.

Во всех районах дореволюционной России, в том числе и Вятской губернии, рабочие в большинстве своем являлись уроженцами деревни. Традиционные связи с землей были особенно характер-

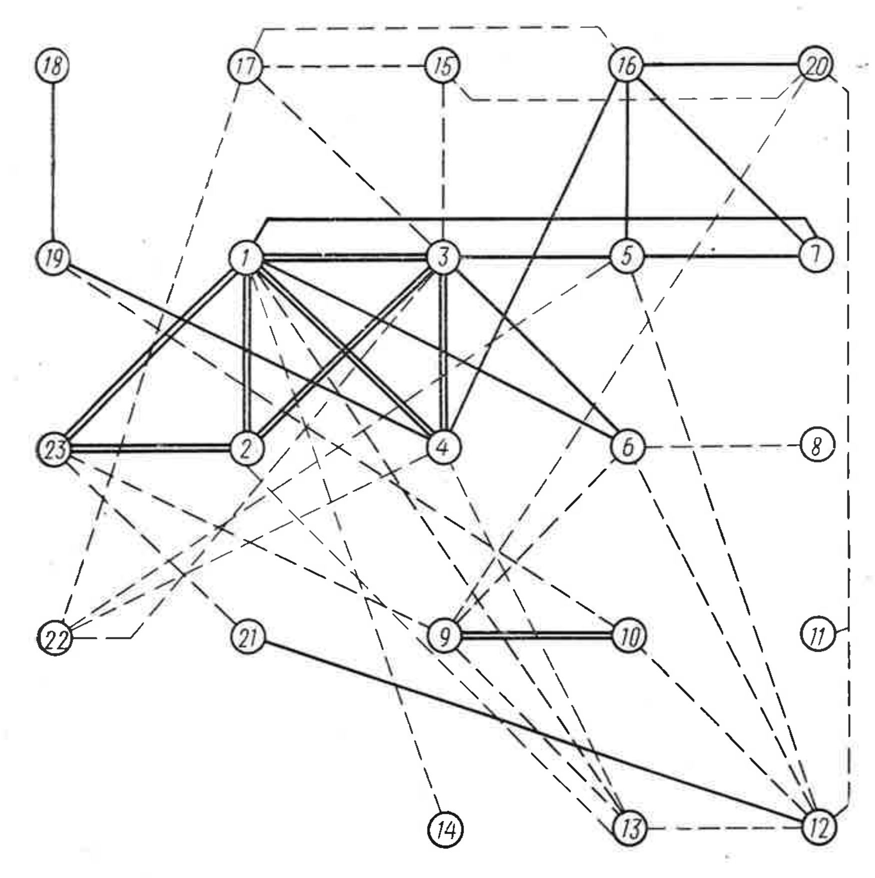

Рис. 11. Схема взаимосвязей основных признаков, характеризующих рабочих Вятской губернии.

Обозначения показателей: 1 — группа производств (отрасль); 2 — тип предприятия по числу рабочих; 3 — профессиональная группа; 4 — заработная плата; 5 — стаж в профессии; 6 — преемственность в труде; 7 — возраст поступления в промышленность; 8 — прежнее занятие; 9 — связь с землей; 10 — связь с землей до революции; 11 — местонахождение семьи; 12 — местонахождение дома; 13 — уход на полевые работы; 14 — сезонность; 15 — пол; 16 — возраст; 17 — образование; 18 — национальность; 19 — место рождения; 20 — семейное положение; 21 — местожительство; 22 — общественная работа; 23 — населенный пункт

ны для рабочих сельской местности. На эту связь часто указывали даже те, кто с раннего детства пришел на заводы и фабрики, кто длительное время работал по найму и имел профессии, весьма

отличные от крестьянских занятий. Большинство рабочих, сохранивших в той или иной форме связь с деревней, многие годы работали на фабриках и заводах и были по существу кадровыми пролетариями.

Основная масса рабочих Вятской губернии мало отличалась от пролетариата центральных губерний. Следует, однако, отметить и некоторую специфику, связанную с особенностями хозяйственного развития района. Прежде всего это касается рабочих горнозаводской промышленности, которые выделяются, с одной стороны, высокими показателями преемственности труда в промышленности, приверженностью к своим заводам, а с другой — тесной связью с деревней. Длительный период образования промышленных кадров происходил здесь в условиях сохранения отсталых производственно-экономических форм в промышленности.

ГЛАВА VI

РАБОЧИЕ СЛАБО РАЗВИТЫХ В ПРОМЫШЛЕННОМ ОТНОШЕНИИ ГУБЕРНИЙ СТРАНЫ

В предшествующих главах содержалась характеристика рабочих индустриально развитых районов Советской России. Попытаемся теперь на материалах Пензенской, Воронежской и Витебской губерний дать описание рабочих тех губерний, которые по уровню своего социально-экономического развития значительно уступали остальным районам. При этом надо иметь в виду то важное обстоятельство, что три избранные нами для анализа губернии имели не только много общих черт, но и существенные особенности.

Обратимся в первую очередь к рабочим Пензенской губернии. В годы империалистической войны наблюдалось некоторое оживление производства в поволжских губерниях. Правда, это было характерно не для всего района. Слаборазвитой в промышленном отношении осталась Пензенская губерния, одна из типичных губерний Среднего Поволжья. В годы войны производство здесь сокращалось, а к моменту проведения профессиональной переписи (ноябрь—декабрь 1918 г.) число рабочих по сравнению с 1913 г. уменьшилось почти в два раза. Из 238 предприятий в конце 1918 г. действовало только 70, из них 46 находились в самой Пензе. Особенно много было закрыто мелких предприятий пищевой промышленности, в том числе 103 винокуренных завода, а всего по отрасли было закрыто 88%. В деревообрабатывающей промышленности было закрыто 70% предприятий[1]. Однако рабочие этих отраслей составляли незначительную долю в структуре пролетариата губернии. Гораздо ощутимее было сокращение рабочих в передовых отраслях.

Как и везде по стране, в промышленности Пензенской губернии в годы войны и революции происходили довольно противоречивые процессы и взаимодействовали противоборствующие тенденции. Если в годы войны увеличился приток рабочей силы из деревни и из непролетарской среды наряду с привлечением женского труда и труда подростков из рабочих семей, заменявших мобилизованных в армию, то после революции проявилась обратная тенденция — освобождения от непостоянных, временных и малосвязанных с производством элементов. В то же время работавшие в советских органах передовые рабочие постепенно отрывались от производства. В результате к моменту проведения профессиональной переписи обнаружилась общая тенденция к «осереднению» рабочей массы. В то же время участились переходы с предприятия на предприятие, увеличилось число лиц, не имевших необходимой квалификации, ухудшился профессиональный состав пролетариата. Тяжелое материальное положение, частые остановки и неполный ход производства вынуждали многих рабочих к поиску дополнительных источников существования. Однако в 1918 г. основной контингент рабочих фабрично-заводской промышленности в губернии сохранился.

[1] «Статистика труда», 1919, № 1—4, стр. 54.

Главное место в структуре промышленного производства занимали предприятия Пензы. Здесь было сосредоточено 46,2% рабочих губернии, в других городах их насчитывалось немного — всего 14%, и в сельских районах — 39,8%. Отраслевая структура по всем этим трем типам поселения представлена в табл. 1.

Таблица 1

Отраслевая структура рабочих Пензенской губернии в зависимости от типа населенного пункта (в %)

Населенные пункты	Отрасли промышленности											Всего
	обработка камней, земель и глин	металлообработка и машиностроение	обработка дерева	химическая	пищевая	обработка животных продуктов	кожевенная	шерстяная	одежда и туалет	производство бумаги	полиграфия	
Пенза	8,0	34,8	12,4	—	3,7	0,5	—	—	0,5	20,3	19,8	100
Прочие города	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	100
Сельские поселения	32,1	1,9	4,4	0,6	6,9	—	2,5	51,6	—	—	—	100
Всего	16,8	16,8	6,5	15,0	4,2	0,2	1,0	20,3	0,2	9,6	9,4	100

В Пензе находились такие крупные предприятия, как «Новотрубочный завод», «Экспедиция заготовления государственных бумаг», эвакуированная из Петрограда, писчебумажная фабрика и ряд более мелких производств. Для уездных городов были характерны спичечные фабрики. В сельской местности размещались крупные предприятия (Никольско-Бахметьевский стекольный завод, суконные фабрики Катаева, Казеева и Петрова) и ряд более мелких заводов по производству стекла, обработке дерева, шерсти, винокурению, обработке овощей, мыловарению, а также элеваторы и множество мельниц.

Концентрация производства по различным отраслям в Пензенской губернии выглядела следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение рабочих Пензенской губернии по предприятиям различного размера в зависимости от отрасли производства (в %)

Отрасли промышленности	Предприятия по числу рабочих					Итого
	до 30	31—100	101—500	501—1000	свыше 1000	
Обработка камней, земель и глин	1,4	22,3	—	—	76,3	100
Металлообработка и машиностроение	2,9	5,8	5,8	—	85,5	100
Деревообработка	20,0	20,0	60,0	—	—	100
Химическая	1,7	9,3	25,0	64,0	—	100
Пищевая	38,8	33,3	27,9	—	—	100
Обработка животных продуктов	100	—	—	—	—	100
Кожевенная	50,0	50,0	—	—	—	100
Шерстяная	—	—	34,1	65,9	—	100
Одежда и туалет	—	—	100	—	—	100
Производство бумаги	—	—	—	100	—	100
Полиграфия	—	—	—	—	100	100
Всего	4,9	8,9	17,4	32,3	36,5	100

Как видим, в некоторых отраслях (деревообрабатывающая, пищевая, кожевенная) преобладали мелкие предприятия. Полиграфисты Пензы, в отличие от других губерний — рабочие крупного производства. В основном в губернии были крупные предприятия. Довольно пропорционально развитая промышленность, преобладание крупных предприятий было характерно и для некоторых других поволжских губерний.

Профессиональный состав рабочих губернии был также представительным: наиболее многочисленную группу составляли рабочие, не имевшие специальности,— 18,3%, затем шли текстильщики — 16,2, металлисты — 12,7, стеклофарфорщики — 11,4, химики — 10,6, печатники — 6,9, рабочие строительных специальностей — 5,0, деревоотделочники — 4,7, писчебумажники — 4,5, кожевники — 3,1, пищевики — 2,3%. На долю всех остальных профессий приходилось вместе 3,3%. Рабочие различных профессий большей частью были представлены в отраслях своего основного производства.

Размер заработка в Пензенской губернии составлял в среднем 301 руб. на человека. Наиболее высоким был заработок у городских металлистов (361 руб.), ниже среднего — у писчебумажников, текстильщиков, т. е. у менее квалифицированных профессиональных отрядов пролетариата. В рассматриваемое время положение рабочих в Пензенской губернии было не столь тяжелым, как в Центре и в Петрограде. Рабочие в основном существовали за счет заработной платы. Продукты первой необходимости получали в централизованном порядке 15,0% рабочих. На некоторых заводах

распространилась система оплаты продуктами производства. Эта система охватывала 6,2% рабочих.

Однако тяжелая обстановка в стране отразилась и на рабочих Пензенской губернии. Весной и летом 1918 г. в производство влились новые кадры рабочих, и прежде всего демобилизованные солдаты, беженцы, эвакуированные. Особенно много их сосредоточилось в губернском центре. В результате было отмечено значительное число рабочих, лишь с недавнего времени трудившихся по новому месту работы. Начиная с октября 1917 г. до проведения переписи в производство было вовлечено 34,3% рабочих, но лишь 23% из них не имели профессионального стажа, а свыше 44% имели стаж больше 10 лет. Среди лиц, находившихся на последней должности со времени начала мировой войны, также было значительное число рабочих с десятилетним и более стажем — 27%. Во многом должностные перемещения были связаны с мобилизацией рабочих в армию. Степень соответствия стажа на последнем месте работы профессиональной подготовке показывают следующие данные (табл. 3).

Таблица 3

Стаж рабочих Пензенской губернии

Распределение рабочих по стажу (в %)	Количество лет стажа			
	до 1	1—4	4—10	свыше 10
Стаж в должности	34,3	31,8	17,2	16,7
Стаж в профессии	8,5	22,7	23,5	45,3

Продолжительность связи с промышленностью рабочих Пензенской губернии была очень велика. Наиболее постоянный, т. е. сохранившийся без изменений с довоенного времени, контингент рабочих составлял более трети общего их числа. О длительности связи с производством говорят также данные о возрасте рабочих, возрасте их поступления на предприятия и о характере прежнего занятия (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение рабочих Пензенской губернии по возрасту в связи со стажем работы (в %)

Стаж в годах	Возраст рабочих в годах					Итого
	до 20	21—35	35—50	свыше 50	не указано	
До 1	28,7	44,9	20,2	5,4	0,8	100
1—4	41,2	30,3	17,6	8,4	2,5	100
4—10	27,7	41,5	26,1	3,1	1,6	100
Свыше 10	—	40,0	49,9	10,1	—	100

Наиболее молодыми были те рабочие, которые пришли на производство в годы войны. Среди тех, кто поступил на фабрики и заводы в 1917—1918 гг., преобладали лица в возрасте от 21 до 35 лет. Следует признать, что среди рабочих последней категории было больше лиц, начавших работать на производстве в сравнительно позднем возрасте. Около четверти таких рабочих впервые поступили в промышленность, когда им было уже больше 20 лет. Для сравнения укажем, что эта возрастная группа среди тех, кто работал в своих должностях с начала мировой войны, составляла 15%, а среди тех, кто вступил в должность до войны, — уже 10%.

По отраслям наиболее молодыми были рабочие в полиграфии, в стекольной и деревообрабатывающей промышленности. Средний возраст рабочих в губернии составлял 29 лет. Учитывая, что средний возраст поступления составлял 16,9 года, можно сделать вывод о длительном общем стаже пребывания в промышленности большинства рабочих. Наиболее длительной связью с производством отличались рабочие металлообработки — около 17 лет, затем шли стекольная и писчебумажная отрасли промышленности — 14 лет, шерстяная — 13 лет, полиграфия и обработка дерева — 12 лет, химическая — 10 лет, пищевая — 9 лет.

Меньше всего изменений в специфических условиях войны и первого года послереволюционного строительства произошло в таких отраслях, как шерстяная, писчебумажная, спичечная, стекольная. Наибольшей подвижностью состава характеризовались пищевая промышленность, обработка дерева и металлообработка. Значительные изменения в годы войны, а также, по-видимому, в связи с эвакуацией, произошли в «Экспедиции государственных бумаг», т. е. в полиграфии. Наименьший стаж зарегистрирован у разнорабочих, строителей, деревоотделочников, кожевников и пищевиков, т. е. рабочих менее квалифицированных профессий. Более половины из них не имели длительного стажа. Среди металлистов и печатников так же было значительное число лиц, приобретших специальность в годы мировой войны.

О длительности связи с промышленностью свидетельствуют данные о преемственности фабрично-заводского труда. У 31,4% рабочих старшие поколения уже работали на заводах и фабриках. Выше всего доля преемственности была в стекольной, шерстяной промышленности и в металлообработке — около 40%.

В зависимости от продолжительности профессиональной подготовки повышается уровень квалификации, а значит, и размер заработной платы. Лица, пришедшие на производство недавно, по всей видимости, за счет возвратившихся с фронта рабочих с солидным возрастом, в среднем получали столько же, сколько рабочие с четырехлетним стажем: соответственно 267 и 296 руб. Меньше всего получали лица, пришедшие на производство в 1916—1917 гг., как правило, самые молодые — 243 руб. У рабочих со ста-

Таблица 5

Распределение рабочих Пензенской губернии по месту рождения в зависимости от отрасли производства (в %)

Отрасли промышленности	Губернии: средневолжские		центральные промышленные		центральные земледельческие		северные и северо-западные		западные		украинские		прочие и не указано	Всего
	города	села	города	села	города	села	города	села	города	села	города	села		
Обработка камней, земель и глин	—	95,5	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	1,5	1,5	100
Металлообработка и машиностроение	22,0	49,5	—	7,3	—	—	2,9	2,9	—	10,2	—	1,4	3,8	100
Обработка дерева	3,3	70,0	—	6,6	—	6,6	—	—	—	1,6	—	6,6	5,3	100
Химическая	—	98,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,2	—	100
Пищевая	5,5	72,5	—	—	—	5,5	—	5,5	—	5,5	—	—	5,5	100
Шерстяная	—	94,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,0	100
Производство бумаги	23,6	50,4	—	2,6	—	7,8	—	—	—	7,8	—	2,6	5,2	100
Полиграфия	—	5,4	2,7	21,6	—	13,5	8,1	27,0	2,7	19,0	—	—	—	100
Всего	6,4	71,0	0,2	3,9	—	2,9	1,2	3,1	0,2	5,3	0,2	0,6	5,0	100

жем свыше 10 лет заработок повышался до 330 руб. в среднем за месяц.

Внимательного рассмотрения в условиях Среднего Поволжья заслуживают показатели связи с деревней. Пензенская губерния принадлежала к району острого малоземелья крестьян. Из-за слабости собственной промышленной базы здесь существовал значительный отход малоземельного крестьянства на заработки в другие районы. Связь с деревней отмечалась и среди занятых на местных предприятиях. Об этом говорят уже данные о месте рождения рабочих. В табл. 5 приводятся сведения о месте рождения рабочих по отраслям.

Общее число потомственных горожан среди рабочих губернии не достигало даже 20%. Больше всего их сосредоточивалось в металлообработке и писчебумажной промышленности, т. е. в производствах, расположенных в г. Пензе. В этих отраслях было отмечено наибольшее число выходцев из других районов. Дело в том, что в Пензе в 1918 г. сосредоточивалось значительное число беженцев и эвакуированных из западных, северо-западных и северных губерний страны. Отсюда и более пестрый национальный состав рабочих губернии, обусловленный наличием среди них поляков, евреев, латышей, белорусов и литовцев. Среди рабочих эвакуированной «Экспедиции государственных бумаг» большинство составляли уроженцы Петрограда и окружающих его губерний, а также уроженцы центральных губерний.

Производства, возникшие на местной почве, формировали свои кадры за счет сельских уроженцев губерний Среднего Поволжья. Естественно, что в них были зарегистрированы тесные связи рабочих с деревней, в том числе и хозяйственные связи с землей.

Потомственные горожане, как правило, земли не имели, а среди уроженцев деревни было 39,4% лиц, в какой-то форме связанных с землей (25,4% участвовали в обработке наделов сами или через близких родственников, 6 — отчасти применяли в хозяйствах труд наемных рабочих, 2,8% — сдавали полностью и частью землю в аренду).

Максимальная связь с землей была у рабочих сельской местности. В Пензе было всего 19% рабочих, связанных с землей, причем 5,9% не участвовали в ее обработке. В уездных городах более половины рабочих указали на связь с землей, и все они участвовали в обработке наделов. В сельской местности отношение к земле находилось в тесной зависимости от характера производства. Это видно по данным табл. 6, показывающим отношение рабочих к земле по отраслям.

Наиболее связаны с землей были рабочие химической и пищевой промышленности, наименее — рабочие городских производств — металлообрабатывающего и писчебумажного. Следует отметить, что связь с землей рабочих Пензенской губернии в 1918 г. значительно увеличилась по сравнению с дореволюционным периодом, особенно в химической промышленности. Химическая

Таблица 6

Распределение рабочих Пензенской губернии по связи с землей в зависимости от отрасли производства (в %)

Отрасли промышленности	Отношение к земле					Итого
	участие рабочих или членов их семей в обработке земли		сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие земли	
	без применения наемного труда	с применением наемного труда				
Обработка камней, земель и глин	16,4	1,5	4,5	2,8	74,8	100
Металлообработка и машиностроение	14,6	—	—	1,6	83,8	100
Деревообработка	16,7	—	—	3,3	80,0	100
Химическая	41,2	22,8	8,9	1,9	25,2	100
Пищевая	55,6	—	—	—	44,4	100
Шерстяная	24,6	—	—	—	75,4	100
Производство бумаги	7,9	—	—	10,5	81,6	100
Полиграфия	—	—	—	24,4	75,6	100
Всего	19,8	4,4	1,8	4,4	69,6	100

промышленность в губернии была представлена тремя спичечными фабриками в Нижне-Ломовском уезде. Рабочие здесь были тесно связаны с деревней и совмещали труд на производстве с сельскохозяйственными занятиями. Чтобы совмещать эти два вида работы, они зачастую практиковали применение наемной рабочей силы для обработки земли. В конце 1918 г. на фильтровальной фабрике Камендровского было занято около 1700 таких рабочих. Контрольная комиссия фабричного комитета ввиду трудных условий рассчитала большую часть, несмотря на протесты и даже угрозы, и оставила на производстве всего 700 рабочих. Уволенные, однако, за другой работой на биржу труда не обратились, а разошлись по своим хозяйствам. Подобные случаи отмечались и на других сельских предприятиях Поволжья [2].

В пищевой промышленности доля рабочих, связанных с землей, увеличилась по сравнению с дореволюционным временем на 15%, в шерстяной на 10%. Без изменения осталась в 1918 г. связь с землей в металлообработке, а в писчебумажной промышленности даже уменьшилась.

На мелких предприятиях Пензенской губернии связь с землей в разных формах была максимальной — 45%, на средних уже меньше — 28,6, а на самых крупных (свыше 1000 рабочих) — 19,3%.

В зависимости от профессий рабочих связь с землей была следующей (табл. 7).

[2] «Статистика труда», 1919, № 1—4, стр. 57; 1919, № 5—7, стр. 38.

Таблица 7

Распределение рабочих Пензенской губернии по связи с землей в зависимости от профессиональной группы (в %)

Профессиональные группы	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли — без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие земли	Итого
Металлисты	6,0	4,0	—	—	90,0	100
Деревоотделочники	26,2	5,3	5,3	—	63,2	100
Писчебумажники	5,6	—	—	5,6	88,8	100
Печатники	6,9	—	—	17,2	75,9	100
Текстильщики	28,5	—	—	—	71,5	100
Кожевники	—	8,3	—	—	91,7	100
Пищевики	50,0	—	—	10,0	40,0	100
Химики	45,0	15,0	10,0	2,5	27,5	100
Стеклофарфорщики	14,9	—	2,1	4,3	78,7	100
Строители	28,6	9,6	—	9,6	52,2	100
Разнорабочие	15,3	2,6	2,6	9,0	70,5	100
Прочие	16,7	8,3	—	8,3	66,7	100

Рабочие тех профессий, которые были заняты на мелких предприятиях, а также в специфических производствах, показывали наибольшую связь с землей. Рабочие ведущих профессий — металлисты, печатники были наиболее оторваны от крестьянской среды.

Таким образом, роль городской фабрично-заводской среды, крупного производства и квалифицированного промышленного труда в отделении рабочих от деревни на примере Пензенской губернии видна особенно ясно.

С увеличением возраста, а значит и длительности связи с промышленностью связь с землей ослаблялась. Наиболее наглядно это прослеживается по возрастанию доли рабочих, не участвовавших в обработке земли (см. табл. 8).

Таблица 8

Возраст в годах	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли — без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие земли	Итого
До 20	24,3	1,8	1,8	1,8	70,3	100
21—30	19,2	5,8	1,9	6,7	66,4	100
31—40	18,1	6,4	1,1	5,3	69,1	100
41—50	16,7	4,2	—	10,4	68,7	100
Свыше 50	26,1	—	—	—	73,9	100

Уменьшается также доля лиц, за исключением самой старшей возрастной группы, принимавших участие в обработке надела (или же тех, у кого в обработке принимали участие самые близкие родственники).

Примерно такая же картина получается, если сравнить данные о связи с землей рабочих с различным профессиональным стажем (см. табл. 9).

Таблица 9

Распределение рабочих Пензенской губернии по связи с землей в зависимости от стажа (в %)

Стаж в годах	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли — без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие земли	Итого
До 1	35,6	3,6	3,6	3,6	53,6	100
1—4	19,4	4,1	—	5,4	71,1	100
4—10	16,4	3,8	3,8	3,8	72,2	100
Свыше 10	17,9	4,6	1,3	5,3	70,9	100

Различные формы связи с землей сохранялись в течение длительного срока пребывания на фабриках и заводах. Поэтому при анализе роли рабочего стажа в разрыве связей с землей необходимо учитывать географическую среду, местонахождение производства и его характер, а также саму профессию.

Процесс разрыва хозяйственных связей с сельским хозяйством нельзя понимать прямолинейно, в том смысле, что чем больше лет проработал рабочий в промышленности, тем слабее его связи с землей. Дело в том, что наиболее развитые отрасли промышленности, и прежде всего размещающиеся, как правило, в городах, с самого начала привлекали рабочих, не имевших каких-либо посторонних занятий. Так же обстояло дело и с обучением квалифицированной профессии. У квалифицированных рабочих связь с землей была такой, которая позволяла им не участвовать лично в обработке земли, хотя номинально рабочий мог числиться членом крестьянской семьи.

Поэтому главным в разрыве связей с деревней было само производство и характер труда на производстве. Чаще всего квалификация и выбор профессии определяли дальнейшее отношение рабочих к земле, вследствие чего мы обычно регистрируем связь с землей у тех рабочих, которые в силу специфических особенностей производства могли хотя бы часть времени уделять своему хозяйству. Это, как правило, рабочие, живущие в сельской местно-

сти и приходящие на фабрики и заводы (городские и сельские) из окружающих деревень. Они медленнее формировались как кадровые пролетарии.

Связь с землей у потомственных рабочих была меньше, чем у остальных: лишь 16,6% их (сами или их близкие родственники) принимали участие в обработке земли, 0,8 — сдавали землю в аренду и 5,0% — вообще не участвовали в ее обработке.

Для определения прочности связей с землей очень важны данные об уходивших на полевые работы. Большей частью это были сельские рабочие, связанные с землей. Постоянно уходили на полевые работы, например, 15,2% тех лиц, которые указали, что они сами или члены их семьи участвуют в обработке наделов, а также 11,7% лиц, применявших в своих хозяйствах наемный труд. Хотя этот процент выше, чем в ряде других губерний, он все же незначителен по отношению даже к данной категории рабочих.

В 1917 г. у тех, кто применял в хозяйстве наемный труд, число уходивших на полевые работы уже увеличивается до 17,6%. В 1918 г. уход на полевые работы участился ввиду ухудшения общего положения в промышленности, в связи с падением роли заработной платы и остановками производства. Из числа первой категории лиц, связанных с землей, на полевые работы уходило 25,3%; из тех, кто применял в хозяйстве наемный труд, — 29,4; на полевые работы уходили даже лица, не обрабатывавшие землю, — 11,1 и не имевшие земли — 10,8%.

Отношение к земле особенно ярко проявляется при анализе семейного положения рабочих (табл. 10). Чем многочисленнее бы-

Таблица 10

Распределение рабочих Пензенской губернии по отношению к земле в связи с семейным положением (в %)

Семьи по количеству человек	Отношение к земле: участие рабочих или членов их семей в обработке земли: без применения наемного труда	с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие земли	Итого
Одиночки	2,7	5,4	—	1,4	90,5	100
2—3	13,5	4,2	5,2	3,1	74,0	100
4—5	20,2	6,0	1,2	4,8	67,8	100
6—8	29,4	—	—	5,9	64,7	100
9 и более	54,2	8,3	—	8,3	29,2	100
Семьи с неустановленным числом человек; живут вместе	17,6	—	2,9	2,9	76,6	100
Семьи с неустановленным составом; живут отдельно	33,3	8,3	4,2	12,5	41,7	100

ли семьи, тем больше была связь с землей, причем возрастали все формы этой связи, за исключением сдачи земли в аренду. Это еще раз подтверждает ранее высказанную мысль о том, что в сохранении связей с деревней главными были семейные и родственные отношения.

Наличие земли было связано с проживанием в собственных домах. Иногда семьи, имевшие собственные дома, оставались жить отдельно от главы семьи, обрабатывая надельную землю. О жилищных условиях рабочих Пензенской губернии в связи с их отношением к земле дает представление табл. 11.

Таблица 11

Распределение рабочих Пензенской губернии по отношению к земле в зависимости от типа жилья (в процентах от каждой группы рабочих, имевших отношение к земле)

Отношение к земле	Жилищные условия: имели собственные дома: всего	в том числе: при заводах и фабриках	в окрестностях заводов и фабрик	в других местах	жили в собственных домах	жили в государственных и частных квартирах	жили в рабочих казармах	Не установлено
Участвовали в обработке	47,0	11,5	22,1	15,1	54,7	41,2	3,8	0,3
Не участвовали в обработке	16,7	—	—	16,7	—	89,0	5,6	5,4
Не имели земли	24,8	11,9	6,5	6,4	21,1	70,0	1,8	7,1
Все рабочие	31,5	11,2	11,2	9,0	30,0	63,4	2,4	5,2

Наиболее прочную связь с промышленностью имели те владельцы домов, у которых они находились рядом с производством. У тех, кто ходил на работу издалека, значительно больше была доля связанных с землей. Большинство рабочих, семьи которых жили в сельской местности Пензенской губернии отдельно от главы семьи, были связаны с землей.

Демографические данные о рабочих Пензенской губернии типичны для непромышленных районов. Наличие в губернии текстильных фабрик обусловило несколько больший процент женщин по сравнению, например, с Приуральем. Всего здесь было 72,5% мужчин и 27,5% женщин. Самая высокая доля мужчин в металлообрабатывающей промышленности — 94,1%, в производстве стекла — 84,8, в полиграфии — 81,0%. Доля женщин в суконной промышленности—44%, в производстве бумаги—39,4%.

Рабочие Пензы были моложе рабочих остальных местностей губернии, что обусловило и более молодой состав рабочих всей

губернии по сравнению с соседними: Рязанской, Симбирской, Саратовской. Особенно много молодежи было среди женщин.

Уровень образования рабочих губернии был следующим: законченное начальное образование имели 30,3% рабочих, 21,8 — не закончили школы, 6,6 — сами научились читать и писать, 37,2% — были неграмотными. Уровень образования зависел от возраста и профессии рабочих. Городские рабочие фабрично-заводской промышленности были более образованны, чем сельские.

В тесной связи с различиями по характеру труда находилась производственная и общественная активность рабочих Пензенской губернии. В трудные дни гражданской войны 58,1% рабочих оставались на производстве полный рабочий день. В то же время участились пропуски рабочих дней. В октябре 1918 г. 8,9% занятых проработали менее 10 рабочих дней, 13,5 — от 10 до 15 рабочих дней, 11,1% — от 15 до 20 рабочих дней. Активные в общественном отношении рабочие составляли примерно 3% от общего числа. Они находились главным образом на пензенских предприятиях.

Организованность рабочих Пензенской губернии была на высоком уровне. Членами профсоюзов являлась подавляющая масса пролетариев, в рабочих кооперативных организациях состояло 45,5% рабочих, в больничных кассах — около 70%.

В 1918 г. улучшились условия труда рабочих. Наряду с 8-часовым рабочим днем были введены оплаченные отпуска. В 1918 г. их получили уже 18,6% рабочих.

Общий анализ рабочих Пензенской губернии показывает, что в 1918 г. для них был характерен высокий уровень социальной однородности. Немногочисленные в целом рабочие губернии обладали в большинстве своем социально-экономическими признаками настоящих пролетариев. Отделение рабочих от деревенского хозяйства достигло высокой степени, особенно в губернском центре на его крупнейших предприятиях. В сельской местности связь с землей была прочнее, будучи особенно характерной для некоторых специфических местных производств. Однако крупное производство и в сельской местности базировалось на труде рабочих, уже не имевших земли и не участвовавших в ее обработке.

Вместе с тем и психологически и экономически рабочие сельской местности в значительной мере были связаны с деревенским образом жизни. Первые же признаки деклассирования обозначались здесь если не быстрее, чем в городе, то более ощутимо. Они были связаны с наделением землей фабрично-заводских рабочих и усилением хозяйственных связей с деревней, выразившихся в уходе на сельскохозяйственные работы. В городе это явление отразилось в слабой степени. В целом в указанное время среди рабочих в губернии сохранилось основное пролетарское ядро.

Социальный облик оставшихся на производстве рабочих Пензенской губернии существенно не отличался по основным показателям от социального облика рабочих других губерний. Главное отличие заключалось не в качественных признаках, а в количественном отношении рабочих ко всему населению, к другим слоям общества, в слабом общем уровне промышленного развития.

●

Рабочие Центрально-земледельческого района представлены в нашей выборке материалами Воронежской губернии. Об отраслевой структуре промышленного производства, о концентрации рабочих по различного типа предприятиям дает представление следующая таблица (см. табл. 12).

Таблица 12

Распределение рабочих Воронежской губернии по предприятиям в зависимости от отрасли производства (в %)

Отрасли промышленности	Предприятия по числу рабочих					Итого	Удельный вес отрасли в промышленности губернии
	до 30	31—100	101—500	501—1000	свыше 1000		
Металлообработка и машиностроение	2,5	7,5	41,3	48,7	—	100	18,5
Пищевая	2,7	8,0	27,1	20,1	42,1	100	62,9
Полиграфия	10,0	20,0	70,0	—	—	100	8,4
Городское хозяйство	—	18,2	81,8	—	—	100	4,6
Прочие	30,0	70,0	—	—	—	100	5,6
Итого	4,8	9,7	32,6	20,5	32,4	100	100

Таким образом, главное место в губернии занимала пищевая промышленность (свеклосахарные, маслодельные заводы и мельницы). Среди них находились довольно крупные — такие, как Рамоньский и Олымский свеклосахарные заводы. Основная масса предприятий пищевой промышленности была размещена в населенных пунктах сельского типа. Профессиональная перепись в отличие от промышленной зарегистрировала на этих предприятиях гораздо большее число рабочих. Дело в том, что заводы Воронежской губернии в значительной мере базировали свое производство на привлечении сезонной рабочей силы в момент уборки технических и зерновых культур, служащих продуктами для переработки в пищевой промышленности. Сезонные рабочие были охвачены профессиональной переписью, тогда как промышленная зарегистрировала только часть их.

Перепись 1918 г. была проведена на части территории основного района производства сахара в стране, включающего ряд украинских и центральных губерний, в том числе и Воронежской. По всей видимости, привлечение сезонной рабочей силы было характерно и для остальных территорий, где производство было связано с переработкой сельскохозяйственных продуктов. В пищевой

промышленности степень зрелости производственных отношений находилась на невысоком уровне.

Остальные производства в Воронежской губернии были развиты слабо. Небольшие заводы местного значения сосредоточивались в губернском центре — Воронеже. Самый крупный завод — машиностроительный «Рихард Поле», на базе которого впоследствии возник Воронежский экскаваторный завод, — был эвакуирован из Риги. В техническом отношении это был один из лучших заводов России. Кроме того, в городе было несколько типографий, предприятий по обслуживанию городского хозяйства и других мелких заведений. Характерной чертой промышленности в губернии было почти полное отсутствие заводов и фабрик в уездных городах. Профессиональной переписью были зарегистрированы рабочие кожевенного завода в г. Острогожске, табачной фабрики в г. Задонске и еще ряда совсем мелких предприятий. Подобное явление характерно почти для всех уездных городов земледельческих губерний. Редкие очаги промышленности и немногочисленные отряды пролетариата в безбрежном море крестьянских хозяйств — типичная черта производящей полосы.

Профессиональная структура пролетариата Воронежской губернии связана с преобладанием рабочих, не имевших постоянной квалификации. При этом наибольшее число таких рабочих сосредоточивалось в пищевой промышленности (см. табл. 13). Но следует помнить, что данные табл. 13 относятся ко времени расширения производства в пищевой промышленности и привлечения сезонных рабочих. Совершенно очевидно, что именно обученные рабочие составляли костяк в этой отрасли. Производство расширялось в основном за счет привлечения рабочих, не имевших специальностей. Всего в данной отрасли было 41,4% постоянных рабочих и 58,6% временных. В остальных отраслях большинство рабочих было постоянными. Общее число сезонных рабочих в Воронежской губернии составляло 40%.

Таблица 13

Распределение рабочих Воронежской губернии по профессиям в зависимости от отрасли производства (в %)

Отрасли промышленности	Профессиональные группы											Всего
	металлисты	деревообделочники	печатники	кожевники	пищевики	табачники	строители	местнотранспортники	рабочие силовых установок	разнорабочие	прочие	
Металлообработка и машиностроение	71,2	3,8	—	2,5	—	—	—	—	3,8	16,2	2,5	100
Пищевая	9,2	1,9	—	0,7	13,4	2,7	2,2	2,9	6,3	54,7	6,3	100
Полиграфия	—	—	72,5	—	—	—	—	—	2,5	17,5	7,5	100
Городское хозяйство	27,3	—	—	—	—	—	—	4,5	36,4	13,6	18,2	100
Прочие	15,9	15,9	—	9,1	2,3	—	—	4,5	6,8	31,8	13,7	100
Всего	18,7	3,5	6,1	1,8	7,9	1,0	1,6	1,6	7,1	45,4	5,3	100

Своеобразная категория сезонных рабочих заслуживает внимательного рассмотрения. Многие показатели, которые мы применяли для изучения постоянных рабочих, здесь лишены смысла. Сразу следует оговориться, что это рабочие сельской местности и одной отрасли производства. Будучи привлеченными на производство на несколько месяцев в году, сезонники не были прочно привязаны к промышленности. На предприятиях с числом рабочих до 30 человек было 17,2% сезонников, от 31 до 100—16,9%, от 101 до 500 — 30,1, от 501 до 1000 — 27,8, свыше 1000 — 75,3%. Профессиональный состав сезонников выглядит следующим образом (см. табл. 14).

Таблица 14

Профессиональный состав сезонных рабочих Воронежской губернии

Распределение сезонных рабочих по профессиям (в %)	Металлисты	Деревообделочники	Пищевики	Строители	Местнотранспортники	Рабочие силовых установок	Разнорабочие	Прочие
Доля рабочих данной профессии среди сезонников	3,3	0,8	13,8	0,8	3,3	8,4	65,7	3,9
Доля сезонников среди рабочих данной профессии	7,4	11,1	60,0	18,2	53,3	48,8	59,7	25,0

Большинство сезонников составляли неквалифицированные рабочие: многие работали кочегарами, грузчиками и возчиками, но основная масса не имела постоянных занятий. Когда работа на данном производстве прекращалась, большинство сезонников возвращалось в собственное крестьянское хозяйство (78,7%). Другие занятия сезонников во время перерыва производства были следующими: батрачили 4,6%, работали по найму у мелких хозяев, не занимавшихся крестьянским трудом, — 2,9, нанимались на работу в другие промышленные предприятия или на транспорт — 7,9%. Интересно, что сезонники-металлисты большей частью не имели собственного хозяйства и во время перерыва работали в промышленности и на транспорте. Чаще других работали в промышленности также квалифицированные пищевики и рабочие силовых установок.

Средний месячный заработок временных рабочих составлял 317 руб. В оплате труда сказывались различия по профессиям, квалификации, возрасту и по количеству проработанного времени.

Сезонные рабочие подчас не однажды работали на одних и тех же предприятиях. У некоторых из них был значительный стаж работы на производстве, хотя и прерывающийся; однако уже тот факт, что они этот стаж регистрировали, был свидетельством направленности их интересов и более прочных связей с промышленностью. Конечно, текучесть состава сезонников была гораздо больше, чем у постоянных рабочих, и об этом говорят данные табл. 15.

Таблица 15

Распределение постоянных и сезонных рабочих Воронежской губернии по стажу (в %)

Сезонность	Стаж в годах					Итого
	до 1	1—4	4—10	свыше 10	не указано	
Постоянные рабочие	23,4	13,8	18,0	38,3	6,5	100
Сезонные рабочие	50,6	16,0	16,0	16,0	1,4	100
В том числе во время перерыва работали в своем хозяйстве	52,6	18,4	15,8	6,8	7,5	100
По найму у мелких хозяев	66,6	5,6	11,1	11,1	5,6	100
В промышленности и на транспорте	21,1	15,8	10,5	52,6	—	100
Прочие занятия	43,8	—	31,2	25,0	—	100
Итого	33,8	14,4	16,1	28,7	6,2	100

Отличительной чертой сезонников был самый различный возраст поступления на производство. Наиболее высоким был заработок у тех рабочих, которые давно уже были связаны с промышленностью.

Преемственность в труде была больше характерна для сезонников, чем для постоянных рабочих (17% вслед за старшими работали на заводах, тогда как среди постоянных соответствующая доля составляла 13%). Ничего удивительного здесь нет, так как и в сезонных производствах соблюдалась преемственность.

Особенно характерны были для сезонных рабочих различные формы связи с землей (см. табл. 16).

Связь рабочих с землей в Воронежской губернии после Октября резко возросла. На ее укрепление решающее воздействие, по-видимому, оказала аграрная революция в деревне. Доля рабочих, связанных с землей, увеличилась за счет лиц, наиболее близких к крестьянской среде. Число постоянных рабочих, участвовавших в обработке земли, выросло на 6—7%, а сезонников— на 20%. Факт укрепления связи с землей сезонных рабочих после проведения аграрных преобразований указывает на то, что среди них в свое время было много малоземельных крестьян. Интересно, что среди постоянных рабочих было больше лиц, применявших в своем хозяйстве наемный труд. Но основная масса рабочих,

Таблица 16

Распределение постоянных и сезонных рабочих Воронежской губернии по связи с землей (в %)

Сезонность	Отношение к земле					Итого
	участие рабочих или членов их семей в обработке земли: без применения наемного труда	участие рабочих или членов их семей в обработке земли: с применением наемного труда	сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие земли	
Постоянные рабочие	17,2	5,3	2,2	2,8	72,5	100
Сезонные рабочие	65,0	2,5	0,9	9,5	22,1	100
В том числе во время перерыва работали в своем хозяйстве	78,9	3,2	0,5	10,0	7,4	100
По найму у мелких хозяев	5,6	—	—	5,6	88,8	100
В промышленности и на транспорте	15,7	—	5,3	10,6	68,4	100
Прочие занятия	25,0	—	—	6,3	68,7	100

имевших землю, обрабатывала ее своими руками или с помощью близких родственников.

Подавляющее большинство сезонников были местными уроженцами. 93,7% сезонников родились в окружающей заводы сельской местности и всего 0,8% — в городах губернии. В единичных случаях среди сезонников были отмечены уроженцы Украины и выходцы из западных губерний.

У постоянных рабочих география места рождения была гораздо шире и уроженцев городов было значительно больше. 79,5% постоянных рабочих родились в Воронежской, Курской и Тамбовской губерниях, причем 17,5 — в городах; уроженцев Центрально-промышленного района было 4,8 (1,4% горожан), сельских уроженцев Украины — 1,4, западных и северо-западных губерний — 10,1%. Значительное число последних объясняется притоком беженцев и эвакуированных.

В тесной связи с местом рождения находился национальный состав обследованных. Если среди сезонных рабочих были, кроме русских, украинцы, белорусы и поляки, составлявшие всего 6,7%, то среди постоянных рабочих на долю украинцев, белорусов, поляков, немцев, евреев, латышей, литовцев и эстонцев приходилось вместе 11,3%. Больше всего представителей других национальностей было на эвакуированном заводе «Рихард Поле», где русские рабочие составляли только 31,3%, а латыши — 43,8%.

Наличие собственного дома было почти непременным атрибутом сезонника (см. табл. 17).

Большинство собственных домов находилось в окружающих заводы селениях. Значительная часть рабочих добиралась до ме-

Таблица 17

Распределение постоянных и сезонных рабочих Воронежской губернии по жилищным условиям (в % от общего числа рабочих данной категории)

Сезонность	Жилищные условия							
	имели собственные дома							
		в том числе						
	всего	при заводах	в окрестностях заводов	в другом месте	жили в собственных домах	жили на государственных и частных квартирах	в казармах	не установлено
Постоянные рабочие	28,7	5,4	18,0	5,4	33,8	48,5	8,5	9,3
Сезонные рабочие:								
в том числе в перерыве работали в своем хозяйстве	73,2	3,2	51,6	18,4	67,9	15,8	15,8	0,6
по найму у мелких хозяев	50,0	5,6	11,2	33,3	16,7	61,1	22,2	—
в промышленности или на транспорте	47,4	5,3	35,8	5,3	35,8	35,8	26,3	—
прочие занятия	31,2	6,7	13,3	13,3	31,2	62,5	6,7	—
Всего	47,6	4,4	28,9	14,3	42,6	39,4	11,2	5,8

ста работы издалека. Около 40% рабочих, имевших собственные дома, жили в казармах. На время работы многие из сезонников оставляли свои семьи.

Сезонные рабочие были мало активны в общественном отношении, однако большинство из них были уже организованными рабочими. Членство в профсоюзе, в потребительских обществах, в больничных кассах было массовым.

Большой интерес представляет демографическая характеристика сезонников. Среди них было несколько больше женщин: 24,3 и 75,7% мужчин против 16,9 и 83,1% у постоянных рабочих. Женщины составляли самую подвижную, наименее связанную с производством часть сезонников.

Распределения по возрасту постоянных и сезонных рабочих имели общие закономерности. У тех и у других наблюдалось уменьшение доли рабочих в возрасте от 21 до 30 лет, т. е. той возрастной группы, которая наиболее пострадала от войны. Недостаток лиц этого возраста среди сезонников восполнялся молодежью активнее, чем у постоянных рабочих. Это и понятно, поскольку временные работы, как правило, не требовали особенной квалификации.

Среди сезонников было много младших членов крестьянских семей. Об этом говорят данные о семейном положении рабочих (см. табл. 18).

Постоянные и сезонные рабочие значительно различались по уровню образования. В этом сказывалась близость сезонников к менее образованной крестьянской массе (см. табл. 19).

Таблица 18

Распределение постоянных и сезонных рабочих Воронежской губернии по семейному положению (в %)

Сезонность	Семьи по количеству человек							Итого
	одиночки	2—3	4—5	6—8	9 и более	семьи живут отдельно, количество членов не установлено	не установлено	
Постоянные рабочие	42,8	19,4	19,7	8,7	2,8	5,4	1,2	100
Сезонные рабочие	36,9	15,8	16,7	13,8	3,8	11,2	1,8	100
в том числе в перерыве работали в своем хозяйстве	36,7	13,8	13,8	16,0	4,3	11,7	3,7	100
по найму у мелких хозяев	22,2	33,4	22,2	—	—	22,2	—	100
в промышленности или на транспорте	42,1	15,6	21,1	10,6	5,3	5,3	—	100
прочие занятия	50,0	12,5	37,5	—	—	—	—	100
Все рабочие	39,5	17,5	18,0	10,5	3,5	9,5	1,5	100

Таблица 19

Распределение постоянных и сезонных рабочих Воронежской губернии по уровню образования (в %)

Сезонность	Образование							Итого
	начальное							
	законченное	незаконченное	среднее	низшее профессиональное	прочее	самообразование	не указано об образовании	
Постоянные рабочие	37,2	22,3	0,3	1,1	1,1	4,8	33,2	100
Сезонные рабочие	25,9	20,0	0,4	0,4	0,4	1,2	51,7	100
Все рабочие	32,9	21,2	0,3	0,8	0,8	3,3	40,5	100

Таким образом, по всем показателям большая часть сезонных рабочих принадлежала к переходной группе между крестьянством и пролетариатом. Эти полурабочие-полукрестьяне должны быть отнесены к наименее развитому слою в среде рабочего класса.

Постоянные рабочие Воронежской губернии также значительно различались между собой. Наиболее развитый пролетариат был сосредоточен в Воронеже. Если сравнить воронежских рабочих с остальными постоянными, то можно отметить целый ряд особенностей их как настоящих пролетариев. В Воронеже было сосредоточено несколько отраслей промышленности в отличие от остальных районов губернии, где в основном находились предприятия пищевой промышленности. 43,2% рабочих Воронежа были заняты

в металлообработке и машиностроении, 21,9 — в полиграфии, 11,5—в пищевой промышленности, 4,4% — в деревообработке. В остальных отраслях вместе взятых было занято 19% рабочих. Основная масса занятых концентрировалась на средних по размеру предприятиях — 53,6%. Профессиональный состав воронежцев был значительно квалифицированнее, если мы будем сравнивать их с остальными постоянными рабочими губернии (см. табл. 20).

Таблица 20

Распределение постоянных рабочих Воронежской губернии по профессиональным группам в зависимости от места проживания (в %)

Населенные пункты	Профессиональные группы											Итого
	металлисты	деревообделочники	печатники	кожевники	пищевики	табачники	минеральщики	строители	местнотранспортники	рабочие силовых установок	разнорабочие	
Воронеж	39,7	4,6	16,7	1,1	2,9	—	—	1,1	1,7	8,6	23,6	100
Прочие города	—	—	—	14,8	3,7	37,0	—	7,4	—	11,2	25,9	100
Сельские поселения	22,2	6,3	—	1,6	12,7	—	1,6	4,0	3,2	2,4	46,0	100
Все постоянные рабочие	30,0	4,8	8,8	2,4	6,7	3,0	0,6	2,7	2,1	6,4	32,2	100

Большинство воронежских рабочих составляли металлисты, тогда как в сельской местности преобладали рабочие неквалифицированных специальностей. Более высокая квалификация отражалась на размере заработка. Воронежцы получали в среднем 328 руб., тогда как все остальные постоянные рабочие — в среднем 309 руб.

Заработок постоянных рабочих зависел от продолжительности их пребывания на производстве. Наиболее ранним поступлением в промышленность отличались также воронежские рабочие. Лишь 6,6% из их состава пришли на производство старше 20 лет, а из постоянных сельских рабочих — 10%. По среднему возрасту постоянных рабочих воронежцы почти не отличались от остальных губерний. Распределения постоянных рабочих по продолжительности профессиональной подготовки (табл. 21) указывает на преобладание среди них лиц с большим стажем, особенно в таких отраслях, как металлообработка и машиностроение, полиграфия, сосредоточенных в Воронеже.

Если учитывать стаж только по последнему месту работы, то увеличивается категория лиц, пришедших на новые места после революции. Однако анализ длительности их профессиональной подготовки говорит, что среди рабочих со стажем до 1 года было 24% проработавших на производстве в целом свыше 4 лет; от 1 года до

Таблица 21

Распределение рабочих Воронежской губернии по стажу в зависимости от места проживания и отрасли производства (в %)

Населенные пункты и отрасли промышленности	Стаж в годах					Итого
	до 1	1—4	4—10	свыше 10	не указано	
Всего по Воронежу	10,9	15,3	15,9	47,0	10,9	100
в том числе металлообработка и машиностроение	11,2	15,0	12,5	58,8	2,5	100
полиграфия	—	20,0	22,5	40,0	17,5	100
прочие отрасли	17,5	12,7	15,8	36,5	17,5	100
По другим городам	38,7	29,0	12,9	16,2	3,2	100
В сельской местности	36,4	7,9	22,2	32,2	1,3	100

4 лет — 25 с общим стажем свыше 10 лет, а от 4 до 10 лет — 16% рабочих имели производственный стаж свыше 10 лет.

Наиболее длительной связью с промышленностью среди постоянных рабочих различных профессий отличались металлисты, деревообделочники, печатники. Среди металлистов 57% имели профессиональный стаж свыше 10 лет, у деревообделочников — 62,5, у печатников — 44%. Высокая квалификация, а также длительный стаж работы в профессии обусловили больший заработок рабочих именно указанных профессий. Металлисты получали в среднем 380 руб., деревообделочники — 367, печатники — 333 руб. Менее квалифицированные и менее связанные с производством пищевики получали уже 303 руб., а рабочие, не имевшие специальности, — 283 руб. [3].

Уровень преемственности в труде, невысокий сам по себе, незначительно изменялся под влиянием условий производства. В Воронеже было 15,8% потомственных рабочих, в том числе в металлообработке и машиностроении — 16,2, в полиграфии — 15,0%. В остальных отраслях уровень преемственности вообще был мизерным. Отсюда и максимальная доля потомственных рабочих среди профессий металлистов—16,4% и печатников—16,1%.

Постоянные рабочие редко меняли свою квалификацию. Смена занятий была связана прежде всего с более поздним возрастом поступления. Рабочие, с ранних лет связанные с производством, как правило, не меняли своей профессии.

[3] Сравним эти данные со сведениями современной статистики труда. Согласно им в октябре 1918 г. квалифицированные рабочие металлообрабатывающей промышленности г. Воронежа получали в среднем 394 руб., чернорабочие — 304,8 руб. Квалифицированные рабочие-деревообделочники получали 360 руб., чернорабочие — 138 руб., квалифицированные пищевики получали в среднем 360 руб., а чернорабочие — 202,4 руб. В целом квалифицированные рабочие получали 392 руб., чернорабочие — 288 руб., ученики 197 руб. («Статистика труда», 1919, № 1—4, стр. 35).

Таблица 22

Распределение потомственных рабочих Воронежской губернии по связи с землей в зависимости от места проживания и отрасли производства (в %)

Отрасли и размещение производства	Отношение к земле					Итого
	участие рабочих или членов их семей в обработке земли		сдача земли в аренду	не участвовали в обработке земли	отсутствие земли	
	без применения наемного труда	с применением наемного труда				
Воронеж	3,3	—	3,3	5,0	88,5	100
в том числе: металлообработка и машиностроение	2,5	—	3,7	2,5	91,3	100
полиграфия	2,5	—	5,0	—	92,5	100
прочие отрасли	5,9	—	2,0	13,7	78,4	100
Прочие города	12,9	—	3,2	3,2	80,7	100
Сельские поселения	35,9	14,1	0,7	—	49,2	100

Интересны различия среди постоянных рабочих по отношению к земле (см. табл. 22).

Закономерность прослеживается довольно четко: в зависимости от условий труда находилась связь рабочих с землей. Городские рабочие наиболее квалифицированных профессий и отраслей труда имели наименьшую связь с землей. Неквалифицированные сельские рабочие — наибольшую.

Среди постоянных рабочих было зарегистрировано незначительное число уходивших на полевые работы. Постоянно уходили среди них 2,3%, в 1917 г. — 1,8, в 1918 г. — 2,1%. На полевые работы уходили рабочие некоторых мелких предприятий в сельской местности: пищевики, деревообделочники, имевшие стаж работы в профессии свыше 10 лет. Почти все они были прочно привязаны к земле, а некоторые из них в течение многих лет обрабатывали землю с применением наемного труда.

В разрыве экономических связей с сельским хозяйством главную роль играло приобретение квалификации и длительный стаж работы в промышленности. Однако в условиях сельской местности разрыв связей с землей шел медленнее. Здесь около трети рабочих с более чем десятилетним стажем имели связь с землей.

Другие формы связи с деревней у постоянных рабочих также во многом определялись характером размещения производства, отраслью, профессией и в целом характером труда. Вот, например, как зависело от размещения производства и характера труда место проживания рабочих (см. табл. 23).

Наибольшее число лиц, владевших собственными домами, было зарегистрировано в сельской местности и в небольших городах. Те, кто не имели собственных домов, были менее всего связаны с землей, причем среди них было и наибольшее число лиц, не уча-

Таблица 23

Распределение рабочих Воронежской губернии по жилищным условиям в зависимости от места проживания и отрасли производства (в %)

Отрасли и размещение производства	Жилищные условия							
	имели собственные дома				жили в собственных домах	жили на государственных и частных квартирах	жили в рабочих казармах	не установлено
	всего	в том числе						
		при заводах	в окрестностях завода	в другом месте				
Воронеж	14,2	—	9,3	4,9	17,5	63,9	6,0	12,6
в том числе: металлообработка и машиностроение	18,8	—	8,8	10,0	23,8	62,5	2,5	12,5
полиграфия	12,5	—	12,5	—	17,5	12,5	—	10,0
прочие отрасли	9,5	—	7,9	1,6	9,5	60,3	15,9	14,3
Прочие города	38,7	12,9	16,1	9,7	38,7	58,1	3,2	—
Сельские поселения	45,7	10,7	30,0	5,0	55,5	32,1	12,4	—

ствовавших в обработке земли. Это значит, что разрыв связей с землей шел параллельно с ослаблением и других связей с деревней. Любопытно, что на полевые работы уходили, главным образом те из сельских рабочих, дома которых находились недалеко от заводов. Владельцы домов были, как правило, люди семейные. Оставление домов на дальней стороне в большей степени было связано с изменением положения рабочих.

В прямой связи с уровнем развития отдельных отрядов рабочих Воронежской губернии находилась степень их вовлечения в общественную деятельность. Преимущество в этом отношении принадлежало рабочим Воронежа и прежде всего занятым в металлообработке и машиностроении.

Демографический облик постоянных рабочих Воронежской губернии характеризуется, во-первых, преобладанием мужчин. Однако и в соотношении полов наблюдались существенные различия по отраслям. Так, в металлообработке и машиностренни было всего 2,5% женщин, в полиграфии — 15, а в пищевой промышленности—около 30%. Среди металлистов, деревообделочников, рабочих силовых установок женщин вообще не было, а печатниц среди соответствующей профессиональной группы — 12,9%. Типично женским был небольшой профессиональный отряд табачников. Больше, чем в среднем по губернии, было женщин среди рабочих, не имевших специальности.

Женщины преобладали среди рабочих с небольшим стажем. Заработок работниц был намного ниже, что обусловливалось низкой квалификацией их труда. Женщины еще не были вовлечены в общественную работу. Будучи прочнее привязаны к своему месту жительства, все они были местными уроженками. Редко какая-либо из работниц регистрировалась как родившаяся далеко от

места работы. Еще одна особенность — преобладание среди работниц одиноких.

Между рабочими и работницами были большие возрастные и образовательные различия. Более половины женщин не имели образования несмотря на то, что среди них преобладала молодежь. Уровень образования рабочих был вообще тесно связан с возрастом: чем старше рабочие, тем ниже был у них уровень образования, тем больше было среди них неграмотных.

Наиболее высоким уровнем образования отличались рабочие Воронежа. Среди них 41,5% рабочих имели законченное начальное образование и 20,0% незаконченное. В металлообработке и машиностроении, полиграфии уровень образования был еще выше. В металлообработке и машиностроении 53,7% рабочих имели законченное начальное образование и 22,2% — незаконченное, в полиграфии 47,5% рабочих имели законченное начальное образование и 25% незаконченное. Внутри же этих отраслей по уровню образования выделялись металлисты, рабочие силовых установок и печатники. Металлисты имели 57% лиц с законченным начальным образованием и 23,4% с незаконченным, а печатники — соответственно 48,4 и 27,1%. Металлисты и рабочие силовых установок выделялись по уровню образования и среди рабочих сельской местности. Уровень образования в свою очередь оказывал воздействие на повышение квалификации рабочего и на величину его заработной платы. Наиболее высоким уровень образования был у рабочих-общественников. При стопроцентной грамотности этих рабочих более 2/3 из них имели законченное начальное образование. Среди более образованных рабочих было больше уроженцев городов.

Уроженцы городов составляли весьма высокий процент среди воронежских рабочих. В Воронеже было зарегистрировано 27,3% местных уроженцев и 45,4% выходцев из сельской местности той же губернии. Особенно велика доля потомственных горожан среди печатников — 62,1%. У лиц с небольшим производственным стажем доля потомственных горожан возрастает, что является указанием на повышение роли города в процессе образования промышленных кадров под влиянием специфических условий 1918 г.

Семейное положение постоянных рабочих было более ровным, чем у сезонников. Металлисты были большей частью людьми семейными. В ряде отраслей среди постоянных рабочих было большое количество одиночек. Одиночками были, как правило, молодые рабочие, хотя вследствие войны увеличилось число вдов, стариков и подростков в среде рабочего класса. Наибольший процент одиноких рабочих был зарегистрирован среди проживавших на государственных и частных квартирах. Среди одиночек было меньше рабочих с большим производственным стажем и преобладали те, кто пришел на производство в годы войны (около 62%).

В конечном счете социальный облик постоянных рабочих Воронежской губернии мало отличается от рабочих остальных районов страны. Главное отличие заключается в уровне промышленного развития, в малочисленности рабочего класса. Как и в других районах, наиболее развитый отряд пролетариата сосредоточивался в крупном городе и состоял из самых квалифицированных представителей своих профессий. Ведущую роль при этом играла концентрация рабочих на крупных предприятиях металлообработки и машиностроения. Овладение специальностью требовало нескольких лет пребывания на производстве, поэтому длительный стаж был характерен для большинства рабочих губернии, а для передовых рабочих он был постоянным социально-экономическим показателем.

Рабочие пищевой промышленности в сельской местности испытывали на себе воздействие крестьянской среды. Различия между городским и сельским фабрично-заводским пролетариатом в Воронежской губернии были более ощутимы, чем не только в ряде промышленных, но и непромышленных губерний. Сезонные рабочие оказали значительное воздействие на социальный облик пролетариата Воронежской губернии. Об этом говорит схема взаимосвязей основных показателей рабочих Воронежской губернии (см. рис. 4, гл. II), которая в основном отражает особенности взаимосвязей признаков среди рабочих всех земледельческих губерний.

●

Материалы Витебской губернии, включенные в выборочную обработку, представляют интерес для характеристики западных губерний, удаленных от крупных индустриальных центров. Рабочие Витебской губернии, попавшие в выборку, следующим образом распределялись по отраслям и типам предприятий (табл. 24).

Таблица 24

Распределение рабочих Витебской губернии по размеру предприятий в зависимости от отрасли производства (в %)

Отрасли промышленности	Предприятия по числу рабочих					Итого	Доля рабочих данной отрасли производства
	до 30	31—100	101—500	501—1000	свыше 1000		
Металлообработка и машиностроение	13,3	13,3	73,4	—	—	100	17,3
Деревообрабатывающая	40,0	60,0	—	—	—	100	2,9
Пищевая	15,4	30,8	53,8	—	—	100	7,5
Кожевенная	—	100	—	—	—	100	2,3
Текстильная	—	—	—	100	—	100	24,1
Швейно-обувная	—	—	35,0	—	65,0	100	34,5
Производство бумаги	—	100	—	—	—	100	4,0
Полиграфия	57,1	42,9	—	—	—	100	4,0
Городское хозяйство	50,0	50,0	—	—	—	100	2,5
Всего	8,6	16,2	28,7	24,1	22,4	100	100

При анализе таблицы необходимо помнить, что в годы войны в структуре промышленного производства губернии произошли некоторые изменения, в частности были закрыты почти все мелкие предприятия, многие заводы и фабрики прекратили или сократили производство, некоторые были эвакуированы, а другие перестроили свое производство на нужды войны. После революции процесс сокращения общего числа занятых на предприятиях продолжался. Но по той части рабочих, которая была охвачена переписью, можно охарактеризовать социальный облик не только рабочих Витебской, но и соседних с ней Гомельской, Минской, Гродненской, Виленской, Псковской и других западных непромышленных губерний.

Структура промышленности в Витебской губернии отражала специфику непромышленных губерний. На первом месте стояли предприятия по производству одежды и обуви. Эта отрасль особенно развивалась в годы войны. Ее развитие обусловливалось близостью губернии к театру военных действий и обслуживанием армии. Наиболее крупной была фабрика Центрального правления кожевенно-обувного производства, насчитывавшая в 1918 г. около 2 тыс. рабочих. Из других предприятий следует отметить средние по размеру пошивочные мастерские Комитета по борьбе с безработицей и Губпродкома. На втором месте по числу рабочих в губернии была льнопрядильная фабрика «Двина», в годы войны выполнявшая военные заказы.

Среди предприятий пищевой промышленности выделялась табачно-махорочная фабрика Колбановского, а в машиностроении — завод сельскохозяйственных орудий Витебского комитета по борьбе с безработицей (по переписи — 451 рабочий).

Значительную часть в губернии составляли рабочие, занятые на мелких и средних предприятиях, хотя в годы войны здесь шел усиленный процесс концентрации производства, вызванный закрытием мелких предприятий фабрично-заводской промышленности и кустарно-ремесленных заведений в связи с мобилизацией рабочих. Для сельских районов, исключая пригородные местности, были характерны мелкие предприятия. Однако размещение производства в целом было связано с особенностями развития промышленности в данном районе, выросшей на базе городского кустарно-ремесленного производства. Основные предприятия губернии находились в Витебске, Двинске и окружающих эти города поселениях. Лишь лесопильные заводы оказались целиком расположенными в сельской местности. На этих заводах, а также на некоторых предприятиях пищевой промышленности переписью зарегистрированы очень немногие и нетипичные для губернии в целом временные, сезонные рабочие, не имевшие специальностей. Основными в губернии были отрасли легкой промышленности с низкой производственно-технической базой.

Ведущим профессиональным отрядом в губернии были кожевники, составлявшие 26,4% всех рабочих, затем шли текстильщики — 18,4, металлисты — 16,7, швейники — 9,2, деревообделочники—3,5, рабочие силовых установок—3,3, табачники—2,9, печатники — 2,8, пищевики — 1,7, грузчики и возчики — 1,1%. Рабочие, не имевшие специальностей (чернорабочие, поденщики), составляли 13,8%. Большинство представителей профессиональных групп сосредоточивались в соответствующих отраслях основного производства. Текстильщики составляли 76,2% рабочих текстильной промышленности, кожевникам и швейникам принадлежало большинство в заведениях по производству одежды и обуви: 70% — кожевники и 26,7% — швейники. Металлисты в машиностроении и металлообработке составляли 76,7%. Доля рабочих вспомогательных профессий в основных отраслях промышленности была невелика, что является своеобразным показателем низкого уровня развития промышленности губернии. Правда, в некоторых отраслях было много лиц, не имевших постоянной квалификации: в городском хозяйстве — 66,7%, в деревообрабатывающей промышленности — 60, пищевой — 46,2, писчебумажной — 42,9%.

О квалификационных различиях рабочих можно отчасти судить по размеру заработной платы. Величина заработка в Витебской губернии сильно колебалась в зависимости от отрасли, профессии и местонахождения предприятий. В металлообработке и машиностроении ежемесячная заработная плата составляла в среднем 559 руб., в производстве одежды и обуви — 571, в полиграфии и кожевенной промышленности — 500, в пищевой — 392, в городском хозяйстве — 367, в текстильной, на льнопрядильной фабрике «Двина» — 305, в производстве бумаги — 117, на лесопильных заводах — 100 руб.

Примерно так же изменялась величина заработка по профессиональным группам. Больше всего получали в среднем на человека кожевники—593 руб. Далее шли металлисты—548, швейники, деревообделочники, местнотранспортники — 500, табачники — 420, печатники, рабочие силовых установок — 400, разнорабочие —356, текстильщики — 255 руб. Но особенно резкими были различия в оплате труда городских и сельских промышленных рабочих. В городах средний заработок рабочих составлял 552 руб., а в сельской местности — 277 руб. При этом следует указать, что размер заработной платы зависел не только от уровня квалификации, но определялся и целым рядом сопутствующих факторов. Например, в городах тарифные ставки были вообще выше, чем в сельской местности.

По данным о месте рождения рабочих можно отчасти изучить вопрос об источниках формирования основного контингента кадров промышленных предприятий Витебской губернии (табл. 25).

Данные о месте рождения свидетельствуют о значительном отрыве рабочих губернии от деревни. Больше всего местных уроженцев в тех отраслях, которые выросли из кустарно-ремесленной промышленности и вследствие этого были сосредоточены в городах. Здесь чаще встречались потомственные горожане. Наиболее

Таблица 25

Распределение рабочих Витебской губернии по месту рождения в зависимости от типа поселений, отрасли и профессии (в %)

Тип поселений, отрасли, профессии	Место рождения: губернии Белорусского района		прочие		Итого
	город	село	город	село	
Тип поселений					
Витебск	64,2	22,2	3,7	9,9	100
Прочие города	25,0	37,5	—	37,5	100
Сельские поселения	14,8	59,2	9,3	16,7	100
Отрасли					
Металлообработка и машиностроение	34,5	27,6	10,3	27,6	100
Деревообрабатывающая	—	40,0	—	60,0	100
Пищевая	60,0	40,0	—	—	100
Кожевенная	66,7	33,3	—	—	100
Текстильная	20,5	53,7	12,9	12,9	100
Швейно-обувная	78,9	21,1	—	—	100
Производство бумаги	—	85,7	—	14,3	100
Полиграфия	71,4	14,3	—	14,3	100
Городское хозяйство	20,0	40,0	—	40,0	100
Профессии					
Металлисты	25,9	37,0	14,8	22,3	100
Деревообделочники	16,7	50,0	—	33,3	100
Печатники	80,0	20,0	—	—	100
Текстильщики	12,5	56,3	16,0	15,2	100
Швейники	90,9	9,1	—	—	100
Кожевники	73,3	26,7	—	—	100
Пищевики	—	66,7	—	33,3	100
Табачники	75,0	25,0	—	—	100
Местнотранспортники	50,0	50,0	—	—	100
Рабочие силовых установок	33,3	33,3	—	33,4	100
Разнорабочие	44,4	33,3	—	22,3	100
Все рабочие	45,8	37,4	6,9	9,9	100

широкая география места рождения в отраслях развитой фабрично-заводской индустрии: в металлообработке и машиностроении, в текстильной промышленности. Здесь концентрировалось много выходцев из сельской местности, из крестьянства. Явление это может найти свое объяснение в том, что потребность этих отраслей в рабочей силе в свое время не могла быть удовлетворена за счет собственно городского населения.

Перепись 1918 г. зарегистрировала в Витебской губернии значительное число выходцев из Польши и Прибалтики, что объясняется не только близостью указанных районов к Белорусскому, но и притоком беженцев из занятых немцами и прифронтовых территорий. По данным табл. 25 металлисты и текстильщики были наиболее географически подвижными профессиональными отрядами пролетариата.

По месту рождения, таким образом, можно судить о том, где сосредоточивалась рабочая сила из различных районов страны. Если местные уроженцы вливались в основном в специфические местные отрасли производства (пошивочные и обувные мастерские и фабрики, писчебумажную и полиграфическую отрасли промышленности), то выходцы из других районов концентрировались прежде всего в крупной машинной индустрии.

Большую роль в характеристике рабочих имеет такой признак, как возраст первоначального поступления в промышленность. Различия здесь были очень значительными, что указывает на нестабильность процесса формирования пролетарских кадров. Это можно объяснить, с одной стороны, неустойчивым характером самого производства в Витебской губернии в связи с близостью к театру военных действий, с другой стороны, особенностями воспроизводства рабочей силы. Данные табл. 26 иллюстрируют различия рабочих в связи со временем их прихода в промышленность.

Таблица 26

Распределение рабочих Витебской губернии по возрасту поступления в промышленность в зависимости от отрасли и профессии (в %)

Отрасли и профессии	Возраст поступления в промышленность в годах: до 15	16—20	21—30	свыше 30	Итого
По основным отраслям					
Металлообработка и машиностроение	67,9	21,4	3,5	7,2	100
Деревообрабатывающая	—	50,0	50,0	—	100
Пищевая	45,5	18,2	18,2	18,1	100
Кожевенная	75,0	25,0	—	—	100
Текстильная	61,9	16,7	7,2	14,2	100
Швейно-обувная	85,0	7,5	7,5	—	100
Производство бумаги	14,3	42,7	28,7	14,3	100
Полиграфия	51,7	28,6	5,6	14,1	100
По ведущим профессиям					
Металлисты	63,0	25,9	—	11,1	100
Деревообделочники	66,6	16,7	16,7	—	100
Печатники	60,0	20,0	—	20,0	100
Текстильщики	71,9	18,7	6,3	3,1	100
Швейники	76,9	15,4	7,7	—	100
Кожевники	87,1	6,5	6,4	—	100
Пищевики	—	33,3	66,7	—	100
Табачники	80,0	20,0	—	—	100
Местнотранспортники	—	50,0	—	50,0	100
Рабочие силовых установок	16,7	16,7	16,6	50,0	100
Разнорабочие	16,7	22,2	27,8	33,3	100
Все рабочие	66,1	16,6	9,7	7,6	100

Ранним приходом в промышленность отличались рабочие таких отраслей, как кожевенная, производство одежды и обуви, а по профессиям — швейники, кожевники, текстильщики и табачники. Первые две группы близки по своему характеру к кустарно-ремесленному производству. Эти специальности не требовали особенно высокой квалификации и на них довольно часто привлекались подростки. У большинства металлистов также был зарегистрирован ранний приход в промышленность, но вместе с тем здесь уже значителен контингент лиц, пришедших на предприятия сравнительно поздно. Возможно, что это следует отнести за счет беженцев, бывших солдат и военнопленных. Но они пополняли в основном ряды рабочих, не имевших специальностей. Наиболее ранним поступлением отличались рабочие основного производства; поздно пришедшие были, как правило, заняты на вспомогательных работах. Анализ возрастных распределений занятых в различных отраслях и профессиях позволяет рассмотреть вопрос о длительности их связи с промышленным трудом (табл. 27).

Таблица 27

Распределение рабочих Витебской губернии по возрасту в зависимости от отрасли и профессии (в %)

Отрасли и профессии	Возраст в годах						Итого
	до 15	16—20	21—30	31—40	41—50	свыше 50	
Отрасли							
Металлообработка и машиностроение	3,3	16,7	36,7	23,3	13,3	6,7	100
Деревообрабатывающая	—	20,0	20,0	40,0	20,0	—	100
Пищевая	7,7	46,2	15,5	15,0	15,6	—	100
Текстильная	14,3	35,7	16,7	14,2	16,7	2,4	100
Производство одежды и обуви	11,9	28,6	38,1	7,2	7,1	7,1	100
Производство бумаги	—	—	43,0	28,6	28,4	—	100
Полиграфия	—	12,8	42,8	30,0	14,4	—	100
Профессии							
Металлисты	3,4	17,2	41,3	27,6	3,6	6,9	100
Деревообделочники	—	16,7	16,7	33,3	33,3	—	100
Печатники	—	10,0	30,0	60,0	—	—	100
Текстильщики	15,6	43,7	18,8	9,4	12,5	—	100
Швейники	—	6,7	60,0	6,7	6,6	20,0	100
Кожевники	19,3	28,7	22,6	12,9	16,5	—	100
Пищевики	—	—	—	—	100	—	100
Табачники	—	80,0	20,0	—	—	—	100
Местнотранспортники	—	—	—	50,0	—	50,0	100
Рабочие силовых установок	—	—	—	33,3	66,7	—	100
Разнорабочие	9,9	13,6	27,3	9,9	27,3	12,0	100
Все рабочие	9,0	25,6	28,2	16,7	14,7	5,8	100

Во всех отраслях большинство составляли молодые рабочие. Почти по всем отраслям и профессиям уменьшается число рабочих, принадлежащих к средним возрастным группам, наиболее пострадавшим от мобилизаций и других последствий военного времени. Даже старшие группы рабочих несколько представительнее по сравнению со средними. Поэтому можно сказать, что в Витебской и, по всей видимости, во всех западных губерниях наблюдались более значительные потери в довоенных кадрах рабочих, чем в других районах. Недостаток лиц средних возрастов компенсировался за счет притока молодежи, причем связь с промышленностью большинства молодых рабочих была довольно значительной. Об этом говорит сравнение данных о возрастном уровне рабочих и времени их прихода на производство (табл. 28).

Таблица 28

Распределение рабочих Витебской губернии по времени поступления в промышленность в зависимости от возраста (в %)

Возраст в годах	Возраст поступления в промышленность в годах				Итого
	до 15	16—20	21—30	свыше 30	
До 15	100	—	—	—	100
16—20	82,1	17,9	—	—	100
21—25	64,3	32,1	3,6	—	100
26—30	66,6	16,7	16,7	—	100
31—40	50,0	20,8	8,3	20,9	100
41—50	22,0	17,4	30,4	26,2	100
Свыше 50	25,0	12,5	12,5	50,0	100

Менее всего сказались последствия войны на возрастных распределениях рабочих металлообработки и машиностроения, полиграфии, однако это обусловлено характером труда в данных отраслях, привлечением на освободившиеся места квалифицированных рабочих, хотя иногда и не связанных конкретно с данными предприятиями. Средняя продолжительность связи с промышленностью рабочих металлообработки и машиностроения—14—15 лет. Наименее связанными с промышленностью оказались рабочие деревообрабатывающей, пищевой, текстильной и писчебумажной отраслей промышленности. Наибольшее число молодых рабочих было в текстильной и кожевенной отраслях. В последней рабочие отличались ранним возрастом поступления, а потому и длительной связью с промышленностью. Средний возраст рабочего-кожевника в Витебской губернии составлял 22,7 года, текстильщика (текстильщицы) — 23,6 года, табачника (табачницы) —

19,2 года. Среди рабочих различных профессий наиболее «старыми» по возрасту были пищевики (средний возраст — 44,6 года), рабочие силовых установок (41,3 года), деревообделочники (34,7 года).

Основное внимание при характеристике социального облика рабочих в условиях 1918 г. должно быть уделено длительности профессиональной подготовки. Длительность стажа в профессии наиболее верно передает отношение рабочих к промышленности, так как смена занятий, профессий вообще была мало характерна для рабочих дореволюционной России, о чем уже говорилось раньше. Сопоставим данные о длительности профессиональной подготовки с данными о возрасте поступления рабочих на производство (табл. 29).

Таблица 29

Распределение рабочих Витебской губернии по времени поступления на производства в зависимости от стажа (в %)

Стаж в годах	Возраст поступления в годах				Итого
	до 15	16—20	21—30	свыше 30	
До 1	50,0	16,7	16,7	16,6	100
1—4	73,7	21,1	2,6	2,6	100
4—10	68,1	14,9	2,1	14,9	100
Свыше 10	58,0	16,0	22,0	4,0	100
Все рабочие	62,7	16,6	13,1	7,6	100

Поздним приходом в промышленность отличались лица, практически не имевшие профессиональной подготовки. Больше всего молодежи пришло на предприятия в годы войны в связи с заменой мобилизованных рабочих. Но, пожалуй, более ясное представление о длительности связи с промышленностью дает анализ данных о возрасте рабочих с различным профессиональным стажем (табл. 30).

Таблица 30

Распределение рабочих Витебской губернии по возрасту в зависимости от стажа (в %)

Стаж в годах	Возраст в годах							Итого
	до 15	16—20	21—25	26—30	31—40	41—50	свыше 50	
До 1	33,3	33,3	16,7	—	16,7	—	—	100
1—4	23,3	55,8	4,7	—	9,3	2,3	4,6	100
4—10	4,2	29,2	41,7	8,3	6,2	10,4	—	100
Свыше 10	—	—	7,7	17,3	30,8	32,7	11,5	100

Возраст и стаж были тесно взаимосвязаны, правда, среди рабочих, имевших незначительный профессиональный стаж, было довольно много лиц, поздно получивших профессиональную подготовку. Это было связано отчасти с тем, что в годы войны в состав рабочего класса попадали лица, не занимавшиеся ранее промышленным трудом, что в конечном счете способствовало его засорению чуждыми элементами. Однако среди рабочих, приобретших специальности в годы войны, было и наибольшее число молодых рабочих: в возрасте до 20 лет — 79,1%, а до 25 лет — почти 84%.

Распределение рабочих Витебской губернии непосредственно по стажу в профессии в ряде основных отраслей и по ведущим профессиональным отрядам было следующим (табл. 31).

Таблица 31

Распределение рабочих Витебской губернии по стажу в зависимости от отрасли и профессии (в %)

Отрасли и профессии	Стаж в годах				Итого
	до 1	1—4	4—10	свыше 10	
Отрасли					
Металлообработка и машиностроение	7,4	11,2	40,7	40,7	100
Пищевая	—	50,0	16,7	33,3	100
Текстильная	2,4	35,7	38,1	23,8	100
Швейно-обувная	2,4	28,6	35,7	33,3	100
Профессии					
Металлисты	7,7	11,5	42,3	38,5	100
Текстильщики	3,1	37,5	37,5	21,9	100
Швейники	—	6,7	40,0	53,3	100
Кожевники	3,2	45,2	29,0	22,6	100
Разнорабочие	5,0	30,0	20,0	45,0	100
Все рабочие	4,0	28,7	35,3	32,0	100

Наиболее длительной профессиональной подготовкой отличались металлисты и швейники, т. е. рабочие тех профессиональных групп, которые требуют сравнительно высокой квалификации. Значительной была доля рабочих, приобретших профессии в годы мировой войны. Сопоставление распределений по стажу в должности и стажу в профессии говорит о существенных производственных перемещениях в составе рабочего класса, происшедших в годы войны и революции. 55,2% рабочих трудились в последней должности менее года, 21,2% заступили на новые рабочие места в годы войны. Остальные рабочие трудились в своих должностях еще до начала войны.

Материалы переписи выпукло отразили особенности положения в промышленности в разных районах страны на примере ста-

жа в должности и профессии. Чем больше расхождения между стажем в должности и профессии, тем больше на рабочий класс повлияли мобилизации, хозяйственная разруха, продовольственные и другие трудности, способствовавшие громадной текучести рабочих кадров. Мировая война, годы революции и гражданской войны чрезвычайно усилили подвижность различных групп населения, в том числе и рабочего класса, и перепись 1918 г. в статистических показателях отразила этот момент.

От длительности профессиональной выучки зависела квалификация рабочих. Об этом говорят данные о размере заработка рабочих. У лиц с профессиональной подготовкой менее года средний заработок составлял всего 180 руб., от года до 4 лет — 344, от 4 до 10 лет — 478, свыше 10 лет — 486 руб. Особенно высок был уровень заработной платы у городских рабочих крупных и средних предприятий, имевших значительный стаж работы в промышленности. Причем, чем позднее приходили рабочие в промышленность, тем меньше они получали. Те, кто в раннем возрасте (до 15 лет) пришел в промышленность, получали в среднем 449 руб., в возрасте от 16 до 20 лет — 459, от 21 до 30 лет — 414, свыше 30 лет — 347 руб.

Очень интересны данные о месте рождения рабочих с различным профессиональным стажем (табл. 32).

Таблица 32

Распределение рабочих Витебской губернии по месту рождения в зависимости от стажа (в %)

Стаж в годах	Место рождения: губернии Белорусского района, город	губернии Белорусского района, село	прочие, город	прочие, село	Итого
До 1	16,7	16,7	33,3	33,3	100
1—4	56,4	25,6	7,7	10,3	100
4—10	51,2	37,2	4,6	7,0	100
Свыше 10	35,7	52,4	2,4	9,5	100
Все рабочие	45,8	37,4	6,9	9,9	100

Среди рабочих, не имевших длительной профессиональной подготовки, больше всего выходцев из других районов. Это, как правило, беженцы из Западной Белоруссии, Польши и Прибалтики. Выходцы из других районов и местные уроженцы делятся поровну на потомственных горожан и родившихся в деревне. Среди лиц с более длительной профессиональной подготовкой была выше доля местных уроженцев и ниже — выходцев из других районов, а доля потомственных горожан постепенно уменьшалась как среди первых, так и среди вторых. Данные табл. 32 наглядно раскрывают источники формирования кадров промышленных предприятий Витебской губернии.

Дальнейшее изучение материалов переписи показывает, что уроженцы городов раньше приходили в промышленность, чем родившиеся в сельской местности, а чем раньше приходили рабочие на производство, тем больше была продолжительность их связи с промышленностью. В возрасте до 15 лет поступили на производство 72,5% уроженцев городов и 54,7% — выходцев из деревни, а в возрасте до 20 лет — соответственно 85,5% и 67,9%. Больше всего городских уроженцев было на средних по размеру предприятиях Витебской губернии.

Среди рабочих губернии насчитывалось очень немного имевших преемственность в труде на промышленных предприятиях — всего 13,2%. Рабочие во втором и третьем поколениях были, как правило, уроженцами городов и раньше остальных приходили на производство. Наибольшее число потомственных рабочих было среди молодежи. Преемственность в труде обусловливалась более прочной и длительной связью с фабрично-заводской промышленностью. В полиграфии доля рабочих младших поколений составляла 28,6%, в металлообработке и машиностроении — 20, в швейно-обувной промышленности — 15, в текстильной — 9,5, в пищевой — 7,7%, в деревообработке и кожевенной промышленности потомственных рабочих не было зарегистрировано.

Мы уже указывали, что для фабрично-заводских рабочих перемена занятий мало характерна. Она была связана, прежде всего, с поздним приходом в промышленность. Оставлявшие крестьянский или кустарно-ремесленный труд приходили, как правило, в специфические отрасли промышленности: деревообрабатывающую, пищевую и отчасти в городское хозяйство. По профессиям это были главным образом деревообделочники и разнорабочие. Не случайно именно эти категории рабочих отличались поздним приходом в промышленность. Чаще всего менялись недавно приобретенные профессии, что было связано с неустойчивым положением в промышленности за ряд предшествующих лет. Рабочие, менявшие занятие, были наименее связаны с производством и наименее организованы.

В отличие от других районов страны рабочие западных губерний были мало связаны с деревней. Даже те, кто родился в крестьянской среде, значительно оторвались от нее. Только 2,3% рабочих были зарегистрированы по переписи связанными с землей. Это рабочие сельской местности, занятые на лесопильных заводах. Они недавно пришли в промышленность, причем в относительно зрелом возрасте — от 31 года до 35 лет — и не успели приобрести квалифицированных специальностей на производстве, будучи в основном чернорабочими и поденщиками, неграмотными и плохо организованными рабочими. Чаще всего такие рабочие приходили на производство из окружающих заводы деревень. Почти все они имели не только надельную землю, но и собственные до-

ма. При более детальном рассмотрении они все оказались мужчинами, по национальности — белорусами и поляками местного происхождения.

Очень немногие рабочие Витебской губернии — всего 1,7% — несмотря на трудные условия жизни в данном районе отправили свои семьи в деревню.

Демографическая структура рабочих Витебской губернии также значительно отличалась от других районов страны. Половозрастная структура их выглядела следующим образом (рис. 12).

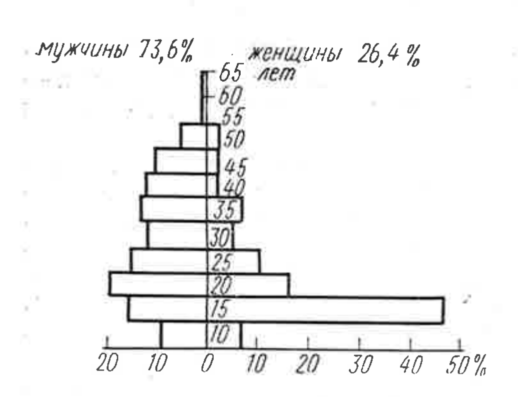

Рис. 12. Половозрастная структура рабочих Витебской губернии

Из пирамиды возрастов отчетливо виден недостаток мужчин среднего возраста. Жещины, привлекавшиеся на производство, в основном были молодыми. Таким образом, недостаток мужчин на производстве компенсировался за счет привлечения молодых рабочих и работниц, а также подростков. Женщин больше всего было в текстильной промышленности — 61,9%, а среди профессий текстильщиков — даже 81,3; в пищевой промышленности было 46,2% женщин, где они были зафиксированы в основном среди табачников, составляя 80% рабочих этой профессиональной группы. Среди рабочих других профессий наибольшее число женщин было зарегистрировано у швейников — 50%.

Женщины в целом были заняты гораздо менее квалифицированным трудом, поэтому их заработок был значительно меньше, чем у мужчин. Если рабочие получали в среднем 524 руб., то работницы — всего 332 руб. Сугубо мужскими были профессии металлистов, деревообделочников, печатников, пищевиков, рабочих силовых установок. Женщины — работницы Витебской губернии, в отличие от других районов страны, незначительно отличались от мужчин по уровню грамотности и образования. Это было обусловлено общим низким уровнем образования рабочих в губерниях данного района.

Уровень образования рабочих, как известно, определяется характером их труда. По самым представительным в губернии профессиональным отрядам уровень образования был следующим (табл. 33).

Как видим, наиболее высокие показатели у металлистов, но при преобладании в губернии профессий с низким уровнем образова-

Таблица 33

Распределение рабочих Витебской губернии по уровню образования в зависимости от профессиональной группы (в %)

Профессиональные группы	Образование: начальное: законченное	незаконченное	среднее	низшее профессиональное	самообразование	не указано	Итого
Металлисты	48,3	17,2	—	10,3	3,4	20,8	100
Деревообделочники	33,4	—	—	—	33,3	33,3	100
Печатники	10,0	30,0	—	—	10,0	50,0	100
Текстильщики	12,5	18,8	3,1	—	9,4	56,2	100
Швейники	—	12,5	—	—	—	87,5	100
Кожевники	6,5	13,1	—	—	15,2	65,2	100
Пищевики и табачники	25,0	12,5	—	—	—	62,5	100
Рабочие силовых установок	16,7	16,7	—	—	—	66,6	100
Разнорабочие	12,5	16,7	—	—	8,3	62,5	100
Все рабочие	17,8	16,1	0,6	1,7	9,2	54,6	100

ния (кожевников, текстильщиков и разнорабочих) общие показатели были очень низкими.

Образовательные различия тесным образом были связаны с профессионально-квалификационными и отразились на уровне заработной платы рабочих. Лица, имевшие законченное начальное образование, получали в среднем 472 руб., незаконченное — 414, не имевшие образования — 441 руб. Но выше всего был заработок у тех рабочих, которые сами выучились читать и писать. Они также имели наиболее длительную связь с фабрично-заводским производством. Это означает, что пребывание в рабочей среде чрезвычайно способствовало стремлению пролетариев к повышению образовательного и культурного уровня, развивало их инициативу в этом направлении.

Интересно, что грамотные рабочие-самоучки повсеместно выделяются среди остальных рабочих. Они более активны в производственном и общественном отношении.

Уровень образования некоторым образом связан с возрастом поступления на производство. Лица, поздно пришедшие в промышленность, были, как правило, менее образованными и менее грамотными. Наивысшие показатели в этом отношении были у рабочих в возрасте от 21 года до 25 лет и от 31 до 35 лет. Среди этих категорий более половины рабочих имели законченное начальное образование. Выше всего уровень образования был у потомственных рабочих.

Пролетариат западных губерний был многонациональным, поэтому рассмотрение роли национальных различий в составе рабочих Витебской губернии имеет большое значение для характеристики их социального облика. В губернии примерно в равных пропорциях были представлены русские (36,8%) и еврейские рабочие (35,1%). Белоруссия входила в черту оседлости евреев. Отсюда их значительная доля среди рабочих губернии. Затем шли поляки (9,2%), латыши (5,2%), белорусы (4,0%). Следует учитывать, что последние часто регистрировались переписью как русские. Значительное число выходцев из Прибалтики и Польши объясняется не только близостью данных районов, но и большим количеством беженцев из занятых немцами территорий и из прифронтовой полосы. Об этом, в частности, говорят данные о месте рождения рабочих различных национальностей (табл. 34).

Таблица 34

Распределение рабочих Витебской губернии по месту рождения и национальности (в %)

Национальность	Место рождения: губернии Белорусского района		западные губернии		восточные губернии		Итого
	город	село	город	село	город	село	
Русские	30,0	53,3	5,1	3,3	—	8,3	100
Белорусы	—	85,7	—	14,3	—	—	100
Поляки	15,4	23,1	7,7	46,2	—	7,6	100
Евреи	82,4	17,6	—	—	—	—	100
Латыши	—	37,5	37,5	25,0	—	—	100

Русские и белорусы были не только уроженцами сельской местности, но и сосредоточивались чаще на сельских промышленных предприятиях. Наибольшее число потомственных горожан было среди евреев, так как еврейская беднота жила в основном в городах. Национальный состав рабочих сильно различался по отраслям и по отдельным профессиям (табл. 35).

Русские рабочие составляли большинство в текстильной промышленности, в металлообработке и машиностроении, т. е. на предприятиях главных отраслей фабрично-заводской промышленности России. Еврейские рабочие составляли подавляющую массу в швейно-обувной, кожевенной, полиграфической отраслях промышленности, т. е. в менее развитых отраслях промышленного производства. В губернии наметилась даже определенная профессиональная специализация еврейских рабочих, так как по профессиям они были в основном кожевниками, швейниками и печатниками. Наиболее развитые отрасли фабрично-заводской промышленности были и самыми многонациональными по составу.

Таблица 35

Распределение рабочих Витебской губернии по национальности в зависимости от отрасли и профессии (в %)

Отрасли и профессии	Национальность: русские	белорусы	поляки	евреи	латыши	прочие	Итого
Отрасли							
Металлообработка и машиностроение	56,7	—	13,3	20,0	3,3	6,7	100
Деревообрабатывающая	—	60,0	20,0	—	20,0	—	100
Пищевая	46,2	—	15,4	23,1	—	15,3	100
Кожевенная	—	—	—	100	—	—	100
Текстильная	81,0	—	2,4	—	11,8	4,8	100
Швейно-обувная	10,2	2,0	4,1	83,7	—	—	100
Производство бумаги	14,3	28,6	42,8	—	14,3	—	100
Полиграфия	14,3	—	14,3	71,4	—	—	100
Городское хозяйство	—	16,7	33,3	33,3	16,7	—	100
Профессии							
Металлисты	51,7	—	24,1	10,4	6,9	6,9	100
Деревообделочники	50,0	16,7	—	16,7	16,6	—	100
Печатники	20,0	—	—	80,0	—	—	100
Текстильщики	78,1	—	3,1	—	12,5	6,3	100
Швейники	—	—	12,5	81,5	—	—	100
Кожевники	13,5	2,7	—	83,8	—	—	100
Пищевики	33,3	33,3	33,4	—	—	—	100
Табачники	40,0	—	20,0	40,0	—	—	100
Местнотранспортники	100	—	—	—	—	—	100
Рабочие силовых установок	33,3	16,7	33,3	16,7	—	—	100
Разнорабочие	36,4	13,6	9,1	22,7	9,1	9,1	100
Все рабочие	38,7	5,0	9,2	37,0	6,2	3,9	100

Рабочие различных национальностей несколько отличались по продолжительности связи с промышленностью. Представители национальностей западных губерний были более старшими по возрасту, хотя и не имели длительного стажа по последнему месту работы. Из этого можно заключить, что среди них преобладали беженцы. Среди подростков преобладали русские, среди молодежи — евреи. Состав молодых рабочих был более интернациональным.

Среди русских, поляков, латышей насчитывалось больше работниц, чем в среднем по губернии, среди евреев, наоборот, больше мужчин. Еврейские рабочие отличались особенно ранним приходом на производство, что опять же было связано с их профессиональной подготовкой.

Продолжительность стажа у рабочих различных национальностей была следующей (табл. 36).

Среди рабочих некоторых национальностей, например латышей, было зарегистрировано наибольшее число лиц, недавно приобретших свои специальности. Рабочих русской национальности

Таблица 36

Распределение рабочих Витебской губернии по стажу в зависимости от национальности (в %)

Национальность	Стаж в годах				Итого
	до 1	1—4	4—10	свыше 10	
Русские	5,0	26,7	38,3	30,0	100
Белорусы	—	28,6	28,6	42,8	100
Поляки	12,5	18,8	18,7	50,0	100
Евреи	—	28,8	32,7	38,5	100
Латыши	12,5	62,5	12,5	12,5	100
Прочие	—	33,3	33,3	33,4	100

зарегистрировано больше всего среди тех, кто приобрел профессии в довоенный период. Еврейские рабочие составляли местные кадры, отличавшиеся давней связью с фабрично-заводским и кустарным производством. Так, среди потомственных рабочих более половины составляли евреи.

Местные еврейские и белорусские рабочие характеризовались очень невысоким уровнем грамотности и образования. Среди евреев 80,4% не имели школьного образования, а среди белорусов — 85,7, но среди первых было больше лиц, самостоятельно или в домашних условиях выучившихся читать и писать — 16,4%. Сравнительно образованными были поляки, латыши и русские.

Наибольшее число одиноких было зарегистрировано среди русских. Еврейские и белорусские рабочие очень часто имели большие семьи. Семьи жили отдельно чаще всего у лиц некоренных национальностей, представляющих другие районы страны. У выходцев из других районов семейное положение было наиболее неустойчивым.

Семейное положение рабочих Витебской губернии находилось в тесной связи с возрастом рабочих. Это общая демографическая закономерность. Семейные рабочие имели более длительную связь с промышленностью, более высокую профессиональную квалификацию и, конечно, повышенную производственную активность. Одинокие рабочие сосредоточивались в тех отраслях, где, как правило, было много молодежи (текстильная, одежда и туалет и др.).

Следует остановиться на характеристике жилищных условий рабочих. Большинство их проживало на государственных и частных квартирах—74,6%; в собственных домах—всего 24,7% рабочих. В рабочих казармах в губернии жило ничтожное число рабочих. Из общего числа владевших домами у 3,5% они находились вблизи заводов и фабрик, у 9,8—в их окрестностях и у 5,7%—далеко от места работы. В собственных домах жили большей частью лица солидного возраста с длительным стажем работы на близлежащих предприятиях. В городе в собственных домах жили преимущественно рабочие по производству одежды и обуви (31,4%). Среди рабочих металлообработки и машиностроения было больше всего лиц, оставивших свои дома далеко от места работы. Конечно, владельцы собственных домов и живущие в них были зарегистрированы в сельской местности и главным образом среди рабочих лесопильных заводов, где около 60% имели собственные дома. В качестве живущих в собственных домах довольно часто регистрировались старшие и младшие члены рабочих семей. Чем больше был стаж рабочих, тем больше была вероятность встретить среди них лиц, имевших дома в непосредственной близости от производства. Чаще всего в собственных домах жили те, кто поступил на производство в годы войны.

Об участии рабочих Витебской губернии в общественных организациях свидетельствуют следующие цифры. Из 100 человек в общественную деятельность было вовлечено 3—4.

Наиболее активно проявляли себя в общественной работе пролетарии металлообработки и машиностроения (примерно 10 из 100). Это и понятно, так как металлисты были ведущим отрядом пролетариата и в данном районе. Слабо охваченными общественной работой оказались рабочие текстильной, швейно-обувной, кожевенной, деревообрабатывающей, полиграфической отраслей промышленности. Общественники в Витебской губернии являлись преимущественно потомственными рабочими с большим стажем. Они были более квалифицированными. Средний размер заработной платы составлял у них 533 руб. Как правило, общественной работой занимались мужчины в среднем возрасте. Среди общественников были лица разных национальностей.

Организованность и производственная активность рабочих губернии оставалась в то трудное время на довольно высоком уровне. Почти все рабочие были членами профсоюзов, многие входили в рабочие кооперативы и больничные кассы. 67,9% рабочих трудились полный рабочий день. Наиболее неорганизованными оказались рабочие некоторых мелких предприятий. Профсоюзами не были охвачены рабочие деревообрабатывающей и некоторые рабочие пищевой промышленности. Больничные кассы существовали только при крупных предприятиях в сельской местности и в Витебске. Мелкие предприятия сельской местности не имели больничных касс.

Следует отметить улучшение условий труда рабочих в трудное для страны время. Введение 8-часового рабочего дня, оплаченных отпусков, улучшение жилищных условий, организация государственной помощи рабочим были важными мероприятиями в этом направлении. В 1918 г. до проведения переписи, которая проходила здесь с октября по декабрь, 30,8% рабочих губерний побывали в отпусках.

В заключение приводим схему взаимосвязей основных показателей, характеризующих рабочих Витебской губернии (рис. 13).

Структурные особенности ее те же, что и в других губерниях. Основное отличие заключается в отсутствии показателей связи с деревней. По социально-экономическим показателям рабочие Витебской губернии являлись своеобразным отрядом пролетариата. Ос-

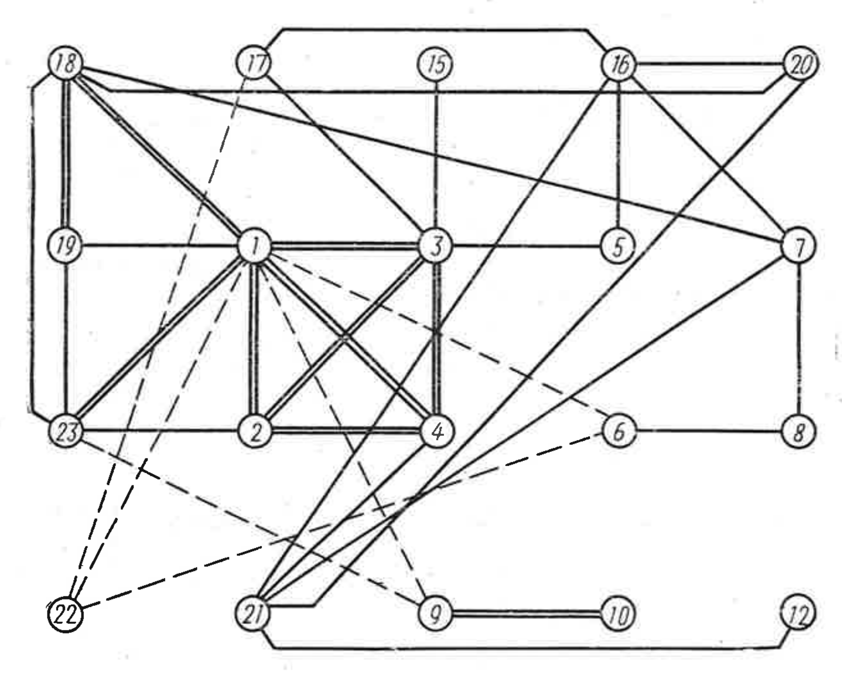

Рис. 13. Схема взаимосвязей признаков, характеризующих рабочих Витебской губернии

Цифрами обозначены показатели: 1 — отрасль (группа производств); 2 — тип предприятия по числу рабочих; 3 — профессия; 4 — заработная плата; 5 — стаж в профессии; 6 — преемственность фабрично-заводского труда; 7 — возраст поступления в промышленность; 8 — прежнее занятие; 9 — связь с землей; 12 — местонахождение дома; 15 — пол; 16 — возраст; 17 — образование; 18 — национальность; 19 — место рождения; 20 — семейное положение; 21 — жилищные условия; 22 — общественная работа; 23 — тип населенного пункта

новная масса рабочих еще не достигла уровня развития рабочих основных пролетарских центров. Слабость крупной промышленности, преобладание отраслей с неразвитой технико-экономической базой — все это отражалось на уровне социального развития рабочих губернии.

Заключение

Изучение рабочих по отдельным районам страны дает представление об органическом единстве, близости их между собой по основным экономическим, психологическим и политическим признакам. Это позволяет говорить о единстве внутренней структуры рабочего класса, об общих закономерностях ее формирования. Лишь всесторонний анализ и учет сложного взаимодействия различных факторов, рассмотрение их роли во внутриклассовых отношениях, количественная и качественная характеристика отдельных групп дает возможность решить вопрос о социальной структуре пролетариата в момент решающих революционных преобразований.

Социальная неоднородность пролетариата, которую он наследует от старого строя, приобретает огромное значение в условиях практического строительства новых общественных отношений. Социалистическая революция победила в стране, где наряду с капиталистическим укладом существовали различные общественные уклады, и это обстоятельство обусловило сложную социальную структуру пролетариата.

Социально неоднородные группы внутри пролетариата выступают прежде всего в связи с различиями по характеру труда. В этом убеждает нас анализ рабочих различных районов. Пестрота социальных условий отражалась прежде всего на характере труда рабочих. Поэтому характер труда в условиях России был исключительно сложным критерием оценки социальной неоднородности пролетариата. Он не может быть сведен ни к одному в отдельности взятому показателю. Характер труда рабочих, как важнейший социальнообразующий признак, соединяет в себе принадлежность к неодинаковым по уровню промышленного развития районам, к городской или сельской, преимущественно крестьянской среде, к разным по своей производственно-технической основе отраслям и предприятиям, к крупному и менее крупному по уровню концентрации производству. Внутри отдельных отраслей и предприятий рабочие подразделялись на профессионально-квалификационные группы, связанные с разделением труда в промышленности и неодинаковой ролью в производственном процессе. Все поселенческие и производственные признаки обнаруживали столь

13 Зак. 569

тесное взаимодействие, что выделение главных и опосредованных отношений было исключительно трудной задачей.

Обработка материалов переписи показала, что производственная структура находилась в тесной зависимости от уровня промышленного развития отдельных районов страны. Несколько районов выделялись в промышленном отношении: Северо-Запад, главным образом за счет крупнейшего центра фабрично-заводской промышленности страны Петрограда; Промышленный центр, к началу советской эпохи значительно расширивший свой ареал; Южный район и Урал, не попавшие в наше обследование.

Наиболее развитым в социальном отношении был пролетариат Петрограда. Несмотря на то что он постоянно отдавал лучших своих представителей для борьбы на фронте и в тылу, для хозяйственной и политической работы, питерский пролетариат сохранил свою авангардную роль по отношению к другим отрядам рабочего класса. В момент переписи самые крупные и крупнейшие предприятия наиболее развитых отраслей фабрично-заводской промышленности республики сосредоточивались именно здесь. Уровень концентрации производства, несмотря на огромные сырьевые и топливные трудности, которые испытывала крупная промышленность, оставался очень высоким. На производстве, даже при условии недостатка квалифицированных рабочих, наблюдался лучший по сравнению с другими районами страны профессионально-квалификационный состав. По степени отрыва рабочих от деревни, от земледельческих занятий здесь был сосредоточен наиболее «чистый» пролетариат. Вся обстановка революционной столицы страны способствовала быстрому становлению кадровых рабочих. Именно поэтому заводы Петрограда, выполняя роль «пролетарского котла», продолжали поставлять республике сознательных бойцов за дело революции.

В Центральном районе структура промышленного производства была иной. Преобладающей отраслью была текстильная. В силу давних традиций развития промышленности и рабочего класса здесь сложился самый многочисленный отряд рабочего класса, который обладал всеми чертами подлинных пролетариев. Вследствие особенностей капиталистического развития Центрального района России промышленность была сосредоточена здесь не только в крупных городах — она глубоко проникает в сельские районы, начиная с пригородов крупных фабрично-заводских центров и кончая сельскими населенными пунктами, вовлекая в свою сферу массы полупролетаризованного и полностью пролетаризованного крестьянства. Здесь мы наблюдаем большую подвижность населения, более тесную связь между центрами и периферией, а также с другими районами страны.

В промышленности Приуралья, как, по-видимому, и на всей территории Урала, преобладали местные кадры. Наиболее развитой отраслью была горная и горнозаводская, а связанная с ней

металлообработка значительно отставала. На Урале сложилась система замкнутых горнозаводских округов, включавших в себя ряд небольших заводских поселений и рудников. Все это определило пестроту социальных условий в уральской промышленности, сохранение в ней отсталых экономических форм. Аналогии с рабочими Урала можно было наблюдать среди небольших групп рабочих центральных и северных губерний, занятых на предприятиях не только в горной и горнозаводской промышленности, но и в ряде других отраслей. Многие рабочие Урала помимо труда в промышленности имели личное хозяйство, домики, огороды, лошадей, коров и т. д. Однако было бы неправильно относить их к пролетаризованному крестьянству или полупролетариям, поскольку основным источником их существования был труд в промышленности.

В отличие от горной и горнозаводской промышленности Юга Урал имел более низкую концентрацию производства, более слабую его специализацию и менее развитую производственно-техническую базу. Если на Юге наблюдались довольно резкие различия между рабочими первичной и вторичной металлургии, между металлургами и остальными горнорабочими, то на Урале эти различия не выступали в столь явно выраженной форме.

В непромышленных районах России крупных предприятий было сравнительно мало. В земледельческих губерниях более развитой была пищевая промышленность, которая чаще всего располагалась в сельских районах, в то время как предприятия других отраслей были сосредоточены по преимуществу в губернских центрах. При этом во всех непромышленных губерниях более значительную роль играли небольшие предприятия кустарного или полукустарного типа.

Территориальные различия рабочих оказались тесно связанными с размещением производства в городах или сельской местности. Поселенческие различия в целом играли существенную роль. И не случайно В. И. Ленин подчеркивал передовую роль именно городских рабочих и некоторое отставание по основным социально образующим признакам рабочих сельской местности. Данные переписи показали, что в городах сосредоточивались наиболее развитые отрасли производства, передовые в технико-экономическом отношении предприятия, которым город мог обеспечить более квалифицированную рабочую силу. Поэтому мы наблюдаем почти прямую зависимость: там, где доля городской промышленности и концентрации рабочих были выше, там находились и наиболее развитые отряды пролетариата.

Многие поселения, сложившиеся вокруг фабрик и заводов, в сельской местности превратились к моменту революции в крупные промышленные центры, которые нередко превосходили по количеству населения, по своему хозяйственному, политическому и культурному значению старые городские и административные цен-

тры. Так было в Центрально-промышленном районе, на Урале, на Юге страны.

Фабрики и заводы, расположенные в сельской местности, были своеобразными очагами притяжения для окружавшего их деревенского населения. Сюда, зачастую не разрывая своих старых привычных связей, стекалась высвобождающаяся в земледелии рабочая сила. Конечно, миграция населения в города и пригороды также была характерной чертой промышленного развития страны, но в сельских районах число лиц, приходящих на фабрики и заводы из окружающих селений, было в несколько раз выше. Труд в городской промышленности чаще требовал разрыва традиционных привычных связей и гораздо быстрее способствовал становлению кадрового рабочего. Тем не менее население многих заводских поселений и так называемых «фабричных сел» было в основном пролетарским, а привлечение на производство сельских жителей в громадной мере способствовало усилению влияния пролетариата на крестьянство.

Наименее развитыми были те сельские рабочие, которые были заняты на сезонных, мелких предприятиях.

Структура промышленного производства в стране была тесно связана с территориальным разделением труда. Определенная география характерна почти для всех отраслей как обрабатывающей, так и добывающей промышленности.

Ведущие предприятия металлообработки и машиностроения сосредоточивались в Петрограде. Крупные металлообрабатывающие и машиностроительные заводы находились в Центральном промышленном районе, на Юге страны и на Урале. Менее крупные заводы этой отрасли встречались и в непромышленных районах, преимущественно в губернских центрах. В целом предприятия металлообработки и машиностроения обнаруживали довольно четкую тенденцию к сосредоточению или в городах или в пригородах больших городов. Эвакуация предприятий из западных районов страны, близких к театру военных действий (а эвакуировались преимущественно предприятия металлообработки и машиностроения), увеличила удельный вес этой отрасли в глубинных районах России. Широкое распространение рабочих металлообработки и машиностроения по всей территории республики, высокая концентрация производства, более развитая по сравнению с другими отраслями производственно-техническая база и относительно квалифицированный состав рабочей силы, высокий уровень организованности и сознательности обусловили ведущую роль рабочих данной отрасли производства.

Текстильная промышленность, в которой до войны было занято большинство фабрично-заводских рабочих России, сосредоточивалась преимущественно в Центре и в Петрограде. Для этой отрасли были характерны определенные географические различия. Текстильные фабрики располагались как в городах, так и в сель-

ских районах, особенно в Центре. Из всех отраслей текстильной промышленности хлопчатобумажная отличалась наибольшей концентрацией производства и наиболее развитой производственно-технической базой. Рабочие льняной промышленности были более связаны с сельской средой, так как сами фабрики располагались вблизи районов разведения льна. Однако и здесь уровень концентрации был очень высок. Резкие географические различия наблюдались в шерстяной отрасли между развитыми в промышленном отношении районами и отсталыми земледельческими, где текстильное производство сохраняло следы замкнутости и обособленности, свойственные вотчинной мануфактуре крепостной эпохи.

В целом текстильное производство отличалось очень высокой концентрацией и сильно развитой специализацией производства. Оно в отличие от металлообработки и машиностроения могло базироваться на использовании менее квалифицированной рабочей силы. Труд в текстильной промышленности был менее сложным. Поэтому здесь работало много женщин и подростков. Вместе с тем высокий уровень специализации и концентрации обусловил большой удельный вес основного производства, относительно меньшую по сравнению с другими отраслями долю рабочих вспомогательных отделов и цехов.

Химическая промышленность сильно развилась в стране в годы первой мировой войны, что было связано с расширением военного производства. Основными центрами химической промышленности были Петроград и Москва. Химическое производство, связанное с работой на войну, испытало особенно жестокий кризис в первые месяцы советской власти. На это были, конечно, свои причины. Химическая промышленность была характерна высоким удельным весом вспомогательного по отношению к основному производства. Расширение химических заводов в годы войны шло главным образом за счет привлечения неквалифицированной рабочей силы из городских слоев населения и как раз для выполнения вспомогательных работ. Здесь оказалось много чернорабочих, поденщиков, очень характерным было привлечение женского и детского труда. Эти особенности химического производства сохранились и ко времени проведения переписи.

Предприятия химической промышленности были главным образом городскими по характеру своего расположения. Помимо производства взрывчатых веществ, где было занято большинство рабочих химической промышленности, довольно развитой в стране была спичечная промышленность, стоявшая впрочем на стыке химии и деревообработки. Следует отметить предприятия лакокрасочной, мыловаренной, парфюмерной отраслей. Последние были характерны преобладанием небольших заводов. Новейшие отрасли химической промышленности в России находились в зачаточном состоянии. В целом, несмотря на менее квалифицированный состав рабочей силы, химическая промышленность сосредоточивала преимущественно кадровый пролетариат, не имеющий

сколько-нибудь значительных связей с деревней. Весьма близкой по своему характеру к химической была писчебумажная промышленность.

К числу широко распространенных по всей стране относились предприятия пищевой, деревообрабатывающей, кожевенной и обувной, швейной промышленности. Однако именно в этих отраслях существовали наиболее неразвитые производственно-технические формы, преобладали предприятия полукустарного типа. Близость к мелкому производству, география которого в России была очень широкой и зависела главным образом от природно-демографических факторов, обусловила повсеместное распространение предприятий этих отраслей. Концентрация производства была более высокой в районах с наметившейся специализацией этих отраслей. Наиболее развитыми были городские предприятия. Так, табачные фабрики отличались высокой концентрацией и организацией производства. То же самое можно сказать о шоколадных и конфетных фабриках. Рабочие на них мало отличались от других отраслей городской фабрично-заводской промышленности. Сельская пищевая промышленность была связана с переработкой сельскохозяйственных продуктов, и прежде всего технических культур. Ее география почти полностью определялась географией сельскохозяйственного производства. Сахарные заводы, распространенные в юго-западной части страны, были довольно крупными по числу рабочих. Однако расширение производства шло преимущественно за счет использования временного непостоянного контингента. До революции в сахарной промышленности сложились своеобразные формы взаимодействия монополистического капитала с отсталой общественной организацией производства. Целые категории рабочих здесь фактически принадлежали к полупролетарским элементам. Связь с сельской средой, близость к крестьянству сказалась и на социальном облике постоянного контингента рабочих сахарной промышленности, а также тех сезонных рабочих, которые не имели никакого хозяйства. Однако огромную роль играла принадлежность сезонных и других рабочих именно к фабрично-заводской промышленности, и это отличало их от наименее развитого отряда рабочего класса — сельскохозяйственных рабочих. Для них был характерен широкий охват профессиональными и кооперативными организациями.

В деревообрабатывающей промышленности наблюдались довольно резкие различия между рабочими первичной и вторичной деревообработки. Первые были заняты на лесопильных заводах, как правило, расположенных в сельской местности. Вторые довольно часто работали на городских предприятиях, значительно превосходили первых по уровню квалификации, по длительности стажа, по степени отрыва от непролетарских занятий. Однако крупных предприятий в этой отрасли почти не было. К сожалению, наиболее развитый район деревообработки (Архангельская губерния) не был охвачен переписью. Он в это время был оккупирован интервентами и белогвардейцами. Деревообделочники как профессиональный отряд пролетариата были довольно широко представлены почти во всех отраслях крупной промышленности и подчас были заняты на квалифицированных должностях.

В связи с исполнением военных заказов в годы войны в кожевенной, швейно-обувной отраслях промышленности наблюдался рост концентрации, который происходил за счет вовлечения в производство преимущественно городских кустарей. Если сравнивать рабочих этих отраслей с пищевой или деревообрабатывающей промышленностью, то первые имели более квалифицированный состав рабочей силы. Однако эта квалификация была ближе к универсальности кустаря и не была равна квалификации рабочих крупного производства.

Полиграфическая промышленность, за исключением некоторых важнейших государственных типографий, была представлена в основном мелкими предприятиями, расположенными в крупных городах. Специфика полиграфического производства, связанная с привлечением относительно квалифицированных и образованных рабочих, обусловила не только их обособленное, но и привилегированное положение по отношению к остальным рабочим, поэтому среди полиграфистов до революции многие рабочие принадлежали к слою «рабочей аристократии», которые в основном и поддерживали меньшевиков. Однако немногочисленность рабочих данной отрасли по сравнению с другими отраслями фабрично-заводской промышленности в значительной степени обусловила слабость социальной базы оппортунизма в рядах рабочего движения. В момент переписи печатники имели наиболее квалифицированный состав, высокие показатели грамотности и образования, но были заняты в основном в мелком производстве. Из источников известно, что часть полиграфистов некоторое время после свержения власти капиталистов поддерживала меньшевиков и эсеров и являлась выразителем антисоветских настроений.

Только в крупных центрах рабочие городского хозяйства (трамвай, электрические станции, водопровод) были близки к рабочим фабрично-заводской промышленности. В большинстве городов это хозяйство было развито слабо. Рабочие, занятые в городском хозяйстве, были отсталыми не только по своим профессионально-квалификационным признакам, но и по уровню сознания, по уровню политической активности.

Для стекольно-керамической, фарфоровой, цементной и некоторых других отраслей, связанных с использованием минерального сырья, была характерна определенная районная специализация. Основными районами их развития были Промышленный центр и Северо-Запад. Предприятия этих отраслей обнаруживали четкую тенденцию к размещению на периферии, что было отчасти связано с характером производства. Удаленность от фабрично-заводских центров, обособленность предприятий этих отраслей

оказывали несомненное влияние на социальный облик занятых в них рабочих.

Размещение предприятий горной и горнозаводской промышленности почти совпадало со специализацией районов: Юг и Урал были преимущественно районами развития этой отрасли. Горная и горнозаводская промышленность была представлена небольшими предприятиями в Центральном промышленном, Северном и Северо-Западном районах, в Сибири. Роль Центрального района в обеспечении республики топливом и металлом поднялась в годы гражданской войны в связи с захватом врагом Юга и Урала. Именно в данный период рабочие горной промышленности Центра проявили большую сознательность и трудовой героизм. При этом сказалась прежде всего решительная организующая деятельность всего рабочего класса Советской Республики в целом. Рабочие горной и горнозаводской промышленности Центра не были развиты в социально-экономическом отношении. Предприятия здесь были небольшими, само производство подчас сезонным и в него вовлекалось большое число крестьян окружающих деревень. Однако Советское государство и партия сумели мобилизовать местных рабочих и направить их усилия на улучшение сырьевого и топливного положения республики.

Несмотря на то что в ряде отраслей фабрично-заводской промышленности республики концентрация производства находилась еще не на высоком уровне, преобладание крупных и крупнейших предприятий в ведущих отраслях обусловило высокую концентрацию производства в целом. В момент решающих революционных преобразований главная масса рабочих была занята на крупных и крупнейших предприятиях социалистического сектора. Такие гиганты, как Путиловский, Трубочный и Обуховский заводы в Петрограде, Патронный и Оружейный в Туле, Сормовский и Коломенский, Ижевский и другие предприятия, играли ведущую роль в стране.

Характер производства и уровень его концентрации обусловили преобладание в промышленности республики профессионально обученных рабочих. Передовым профессиональным отрядом были металлисты. Металлисты были представлены не только в основном (металлообработка и машиностроение), но почти во всех других отраслях фабрично-заводского производства, на транспорте, в сфере обслуживания и т. д.

Если металлисты были ведущим отрядом пролетариата по уровню своего социального развития и степени осознания интересов своего класса, то текстильщики были в момент переписи самым его многочисленным профессиональным отрядом, хотя они значительно уступали металлистам по квалификации, уровню политической активности. Они, без сомнения, принадлежали к кадровому фабрично-заводскому пролетариату республики, и В. И. Ленин не случайно определял отношение металлистов и текстильщиков как отношение передового слоя к широкой рабочей массе.

Весьма многочисленными в фабрично-заводской промышленности были чернорабочие, т. е. лица, не имевшие специальностей. Они были представлены почти во всех отраслях, но особенно много их было в пищевой, писчебумажной, химической промышленности.

Соотношение профессий основного и вспомогательного производства оказывало большое влияние на социальный облик рабочих фабрично-заводской промышленности. Наряду с текстильщиками в основном, главным образом крупном, производстве были заняты профессиональные отряды табачников, писчебумажников, горнорабочих, стеклофарфорщиков. В мелком производстве были заняты пищевики, печатники, швейники, обувщики. Широкое распространение во вспомогательном производстве имели профессии деревообделочников, кожевников, химиков. К числу вспомогательных в фабрично-заводском производстве принадлежали профессии строителей, возчиков, грузчиков, рабочих, занятых на силовых установках.

В целом среди рабочих различных профессий выделялась их наиболее квалифицированная часть. Больше всего квалифицированных рабочих было среди металлистов. Несмотря на продолжавшееся с начала первой мировой войны общее ухудшение квалификационного состава пролетариата, можно сказать, что доля квалифицированных рабочих крупной промышленности была довольно значительной. Однако большая часть пролетариев, как явствует из данных переписи, принадлежала к профессиям, не требовавшим особенной квалификации. В ряде отраслей промышленности, где преобладали небольшие предприятия (кожевенная, пищевая, деревообрабатывающая, полиграфическая), доля квалифицированных рабочих была относительно высокой, однако эта квалификация по своему социальному значению не была равна квалификации рабочих крупного производства. В. И. Ленин подчеркивал, что материальной и *психологической* базой пролетарата или материальной базой для развития пролетарского самосознания является только крупная промышленность[1]. Неквалифицированные рабочие по отношению к основной массе фабрично-заводского пролетариата по характеру труда составляли низшую группу. Увеличение числа неквалифицированных рабочих было связано, как мы уже отмечали, со спецификой военного времени, с ухудшением качественного состава рабочего класса.

Таким образом, по характеру труда внутри пролетариата выделялась наиболее развитая часть рабочего класса, состоявшая, как правило, из квалифицированных рабочих крупных предприятий. Число таких передовых рабочих сильно различалось по отдельным районам, отраслям, предприятиям. Так, в металлообра-

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 401.

ботке и машиностроении их было значительно больше, чем в текстильной промышленности. В многоотраслевых фабрично-заводских центрах больше, чем в центрах с преимущественным развитием какой-либо одной отрасли, в городах больше, чем в сельской местности, и т. д. Роль передовых в производственном отношении рабочих, как мы уже видели на примере различных регионов, далеко не была равна их числу. Это был авангард класса, который вел за собой миллионные массы пролетариев. В количественном отношении на производстве преобладали полуквалифицированные и малоквалифицированные рабочие, хотя в большинстве своем и обладавшие элементарной профессиональной выучкой. Определенную часть составляли рабочие, не имевшие специальности. Они составляли наименее развитую по характеру труда группу рабочих.

Различия по характеру труда и по уровню его оплаты позволяют говорить об экономически различающихся слоях рабочих. Высший слой по приблизительной оценке составлял около $^1/_3$, на долю наименее развитого в материальном отношении слоя приходилось не более $^1/_4$ всех рабочих. Остальные рабочие входили в средний по своему положению слой рабочего класса.

Взаимодействие экономически различающихся слоев есть лишь одна сторона рассмотрения социальной структуры рабочего класса. Одним из важнейших социально образующих признаков была длительность связей с промышленностью и с рабочей средой. В. И. Ленин придавал исключительно важное значение этому фактору, так как только длительная связь с производством позволяет говорить о становлении постоянных кадров рабочего класса, об усвоении ими пролетарского сознания. Важнейшими показателями продолжительности пребывания в рядах рабочего класса являются общий стаж труда по найму, стаж работы в промышленности, стаж работы в профессии и потомственная принадлежность к рабочей среде.

Характер труда рабочих, уровень их квалификации находился в тесной зависимости от продолжительности производственного обучения, от длительности профессиональных навыков. Конечно, участившиеся в то исключительно сложное время перемещения на производстве, уход части рабочих в армию, в деревню, приток на производство новых пополнений сказались на сокращении числа рабочих, имевших длительный производственный стаж. Но несмотря на это к осени 1918 г. значительную часть рабочего класса составляли люди с довоенным и даже более продолжительным стажем. Доля рабочих с длительным стажем была высокой почти во всех отраслях фабрично-заводской промышленности республики. Этому способствовала и социальная политика Советского государства, направленная на сохранение на производстве лиц, наиболее прочно связанных с интересами рабочего класса. К осени 1918 г. среди рабочих республики примерно в равных пропорциях были представлены рабочие с большим производственным стажем, испытанные еще в огне революции 1905 г., рабочие довоенной формации и лица недавно, т. е. в годы войны и позже, пришедшие на производство.

Однако следует обратить внимание на то, что длительность связи с промышленностью и рабочей средой имела свои географические, поселенческие, отраслевые и профессиональные различия. Длительность пребывания в рабочей среде в «Красном Питере» по своему социальному значению была не однозначна продолжительной связи с производством на Урале; стаж в городской рабочей среде быстрее формировал кадрового рабочего, чем в сельской, стаж в квалифицированной профессии на передовых предприятиях намного превосходил значение более длительной связи с мелким производством. Некоторые заводы и фабрики, расположенные в глубинных районах, сохранили значительное число рабочих с продолжительным стажем. Однако эти рабочие по уровню своего социального развития отставали от своих собратьев по классу в крупных промышленных центрах.

Квалифицированные рабочие имели, как правило, продолжительный стаж работы в промышленности. Сама квалификация приобреталась длительным трудом на фабриках и заводах. Квалифицированные рабочие выделялись относительно высоким заработком. У представителей менее квалифицированных профессий размер заработной платы мало зависел от продолжительности пребывания на производстве. Более того, иногда молодые рабочие и работницы, занятые малоквалифицированным трудом, получали больше, чем старые.

Большинство рабочих России вышли из деревни. Об этом свидетельствуют данные об их месте рождения. Даже в развитых промышленных районах доля потомственных горожан в составе пролетариата была невелика. Если в условиях Промышленного центра или Урала уроженцы деревни не обязательно были выходцами из крестьянства, то в других районах место рождения чаще всего было указанием на социальное происхождение рабочих.

Важнейшим фактором быстрого формирования кадровых пролетариев был ранний приход на производство подавляющего большинства выходцев из крестьянской среды. Чрезвычайно тяжелые условия жизни гнали на фабрики и заводы членов полупролетаризированных и полностью пролетаризированных крестьянских семей. Ранний по возрасту приход на производство обусловливал длительный стаж работы в промышленности даже у сравнительно молодых рабочих. Молодые рабочие быстрее превращались в кадровых пролетариев, так как пребывание в рабочей среде в гораздо большей степени влияло на психологию подростка или молодого человека, чем на человека со сложившимися жизненными представлениями, привычками и традициями. Поэтому почти повсеместно мы наблюдали, что относительно поздний приход на производство выходцев из непролетарских слоев населения выделял их

своими специфическими чертами в рядах рабочего класса. Такие элементы, однако, были весьма немногочисленными.

Несмотря на то что большинство рабочих вышли из деревни, ранний приход на производство определил формальный характер сохранившихся у них связей с деревней. В то же время низкая заработная плата рабочих до революции заставляла их цепляться за клочок никуда негодной земли, причем такая связь с землей в годы гражданской войны проявилась более сильно, чем в прежние времена. Многие исследователи, занимавшиеся изучением социального облика российского пролетариата, отмечали, что сохранение у рабочих связи с землей не исключало их принадлежности к кадровым пролетариям. Все зависело от характера связи с землей и длительности пребывания в рабочей среде. Как свидетельствуют материалы профессиональной переписи 1918 г., большинство рабочих, связанных с землей, в силу раннего прихода на производство и длительного пребывания в рабочей среде были кадровыми пролетариями.

О прочности связей с рабочей средой свидетельствуют данные о семейном положении рабочих. Большинство не только семейных, но и одиноких рабочих указало, что семьи находятся вместе с ними, и лишь немногие имели семьи, оставшиеся в деревне.

Раннее вхождение в рабочую среду было не менее важным фактором, чем потомственная принадлежность к ней. По всей видимости, не следует преувеличивать значение последнего фактора для оценки социального облика российского пролетариата. Совершенно очевидно, что в процессе сравнительно быстрого развития капитализма в России главным источником пополнения промышленных кадров были выходцы из деревни и прежде всего из полупролетарских слоев, составлявших основную массу населения России. Конечно, значение семей фабрично-заводских рабочих как источника пополнения пролетариата постоянно возрастало. В некоторых районах из их числа было больше половины вновь поступавших на производство. Однако, как свидетельствуют данные переписи, большинство рабочих России были пролетариями в первом поколении. В некоторых замкнутых и обособленных районах доля потомственных рабочих была очень высокой, но здесь нужно учитывать, что потомственность неодинаковым образом отражалась на социальном облике рабочего, так же как и длительность пребывания на производстве. Потомственная принадлежность к рабочим Петрограда могла служить гарантией кадрового пролетария, тогда как преемственность промышленного труда в сезонном производстве могла означать лишь совместное участие в нем рабочих разных поколений.

В целом длительность пребывания в рабочей среде была важнейшим социально образующим признаком. Это один из объективных критериев выделения слоев внутри пролетариата, показывающий степень их закрепленности на производстве. Различия рабочих по продолжительности стажа во многом совпадали с раз-

личиями по характеру труда. Так, квалифицированные рабочие были, как правило, людьми, прошедшими длительную школу фабрично-заводской выучки.

В литературе довольно часто внутри пролетариата выделяется слой недавних выходцев из непролетарских классов: из крестьянства, из мещанских рядов, из интеллигенции, причем главными критериями выделения этого слоя считаются наличие и характер связей с мелкособственническим хозяйством, наличие и доля непролетарских источников дохода. Другие критерии социальных различий считаются подчиненными главным, связанным с качественно-количественными различиями между группами рабочих по отношению к собственности.

Естественно, что выдвижение на первый план критерия связи с мелкособственническим хозяйством, который в условиях России выступал главным образом как связь рабочих с землей, с крестьянским наделом в деревне, требует внимательного рассмотрения роли и места указанного фактора. На практике проводить различия внутри пролетариата по отношению к земельному наделу — это значит предполагать, что какая-то часть пролетариата, формирующаяся за счет выходцев из крестьянства и еще не прошедшая длительной школы пребывания на производстве, сохраняет прежние экономические, психологические и другие связи с крестьянской средой. При этом предполагается, что существует тесная зависимость между длительностью пребывания на производстве и разрывом связи с деревней. Так иногда по связи с землей (в любой форме) определяется соотношение указанных слоев внутри пролетариата. Однако эмпирическая проверка предложенной схемы социальной дифференциации не подтверждает ее. Дело заключается в самом характере связи фабрично-заводских рабочих с землей.

Историки, занимающиеся изучением социального облика рабочего класса России периода капитализма, отметили, что «деревенская сторона» жизни рабочего была следствием экономических и юридических пут, которыми деревня крепко держала ушедшего в город вчерашнего крестьянина. Хотя рабочие перестали быть земледельцами, они в какой-то мере еще оставались землевладельцами. Разрушенное мелкое хозяйство создавало видимость сохранения связи с деревней. Применительно к рабочим, имеющим связь с землей, чаще всего приходится выяснять не долю непролетарских источников доходов, а долю заработка, идущего на поддержание деревенского хозяйства. В то же время фабрика прочно привязывает к себе рабочего и обратное превращение его в крестьянина практически невозможно. Процесс отделения рабочих от земельных наделов ускорился после проведения столыпинской аграрной реформы.

Почти все исследователи отмечали ранний приход в промышленность новых пополнений рабочего класса, однако влияние этого обстоятельства не было должным образом проанализировано.

В этой связи уместно заметить, что использование новейших методов анализа позволяет рассмотреть различные стороны взаимосвязей факторов, увидеть закономерности в распределении статистических данных.

Что же дает перепись 1918 г. для анализа связи рабочих с землей? Связь с землей по материалам переписи выступала как одна из сторон связи рабочих с деревней. Связи рабочих с деревней оказались довольно разнообразными и образовывали сложное переплетение хозяйственных, семейных, родственных, общинных и других отношений.

Связь с деревней была обусловлена, как показали данные о месте рождения, сельским, по преимуществу крестьянским, происхождением большинства рабочих. В силу этого обстоятельства в деревне находились семьи, родственники, друзья и знакомые обследованных. До определенного возраста рабочие сохраняли связь с прежней семьей. Те, кто отправились в город, быстрее отделялись от старых семейных связей, те же, кто поступил на близлежащие фабрики и заводы, были прочнее привязаны к старому быту. Однако до тех пор, пока рабочие не обзаводились собственной семьей, сохранение связей — и экономических, и родственных, и всех остальных — было естественным, а среди деревенских семей нередки были даже случаи разделения труда их членов между работой в собственном хозяйстве и в промышленности.

Ранний приход на производство подавляющего большинства рабочих создавал своеобразную форму не прямого участия во владении и обработке наделов, а косвенного. Особенно это было характерно для молодых рабочих и работниц.

Городские рабочие почти не участвовали в обработке земли. Лица, живущие в деревне, могли участвовать в ней и не прерывая своего труда на фабриках и заводах, особенно занятые на мелких предприятиях, в сезонном производстве и т. д. В источниках довольно часто встречаются жалобы администрации предприятий на прогулы в период весенних и осенних полевых работ, главным образом там, где было много рабочих, приходивших на производство из окружающих селений. При этом следует подчеркнуть, что в первые годы Советской власти укрепление экономических связей с деревней было связано с исключительно трудным продовольственным положением и ухудшением условий труда в промышленности. Несмотря на то что доля рабочих, участвовавших в полевых работах в 1918 г., значительно выросла и в них иногда принимали участие даже рабочие, не имевшие земли, все же число таких лиц оказалось крайне небольшим. Ничтожность удельного веса рабочих, принимавших личное участие в обработке земли, по мнению большинства исследователей, не подлежит сомнению. И данные переписи наглядно это подтвердили.

Таким образом, перепись регистрировала такую связь с землей, которая была не прямой, а косвенной. Она не означала экономически прочной связи с крестьянским хозяйством и не могла служить критерием социальной дифференциации пролетариата. Однако авторы программы переписи включали лиц, имевших прямое и косвенное отношение к наделу, в одну категорию, что является, безусловно, неправильным.

Помимо указанных связей с землей, которые определялись как хозяйственные, перепись 1918 г. зарегистрировала связь с землей по ряду формальных критериев (земля находилась в пользовании родственников, оставалась за миром, находилась без обработки и т. д.). Однако рабочие, указавшие на наличие такой связи (около 10%), ничем не выделялись в остальной массе пролетариев, происходивших из деревни, и едва ли подобное отношение к земле вообще следует принимать во внимание как социальное различие.

Формы связи с землей, как видно из материалов переписи, имели территориальные, поселенческие и производственные различия.

В Петрограде связь с землей, крайне незначительная, сохранялась главным образом как показатель путей формирования промышленных кадров и практически не определяла положения рабочих на производстве.

В Центральном районе связь рабочих с землей также носила в основном формальный характер. Однако зависимость между отношением к земле и характером труда выступала здесь в более резко выраженной форме, что указывает на более значительную роль данного признака в социальной дифференциации пролетариата.

В Приуралье сложилось своеобразное отношение к земле. Несмотря на близость к крестьянству по характеру поселений, по образу жизни, многие рабочие здесь имели не земельные наделы, а небольшие подсобные хозяйства, которые не исключали пролетарской принадлежности этих рабочих.

В сельскохозяйственных губерниях различия в отношении к земле по характеру труда были наиболее заметными. Рабочие губернских центров были отделены от земледелия, зато в сельской местности сохранялись прочные связи с деревней, что в свою очередь было связано со слабым развитием промышленности и рабочего класса. Прочные хозяйственные связи с деревней сохранялись у рабочих-сезонников.

Ослабление хозяйственных связей с деревней, как указывают данные переписи, происходило постепенно, за счет роста числа рабочих, не принимавших участия в обработке земли. Этот процесс быстрее протекал там, где рабочие оставили свои семьи и ушли в город, где были нарушены традиционные личные и семейные связи с деревней.

Прочность хозяйственных связей с деревней зависела от того, куда и как далеко отправлялись для работы в промышленно-

сти молодые выходцы из крестьянских семей. Это отчасти можно проследить по географии места рождения рабочих. Наиболее широкой она была в Петрограде, где преобладали выходцы из отдаленных губерний. Здесь и наблюдалось наибольшее отделение рабочих от земледелия. Довольно широкой была география происхождения рабочих в Центральном промышленном районе, однако здесь преобладали выходцы из смежных губерний, причем к началу советского периода образовались местности с довольно устойчивыми традициями отхода крестьянского населения в промышленность. Чем дальше происходил этот отход, тем быстрее шел отрыв от земледелия. В Приуралье, где явно преобладали местные уроженцы, картина была иной. В сельскохозяйственных губерниях преобладали местные уроженцы, и только в губернских центрах география места рождения была относительно широкой и наблюдался разрыв хозяйственных связей с деревней.

Таким образом, связь с землей не играла той социально-дифференцирующей роли, которая по традиции отводится ей в историко-экономической литературе. Различия по отношению к земле были действенными в той мере, в какой позволяют выделить внутри рабочего класса наименее связанную с производством часть рабочих, лично ведущих в деревне хозяйство, т. е. фактически полупролетарские элементы. Эти полупролетарские элементы в социальной структуре фабрично-заводского пролетариата были в рассматриваемое время крайне немногочисленными. Они входили в состав наименее развитой части пролетариата.

Результаты предпринятого исследования показывают, что в условиях первого этапа переходного периода основные социальные различия внутри фабрично-заводского пролетариата основываются не на качественно-количественных показателях отношения к собственности, а на сочетании многих признаков.

В эпоху решающих революционных преобразований происходит дальнейшее усиление экономического и идейно-политического единства пролетариата. Схема социальной структуры рабочего класса, признающая связь с мелкособственническим хозяйством основным критерием для выделения слоев внутри пролетариата, предполагает более глубокую дифференциацию, чем та, которая была на самом деле, преувеличивает глубину социальных различий в рядах рабочего класса. Связь с деревней, характерная для многих рабочих России, не может служить показателем отсутствия подлинно пролетарского типа. Она была следствием быстрого развития капитализма, вынужденного приспосабливаться к незрелым и отсталым общественным отношениям, и показывала пути формирования пролетарских кадров.

Эпоха гигантских социальных преобразований связана с ростом организованности, сплоченности рабочего класса, становлением идейно-политического единства его рядов. В этом направлении Советская власть достигла огромного прогресса. Обобществление крупного производства и создание социалистического сектора в промышленности, создание органов рабочего управления на производстве, приобщение рабочих к различным формам хозяйственной, политической и культурной работы в немалой степени способствовали процессам консолидации рабочего класса. Много было сделано для подъема культурного и политического уровня рабочих, улучшения условий труда и быта.

Уровень сознательности и политической активности отдельных групп рабочих был одним из наиболее важных критериев, показывающих степень развитости слоев рабочих. На основании этих признаков Ленин выделял передовые отряды питерцев, москвичей, иваново-вознесенцев, ярославцев и т. д. Наиболее передовые, сознательно действующие рабочие составляли авангард класса. Эти рабочие выступали в роли организаторов производства и вели за собой весь класс. Уровень сознания отдельных групп рабочих зависел от степени их экономического развития. Наиболее развитая квалифицированная часть рабочего класса, в течение долгого времени связанная с крупным производством, была самой передовой по степени осознания своих интересов. Более широкие слои менее квалифицированных рабочих уже осознают свои интересы, но меньше выдвигают из своей среды активных организаторов и политических руководителей. И, наконец, несомненно существование в рядах пролетариата отдельных категорий несознательных рабочих. Процесс консолидации рабочего класса — это процесс постоянного приближения к авангарду его средних и низших слоев. в 1917—1918 гг. пролетариат проявил максимум организационной энергии, выделив из своей среды тысячи способных и активных организаторов производства, стойких защитников революционных завоеваний, государственных и политических руководителей.

Сила передовых слоев пролетариата, руководимого его боевым и испытанным авангардом — Коммунистической партией, была неизмеримо выше, чем их доля внутри рабочего класса. Связанный всеми своими корнями с крупной промышленностью авангард пролетариата во главе с большевистской партией в момент решающих революционных преобразований пользовался поддержкой широких слоев рабочих.

Ценой колоссального напряжения сил рабочему классу удалось поддерживать необходимый уровень производства в обстановке голода, разрухи, гражданской войны, блокады и интервенции. Борьба рабочего класса за преодоление продовольственных, сырьевых и транспортных трудностей составляет одну из самых героических страниц его истории. Эта сторона деятельности рабочего класса имеет давнюю историографическую традицию и всесторонне раскрыта в исторической литературе.

Перепись 1918 г. дает возможность охарактеризовать рабочих, занятых в органах общественного управления на производстве. Именно эта группа рабочих непосредственно осуществляла организацию производства после утверждения на фабриках и заво-

14 Зак. 569

дах органов рабочего управления. Она же была источником и кузницей кадров хозяйственного руководства во всех сферах экономической жизни. Анализ группы рабочих, занятых в органах общественного управления на производстве, еще раз подчеркнул ведущую роль таких факторов, как характер труда рабочих, стаж, уровень образования, культуры и сознательности, степень трудовой и политической активности в оценке социального облика пролетариата республики на первом этапе социальных преобразований.

Изучение рабочего класса Советской России по материалам переписи 1918 г. показало, что при выделении социальных слоев внутри рабочего класса нельзя оперировать каким-либо одним отдельно взятым признаком, сколь ни велико, казалось бы, было его значение во внутриклассовых отношениях. Внутри класса трудно выделить группу, которая по своим социальным параметрам сколько-нибудь существенно отличалась от социального облика всей рабочей массы.

В социальном облике отдельных слоев рабочих советского общества было гораздо больше общих черт, чем тех, по которым между ними можно провести различия.

Следует подчеркнуть исключительно тесное взаимодействие всех групп внутри рабочего класса.

Социальную структуру рабочего класса советского общества, как убеждают нас данные переписи, нельзя представлять в виде механической совокупности обособленных социальных групп. Главное в социальной структуре—это *взаимодействие* социально различающихся слоев и их единство.

Анализ социальной структуры рабочего класса Советской России в 1918 г. помогает всестороннему исследованию начального рубежа развития ведущего класса советского общества, того класса, которому под руководством Коммунистической партии было суждено свершить величайший подвиг созидания социалистического и коммунистического общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСЬ РАБОЧИХ 1918 ГОДА. *ЛИЧНАЯ КАРТА РАБОЧЕГО.*

Центральное
Статистическое управление
Отдел
Промышленной Статистики

Губерния
Переписной Отд. Участ.
№ заведения
личн. карты

Уезд

1. Губерния . . . . Волость . . . .
Город
Село, деревня, местечко, слобода и т. п. . . . .
2. Название заведения . . . .
3. Название отделения, мастерской или иного места работы . . . .
4. Пол: мужской, женский . . . .
5. Имя, отчество, фамилия (прозвище): . . . .
6. Народность: . . . . Родной язык: . . . . . . Подданство: . . . .
уезд
7. Место рождения: губерния . . . .
город
8. Возраст (сколько лет минуло от роду): « . . . » лет . . . .
9. Семейное положение: холост (девица); женат (замужняя), вдовец (вдова); разведенный (разведенная) . . . .
10. Грамотность (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): . . . . *умеет читать и писать по-русски; умеет только читать по-русски; умеет читать и писать на другом языке* (указать, на каком именно . . . .); *умеет только читать на другом языке* (указать, на каком именно . . . . . .); *вовсе неграмотен* . . . .
11. В каком последнем заведении учился:
Окончил ли в нем курс: . . . . . если нет, то сколько прошел классов . . . . .
12. Возраст первоначального поступления в какое-либо заведение (соответствующее подчеркнуть): торговсе; промышленное; поступил, когда минуло от роду . . . . лет . . . .
13. Должность: . . . . Специальность в должности . . . .
Сколько времени занимает эту должность: «. . . . .» лет «. . . . .» месяцев.
14. Профессия: . . . . Специальность в профессии . . . .
Сколько времени занимался этой профессией: «. . . .» лет «. . . . .» месяцев.
15. Если раньше занимался другой профессией, то указать, какой именно . . . .
16. Кто из родственников опрашиваемого работал на фабрике, заводе, в мастерской (соответствующее подчеркнуть): отец, мать, дед, бабка . . . . .
17. Если опрашиваемый имеет собственный дом, то где последний находится (соответствующее подчеркнуть): в поселении при фабрике; в окрестностях фабрики; в другом месте.
18. Где живут (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): *в своем доме; на квартире; в отдельном помещении* (или комнате), *предоставляемом*

заведением; в общей казарме для рабочих заведения. Если получает квартирные деньги, то сколько в месяц: «. . . .» руб. «. . . .» коп.
Если платит заведению за помещение или за место в казарме, то сколько в месяц «. . . .» руб. «. . . .» коп.

19. Как нанят рабочий (соответствующее подчеркнуть): на срок неопределенный; на срок определенный (указать, какой . . . . .); на время исполнения какой-либо работы; как временный чернорабочий.
20. Форма заработной платы. Как вознаграждался за труд (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): *помесячно, понедельно, поденно, почасно, сдельно, как-нибудь иначе* (подробно указать, как) . . . .
21. Как часто выплачивается заработок (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): *раз в месяц, раз в две недели, еженедельно, ежедневно, как-либо иначе* (указать, как) . . . .
22. Оплата труда — Тариф: № группы . . . . № категории . . . .
23. За «. . . .» рабочих дней последнего месяца опрашиваемый проработал: «. . .» урочных часов; «. . . .» сверхурочных часов; всего урочных и сверхурочных часов «. . . .» получил за вышеназванную урочную работу «. . . .» руб. «. . . .» коп., за сверхурочную работу «. . . .» руб. «. . . .» коп., всего за урочную и сверхурочную работу «. . . .» руб. «. . . .» коп. Если опрашиваемый выходил в последнем месяце (за который ему выплачены заработные деньги) на сверхурочную работу и в нерабочие дни, то: сколько было таких дней выхода на сверхурочную работу «. . . .»; сколько было часов сверхурочной работы за эти дни «. . . .»; сколько за эти сверхурочные работы он получил «. . . .» руб. «. . . .» коп.
24. Чьи у опрашиваемого харчи (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): *свои (за свой счет); от заведения (бесплатно); заведение дает харчи, но вычитает за них из заработка в месяц* «. . . .» руб. «. . . .» коп.; *опрашиваемый харчуется за свой счет, но получает от заведения на харчи в месяц* «. . . .» руб. «. . . .» коп.
25. Получает ли опрашиваемый от заведения какие-либо продукты или предметы первой необходимости, не считая упомянутых в предыдущем пункте хозяйских харчей: (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом) *да* (бесплатно; с платой по рыночной стоимости); *нет.*
26. Если расплата проводится (полностью или частью) не деньгами, а товарами, производимыми самим заведением, то указать (отдельно для каждого): какие товары, в каком количестве и на какую сумму получены в счет заработка за последний месяц . . . .
. . . .
27. Если опрашиваемый имеет в настоящее время в деревне землю, то как ею пользуется (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): *а) всю землю обрабатывает только при помощи членов семьи; только наемными рабочими; частью при помощи членов семьи, частью наемными рабочими; б) всю землю сдает в аренду; в) часть земли обрабатывает (только при помощи членов семьи; только наемными рабочими; частью при помощи членов семьи, частью наемными рабочими), а другую часть сдает в аренду; г) земля находится в пользовании родственников; д) земля остается за миром; е) другим способом* (указать, каким) . . . .
. . . .
28. Если опрашиваемый имел в деревне землю до революции, то как землею пользовался (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): *а) всю землю обрабатывал только при помощи членов семьи; только наемными рабочими; частью при помощи членов семьи, частью наемными рабочими; б) всю землю сдавал в аренду; в) часть земли обрабатывал (только при помощи членов семьи; только наемными рабочими; частью при помощи членов семьи, частью наемными рабочими), а другую часть сдавал в аренду; г) земля находилась в пользовании родственников; земля оставалась за миром; е) другим способом (указать, каким)* . . . .
29. Если производство в заведении сезонное, то чем опрашиваемый занимается во время перерыва в производстве . . . .
. . . .

30. Занимает ли опрашиваемый какую-либо общественную должность. Если да, то указать какую . . . .
по выборам или по назначению . . . .
31. Состоит ли членом профессионального союза (указать, какого)
. . . .
32. Состоит ли членом потребительного общества (указать, какого) . . . .
состоит ли членом рабочего кооператива (указать, какого) . . . .
33. Состоит ли членом больничной кассы (указать, какой) . . . .
. . . .
34. Где живет семья опрашиваемого (подчеркнуть соответствующее, напечатанное курсивом): *вся семья* (указать, сколько человек без опрашиваемого «. . . .») *живет вместе с ним; вся семья живет отдельно от него; часть семьи* (указать, сколько человек без опрашиваемого «. . . .») *живет вместе с ним, а другая часть отдельно.* Если семья живет отдельно, то указать где:
Губерния . . . .
Уезд
Город
35. Уходил ли опрашиваемый на полевые работы (соответствующее подчеркнуть): а) обычно — с сохранением содержания; без сохранения содержания; в свое хозяйство; на работу по найму; б) в 1917 году — с сохранением содержания, без сохранения содержания; в свое хозяйство, на работу по найму; в 1918 году — с сохранением содержания; без сохранения содержания; в свое хозяйство, на работы по найму.
36. Уходил ли в отпуск (соответствующее подчеркнуть); а) обычно — с сохранением содержания; без сохранения содержания; б) в 1917 году — с сохранением содержания; без сохранения содержания; в) в 1918 году — с сохранением содержания; без сохранения содержания.
37. Отправил ли членов своей семьи (соответствующее подчеркнуть): в деревню; куда-либо в другое место, благодаря продовольственному кризису: сколько лиц «. . . .», когда «. . . .» года . . . .
месяца . . . . Куда: Губерния . . . .
Уезд
. . . .
Город
Сведения собирал (подпись) . . . . 1918 г. . . . . мес. . . . . . дня

Приложение № 2

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1918 года[1]

1. Профессиональная перепись распространяется на рабочих и служащих промышленных заведений, обследуемых Промышленной переписью.
2. При опросе служащих заполняется такая же карта, как и при опросе рабочих («личная карта рабочего»).
3. Перепись относится к определенному числу — 31-го августа 1918 г.
4. Для каждого заведения надлежит выяснить состав рабочих и служащих на 31-е августа 1918 года.
5. Для каждого рабочего и служащего надлежит выяснить, в каком заведении он работал или служил 31-го августа 1918 г.

---

[1] Инструкция берется из публикации материалов переписи «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1 и 2. Вып. 2, стр. 197—199. Недостатки инструкции очевидны. Во-первых, она не касается ряда важнейших вопросов бланка, которые трудны для заполнения; во-вторых, она мало связана с практической стороной дела. На обилие неясностей и трудностей при заполнении мы уже указывали. При проведении обследования велась довольно интенсивная переписка между местными и центральными организациями по вопросам проведения обследования.

6. Каждому опрашиваемому должен быть предложен вопрос: не заполнена ли уже о нем карта в другом заведении. Могут встретиться следующие случаи: а) опрашиваемый работал или служил 31-го августа 1918 г. в другом заведении и карта о нем в другом заведении уже составлена,— новой карты не составлять; б) опрашиваемый работал или служил 31-го августа 1918 г. в другом заведении, но карта о нем не составлена, — надлежит, приурочив сведения карты к тому промышленному заведению, где опрашиваемый был занят 31-го августа 1918 г., составить карту во всех тех ее частях, сведения для которых можно получить личным опросом и по имеющимся у опрашиваемого документам (вид на жительство, расчетная книжка и др.); в верхней части карты отметить: «сост. вне завед.»; в) опрашиваемый был командирован от обследуемого заведения в другое, где карта о нем составлялась, — надлежит составить карту; г) опрашиваемый командирован в обследуемое заведение от другого заведения, где 1) карта о нем составлена, — карту не составлять, 2) карта о нем не составлена, — карту, приурочив ее сведения к тому промышленному заведению, где опрашиваемый был занят 31-го августа 1918 г. составить, как указано в п. б) этого же параграфа; д) если опрашиваемый на 31 августа 1918 г. нигде не служил и не работал, а поступил в обследуемое заведение позднее 31-го августа; если к тому же карта о нем не составлялась, — карту составить, сделав наверху условную отметку: «поздний».

7. Если во время переписи рабочего или служащего налицо не окажется (болезнь, отпуск, командировка, расчет и проч.), карта о нем заполняется лишь в той своей части, ответы для которой могут быть взяты из книг и документов заведения, а также со слов родственников и близких знакомых, находящихся в этом заведении; на самой карте в верхней ее части отмечается: «опрашиваемый отсутствует».

8. Опрашиваются:

А. Рабочие и служащие заведения, занятые по производству, а также ремонтными и вспомогательными работами.

Б. Рабочие и служащие, работающие в заведении от подрядчиков (по производству; по ремонтным и вспомогательным работам; по строительным работам; по разного рода установкам; по ассенизации и проч.).

В. Конторские служащие заведения и все служащие по управлению заведением.

Г. Рабочие и служащие по хозяйственной части заведения: по двору, на конном дворе, на складах, в амбарах и проч.

Примечание. Рабочие и служащие складов и амбаров заведения, имеющих характер самостоятельных торговых предприятий, т. е. выбирающих торговые права отдельно от заведения, не учитываются.

Д. Рабочие и служащие, обслуживающие в заведении конную, паровую, электрическую или другую тягу, и рабочие и служащие, обслуживающие подъездные пути к заведению.

Е. Рабочие и служащие, занятые работами в имеющихся при заведении учреждениях для рабочих и служащих (жилища, бани, ясли, больницы, богадельни, школы, театры, харчевые лавки и проч.).

9. Не опрашиваются:

Рабочие, занятые работами для заведения у себя по дому или у мастеров (напр.: обшивающие платки для платочно-набивных фабрик; завертывающие в бумажки карамель для кондитерских фабрик; портные-штучники, работающие для портновских заведений; ткачи, работающие для ткацких фабрик и красильных заведений, и т. д.).

К вопросу 3 личной карты

а) Отделы (отделения), мастерские, цехи должны быть настолько точно и подробно наименованы, чтобы можно было легко и безошибочно определить класс производств, к которому они относятся, напр.: «бумаго-ткацкое отделение», «шерстопрядильное отделение», «шелкокрасильное отделение», «меднолитейная мастерская», «свинцово-прокатная мастерская», «меднокотельный цех».

б) Если отдел (отделение), мастерская, цех заняты ремонтными или другими вспомогательными работами, то они должны быть настолько точно и подробно наименованы, чтобы можно было легко и безошибочно определить, обслуживают ли они все заведение в целом или же части его, относящиеся к определенным классам производств, например: «ремонтный отдел для всего заведения», «ремонтная мастерская для бумаготкацкого и бумагопрядильного отделений фабрики», «ремонтный отдел (отделение) ситценабивной фабрики», «ремонтный цех при деревообделочной мастерской вагоностроительного завода».

В том случае, когда опрашиваемый, занятый ремонтною или вспомогательною работою (смазчик, стекольщик, водопроводчик, электротехник и пр.), не имеет в заведении определенного места работы или службы, а занят по всему заведению, в вопросе 3 карты надлежит отметить: «все заведение».

в) Если опрашиваемый работает или служит в конторе (бухгалтер, конторщик, счетовод, табельщик и проч.), в техническом или чертежном бюро, в лаборатории, на испытательной станции и проч., то место работы или службы надлежит наименовать самым подробным и точным образом; например: «главная контора», «контора при ткацком отделении», «чертежная при модельной мастерской», «лаборатория красильного отделения» и т. д.

Также точно надлежит указать место службы опрашиваемого, занятого работой или службой по хозяйственной части: по двору, на конном дворе, на складе, в амбаре и проч.

г) Если опрашиваемый работает или служит в каком-либо учреждении для рабочих или служащих, надо точно указать, какое это учреждение: жилище, баня, больница, ясли, богадельня, школа, театр, харчевая лавка и проч.

д) Если опрашиваемый работает от заведения или от подрядчика на строительных работах (на новой стройке или перестройке), то в вопросе 3 карты отметить: «стройка».

К вопросу 13 и 14 личной карты

Под должностью опрашиваемого следует понимать род работы или службы, исполняемой им в заведении. Под профессией опрашиваемого следует понимать тот род занятий, к которому опрашиваемый наиболее подготовлен в соответствии с его специальным образованием, познаниями, навыком и уменьем. Как общее правило, должность и профессия совпадают (бухгалтер, врач, ткач и проч.); но иногда такого совпадения не бывает, напр.: ткач может служить истопником, слесарь может служить сторожем и т. д.

Должность (как в отношении рода работы или службы, так и в отношении служебной иерархии) и профессию (в отношении специальных познаний, навыков и умений) надлежит обозначить полно и точно, например: «сталелитейный мастер», «ткацкий мастер», «главный бухгалтер», «бухгалтер», «помощник бухгалтера», «старший слесарь», «слесарь», «помощник слесаря», «подручный слесаря», «слесарный ученик», «слесарь-монтер», «слесарь-инструментальщик», «слесарь-водопроводчик», «токарь по дереву», «подручный токаря по металлу», «столяр-краснодеревщик» и т. д.

К вопросу 19 личной карты

Сроки найма понимаются в смысле статей 51 и 52 Уст. о пром. Труде (изд. 1913 г.).

Ст. 51. Наем рабочих производится:

1. На определенный срок.
2. На срок неопределенный.
3. На время выполнения какой-либо работы, с окончанием которой прекращается самый наем.

Ст. 52. При найме на срок неопределенный, каждая из договаривающихся сторон может отказаться от договора, предупредив другую сторону о своем намерении за две недели.

Под временным чернорабочим понимается чернорабочий, приглашенный для исполнения каких-либо работ не более, как на 6 дней.

К вопросу 20 личной карты

Наиболее часто встречающиеся формы заработной платы (по работе инженера И. М. Козьминых-Ланина — «Форма заработной платы») нижеследующие:

А. Одиночные (в смысле вознаграждения) рабочие.

Не работающие сдельно и получающие плату только по времени
1. Поденно.
2. Помесячно.
3. Почасно.

4. В расчетных книжках гарантирована поденная, месячная или почасная плата, но работают все время или частью сдельно.

5. Работают только сдельно (без гарантии по времени).

6. Работают только на урок при определенном месячном, поденном или почасном жалованье.

7. Работают на урок при определенном месячном, поденном или почасном жалованье, но с правом получения за работу сверх урока по сдельной расценке.

8. На месячном, поденном или почасном жалованье, но с правом получения премии «за сбереженное время».

Б. Рабочие, занятые совместною (в смысле вознаграждения) работою.

1. Работа дана сдельно старшим рабочим; подручные получают из заработка старших окладное жалованье, указанное в расчетных книжках.

2. Артельные или групповые (бригадн.) рабочие, занятые:

а) Сдельно. Общий артельный (или бригадный) заработок делится между всеми участниками пропорционально числу рабочих дней каждого.

б) Сдельно. Общий артельный заработок делится между участниками пропорционально проработанному каждым времени и месячному, поденному или почасному жалованью, указанному в расчетных книжках (бригадно-аккордная работа).

в) На урок. Сверх урока — сдельно. Избыток сверх окладного жалованья делится между участниками пропорционально этому жалованью и времени, проработанному каждым.

К вопросу 23 личной карты

Если указанный в этом вопросе заработок опрашиваемого по каким-либо причинам (например: получение при неоконченной сдельной работе только аванса; получении окончательного расчета за сдельную работу, за которую в предыдущем месяце был выдан только аванс; случайные простои в работе и т. д.) не будет соответствовать его обычному заработку, то надлежит дать сведения и за нормальный по работе месяц, в котором вся исполненная за месяц работа была оплачена. Все цифровые данные, относящиеся к работе за нормальный месяц, надлежит поместить под соответствующими данными, относящимися к работе за последний месяц. Наименование нормального месяца надлежит поместить под словами «последнего месяца» и «в последнем месяце».

Сверхурочною работою называется работа, производимая в такое время, когда по правилам внутреннего распорядка работать не полагается.

Если в субботу или предпраздничный день опрашиваемый проработал все число часов, предусмотренное для этого дня правилами внутреннего распорядка или условиями найма (иногда меньше, чем в будничный день) — считать его проработавшим полный урочный день.

Когда в какой-либо день (в будничный, в субботний или предпраздничный) опрашиваемый проработал не все число часов, предусмотренное для этого дня правилами внутреннего распорядка или условиями найма, — проработанную часть

дня надлежит определить дробью в зависимости от продолжительности того же самого дня.

К вопросу 34 личной карты

Когда несколько членов семьи, работающих в одном и том же промышленном заведении, живут вместе, — число живущих в семье должно указать только в опросной карте старшего (хозяина) в семье, а в опросных картах других не показывать.

В число членов семьи, живущих с опрашиваемым (когда с ним живет вся семья или когда с ним живет только часть семьи), — не надо включать тех, которые работают или служат в том же промышленном заведении, где и опрашиваемый.

Источники получения сведения для заполнения личной карты рабочего

Вопросы личной карты	
1, 2 и 3.	По показаниям: лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих опрашиваемого; по расчетной книжке и другим документам.
4, 5, 6, 7, 8 и 9	По показаниям опрашиваемого; по данным видам на жительство; по метрическим выписям; если опрашиваемый отсутствует — по книге именного списка, которой надо, однако, пользоваться с осторожностью.
10, 11, 12.	По показаниям опрашиваемого.
13 и 14.	Сопоставлением данных расчетной книжки (иногда книги личных счетов) с показаниями лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
15, 16, 17 и 18.	По показаниям опрашиваемого.
	Сопоставлением данных расчетной книжки (иногда книги личных счетов и так) с показаниями лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
19, 20 и 21.	Сопоставлением данных расчетной книжки (иногда книги личных счетов, правил внутреннего распорядка, расценочных табелей и пр.) с показаниями лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
22.	Сопоставлением тарифов и расценочных табелей с показанием лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
23.	Сопоставлением данных расчетной книжки (иногда книги личных счетов, правил внутреннего распорядка, тарифов, расценок на сдельные работы, табелей урочных и сверхурочных работ) с показаниями лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
24.	Сопоставлением данных расчетной книжки (иногда книги личных счетов) с показаниями лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
25.	Сопоставлением данных заборных книжек с показаниями лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
26.	Если имеются какие-либо официальные записи, то сопоставлением их с показаниями лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих и самого опрашиваемого.
27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35 и 36.	По показаниям опрашиваемого, частью по показаниям лиц администрации заведения, комитета рабочих и служащих.
37.	По показаниям самого опрашиваемого.

Приложение № 3

СПИСОК ПРИЗНАКОВ, ИЗВЛЕЧЕННЫХ ИЗ ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1918 года

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
1	Населенный пункт	1
2	Губерния	1
3	Группа производств[1]	2,3
4	Тип предприятия[1]	2,3
5	Действие предприятия[1]	2,3
6	Пол	4
7	Национальность	6
8	Родной язык	6
9	Место рождения (город — село)	7

[1] В анкете профессиональной переписи (вопр. 2, 3) дается только название предприятия, цеха, отделения, мастерской и т. д. При кодировании признаков 3, 4, 5 использовались первичные данные промышленной переписи 1918 г. Список групп производств был составлен в соответствии с существующей в те годы классификацией отраслей фабрично-заводской промышленности. Принципы ее изложены в «Классификации производств, промыслов и прочих отраслей труда» (М., 1920).

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
10	Место рождения (район)[2]	7
11	Возраст	8
12	Семейное состояние	9
13	Грамотность[3]	10
14	Образование[4]	11

[2] В анкете место рождения, как правило, указывалось конкретно (губерния, город, уезд, село или деревня). В целях более компактной обработки материала использовался принцип группировки губерний по экономико-географическим районам, а затем были использованы еще более укрупненные группировки. Необходимо отметить, что первичная информация по 7 вопросу анкеты о месте рождения очень дефектна, так как значительное число бланков заполнялось в отсутствии опрашиваемых и сведения по этому вопросу не могли быть получены. Иногда информация по этому вопросу была неполной вследствие небрежности заполнителей.

[3] Данные о грамотности в публикации даны только по двум позициям: грамотные — неграмотные.

[4] Вопрос об образовании раньше совсем не обрабатывался. Кодирование этих сведений представляло значительные трудности, так как в анкете указывалось конкретное учебное заведение, которое окончил или в котором учился опрашиваемый, и зачастую было трудно определить вид того или иного образования. Вопрос о классификации признака образования и продолжительности обучения был в свое время разработан работниками ЦСУ. (См. «Классификация и словарь учебных заведений. Пособие для разработки материалов профессионально-демографической переписи 1920 года». М., 1921).

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
15	Возраст поступления в торговое заведение[5]	12
16	Возраст поступления в промышленное заведение[5]	12
17	Общий стаж работы в промышленности[6]	8,12

[5] Информация по 15, 16, 17 признакам, извлекаемая из 12 вопроса анкеты, очень дефектна. Ее можно отнести только к части рабочих. Одна из причин — отсутствие многих рабочих и невозможность получить от них подобные сведения; другая заключается в том, что опрашиваемые были склонны преувеличивать начало своей трудовой деятельности; третья причина состоит в том, что уточнение о месте начала трудовой деятельности часто не принималось во внимание.

[6] Общий стаж работы в промышленности исчислялся путем вычитания из возраста рабочего возраста его первоначального поступления в промышленное заведение. К сожалению, в силу дефектности данных о возрасте первоначального поступления, о чем говорилось в предыдущем примечании, оказались недоброкачественными данные об общем стаже работы в промышленности. Поэтому в ряде случаев мы предпочитали им данные о стаже работы в должности или профессии.

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
18	Должность и специальность в должности[7]	13
19	Стаж в должности	13

[7] Формулировка вопроса была очень неудачной. Отчасти это объясняется отсутствием на момент переписи достаточно разработанной классификации профессий. Работа в этом направлении в 1918 г. была еще только начата. (См. «Классификацию производств, промыслов и прочих отраслей труда», стр. 11.) На этот вопрос в анкетах бывали самые неожиданные варианты ответов. Для кодирования ответов на этот вопрос использовалась «Классификация занятий, производств и прочих отраслей труда для разработки Всероссийской профессионально-демографической переписи 1920 года» (М., 1921); «Словарь профессий» (М., 1921); «Ключ к классификации занятий» (М., 1920). Отдельные профессии уточнялись по более поздним материалам учета профессионального состава персонала фабрично-заводской промышленности. Общее число профессий, предусмотренных системой кодирования, насчитывало около 2000. В дальнейшем группы профессий в соответствии с их квалификацией и ролью в общественном производстве были объединены.

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
20	Профессия и специальность в профессии[8]	14
21	Стаж в профессии	14
22	Прежнее занятие или профессия[9]	15

[8] В инструкции к переписи было сказано, что под должностью (13 вопрос анкеты) понимается род исполняемой на момент переписи работы. Под профессией — род занятий, к которому рабочий лучше всего подготовлен в результате профессиональной выучки и т. д. Указывалось, что, как правило, должность

и профессия совпадают, но иногда такого совпадения может и не быть. Так и получилось на практике. К сожалению, данные о профессии очень часто не заполнялись, и было трудно понять: или должность и профессия совпадают, и тогда счетчик решил не заполнять этот вопрос, или же сведения по этому вопросу вообще отсутствуют. Полностью достоверные сведения поэтому относятся только к части материалов переписи. Это касается и данных о стаже в профессии (признак 21). Принцип кодирования признака 20 тот же, что и 18.

[9] Вопрос о прежней профессии или занятии оказалось возможным отнести только к той части рабочих, которые в процессе своей трудовой деятельности сменили занятие или профессию. Таких оказалось немного. Система кодирования ответов была такой же, что в признаках 18, 20. Только она была существенно расширена за счет непромышленных занятий.

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
23	Потомственность на предприятии[10]	16
24	Наличие собственного дома и его местонахождение	17
25	Место жительства	18
26	Получение квартирных денег	18
27	Плата за место в казарме	18
28	Условия найма	19
29	Условия оплаты	20
30	Периодичность оплаты	21
31	Тариф[11]	22

[10] Данные по этому вопросу являются, по всей вероятности, неполными, так как непонятно, относится этот вопрос к данному предприятию или вообще касается преемственности фабрично-заводского труда.

[11] Обработка данных по вопросу о тарифах рабочих практически невозможна вследствие отсутствия в момент переписи единообразия тарифных сеток не только по профсоюзам, но и внутри отдельных регионов и даже на некоторых предприятиях. Весной 1918 г. только в Москве было зарегистрировано 72 тарифных договора. Сведения о тарифах, действовавших осенью 1918 г., т. е. во время проведения переписи, приводились в прессе. (См., напр.: «Статистика труда», 1918, № 8—9.) В них зачастую не ясен сам принцип составления той или иной тарифной сетки. В течение 1918 г. принимались меры по унификации тарифных систем, причем за основу был взят июньский тариф профсоюза металлистов, по которому рабочие в соответствии с квалификацией делились на 4 группы по 3 категории в каждой. В общей сложности получалось 12 квалификационных разрядов. В 1919 г. 12-разрядная квалификационная сетка была распространена на всех рабочих. Данная тарифная сетка была приведена в списке кодов. Естественно, она распространяется на небольшую часть рабочих.

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
32	Число дней, проработанных за месяц	23
33	Число урочных часов за месяц	23
34	Число сверхурочных часов за месяц	23
35	Общее число часов за месяц	23
36	Заработок за урочные часы[12]	23
37	Заработок за сверхурочные часы	23
38	Общий заработок за месяц[13]	23
39	Выход на работу в нерабочие дни	23

[12] В системе оплаты рабочих также наблюдалась большая пестрота. Размер заработка по республике был неодинаков. Так, в Сормове летом 1918 г. средний заработок рабочего составлял 121 руб. 90 коп., а в Москве — 571 руб. 82 коп. («Статистика труда», 1918, № 6—7, стр. 18—20). Разница в оплате большей частью не означала существенных отличий в материальном положении рабочих в разных районах. Причинами различия в ставках были: неодинаковая степень инфляции в различных районах, трудности материального обеспечения, натурализация заработной платы и др. Почти везде заработная плата не достигала прожиточного минимума.

[13] Ввиду того что сверхурочно работавших оказалось немного, счетчики переписи часто ограничивались заполнением графы только о заработке за урочные часы.

№ признака	Название признака	№ вопроса в анкете
40	Получение харчей	24
41	Получение продуктов первой необходимости	25
42	Получение товаров	26
43	Связь с землей	27
44	Связь с землей до революции	28
45	Сезонность	29
46	Общественная работа	30
47	Профсоюз	31
48	Потребительское общество	32
49	Рабочий кооператив	32
50	Больничная касса	33
51	Состав семьи	34
52	Местонахождение семьи (вместе — отдельно)	34
53	Местожительство семьи	34
54	Полевые работы обычно	35
55	» в 1917 году	35
56	» в 1918 году	35
57	Отпуск обычно	36
58	» в 1917 году	36
59	» в 1918 году	36
60	Отправление семьи в деревню	37
61	Количество членов семьи, отправленных в деревню	37
62	Отправление семьи	37

Сопоставление опубликованных данных с показателями выборочной обработки
(в % от общего числа рабочих в публикации — П. и при выборочной обработке — В.)[1]

Сопоставляемые показатели	Губернии и центры															
	г. Петроград		Ярославская		Иваново-Вознесенская		Тульская		Вятская		Пензенская		Воронежская		Витебская	
	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.
Пол																
мужчины	57,0	58,9	51,9	50,4	39,6	37,3	86,0	89,0	78,2	81,7	73,8	72,3	79,7	79,7	76,6	73,2
женщины	43,0	41,1	48,1	49,6	60,4	62,7	14,0	11,0	21,8	18,3	26,2	27,7	20,3	20,3	23,4	26,8
Средний возраст	30	29,7	32,7	32,7	31	30	30	30	30,7	29,7	29	29	30,7	29,7	34	34,3
Грамотность																
грамотные	66,0	68,4	58,8	63,1	46,1	46,2	73,0	75,3	52,1	56,2	58,7	60,4	53,8	58,2	62,3	60,9
неграмотные	18,8	17,7	31,3	34,4	42,1	47,1	20,6	19,7	24,2	27,3	34,2	37,2	31,3	36,1	25,4	26,8
не выяснено[2]	15,2	13,9	9,9	2,5	11,8	6,7	6,4	4,0	23,7	16,5	7,1	2,4	14,9	5,7	12,3	12,3
Родной язык																
русский	84,1	82,0	96,4	97,6	98,9	98,0	98,1	98,3	97,0	98,0	93,1	94,1	98,3	96,2	41,6	47,0
Имели собственные дома[3]																
всего	9,1	8,5	29,2	30,1	60,9	58,3	53,0	53,0	38,6	48,6	39,6	33,3	48,2	47,6	23,4	19,1
в том числе при заводах и фабриках	0,1	0,3	3,0	5,2	8,1	10,3	2,0	3,1	9,4	20,7	10,7	11,7	5,4	3,8	1,1	3,4
в окрестностях заводов и фабрик	0,5	0,4	12,4	14,6	31,9	28,4	29,7	27,4	11,1	13,8	14,8	12,2	27,4	27,5	20,1	9,8
в другом месте	8,5	7,8	11,8	10,1	18,9	19,6	19,1	22,5	18,1	14,1	14,1	9,4	15,4	16,3	2,2	5,9

[1] Такое сопоставление возможно лишь в отдельных случаях из-за ограниченного характера публикации («Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. I и 2. Вып. 2).

Материалы переписи в целом можно рассматривать в качестве генеральной совокупности по отношению к выборочной обработке. Рассчитав возможные допустимые отклонения выборочных показателей от показателей публикации (см. гл. II настоящей работы), можно видеть, что показатели публикации попадают в доверительные интервалы для выборочных показателей.

[2] Как правило, в выборке больше лиц, указавших о грамотности, поскольку мы не включали в подсчет пустые бланки.

[3] Отдельные расхождения показателей обусловлены не столько ошибками выборки, сколько ошибками регистрации, т. е. различиями в истолковании информации в первичных бланках.

Сопоставляемые показатели	Губернии и центры															
	г. Петроград		Ярославская		Иваново-Вознесенская		Тульская		Вятская		Пензенская		Воронежская		Витебская	
	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.	П.	В.
Были связаны с землей	16,8	17,0	14,7[1]	21,0	36,7	34,3	34,1	29,7	23,2	22,7	31,8	32,3	44,6	46,0	4,4	2,4
в том числе вели хозяйство	9,5	10,1	10,3	10,9	23,6	25,9	30,8	27,0	21,8	21,0	24,1	27,0	34,9	39,5	2,9	2,1
не вели хозяйства	7,3	6,9	4,4	10,1	13,1	8,4	3,3	2,7	1,4	1,7	7,7	5,3	9,7	6,5	1,5	0,3
Были связаны с землей до революции	16,5	16,6	15,0[1]	22,0	35,7	32,8	30,0	30,0	22,4	20,1	26,2	27,2	34,7	36,2	4,6	2,9
в том числе вели хозяйство	7,9	7,8	10,1	11,7	22,6	25,2	28,7	—	21,0	—	19,2	23,8	25,2	26,8	3,3	2,7
не вели хозяйства	6,6	6,6	4,9	10,3	13,1	7,6	1,3	—	—	—	7,0	3,4	9,5	10,0	1,3	1,3
Уходили на полевые работы																
обычно	0,2	0,3	0,9	1,0	1,0	0,4	4,7	2,0	9,8	5,7	3,6	4,6	2,0	1,6	0	0
в 1917 г.	0,4	0,5	1,0	1,8	1,8	0,5	3,3	1,6	7,7	5,9	4,2	5,2	1,0	0,8	0	0
в 1918 г.	0,8	0,9	2,6	3,8	4,6	2,7	3,6	2,5	11,6	9,0	16,9	15,7	1,3	1,2	0	0
Уходили в отпуск																
обычно	3,3	3,4	3,7	3,9	2,4	3,1	5,1	4,5	5,4	2,3	0,9	2,2	3,1	4,0	11,3	8,7
в 1917 г.	6,3	5,6	2,6	3,4	3,2	3,6	2,5	1,1	0,1	—	0,6	0,8	2,0	3,2	—	—
в 1918 г.	45,6	53,6	46,2	44,3	62,4	57,8	41,4	53,0	8,2	8,2	25,7	19,2	16,0	21,3	35,2	30,8

[1] Показатели выборки здесь явно предпочтительны, так как публикация не учитывает части рабочих, связанных с землей,

Оглавление